

Рудольф Штейнер

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С ЭЛЕМЕНТАРНЫМ МИРОМ

**"Калевала" - Олаф Эстесон - Русский народ
(Лекции для русских)**

Мир как результат уравнишенных действий

GA158

**Семь докладов, включая открытый,
шесть выступлений и ответы на вопросы.**

**Ганновер, Гельсингфорс, Берлин, Дорнах
1912- 1913- 1914 гг.**

**(Издано на русском: 2001, "Духовное познание", Калуга,
ISBN 5-88000-058-3)**

Перевод: О.Погибин (лекции для русских), остальное - А.Демидов.

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕВАЛА

Открытый доклад, Гельсингфорс, 9 апреля 1912

*Сущность национального эпоса (с особым вниманием к
"Калевале")*

Народный эпос как ключ к пониманию древнего мира. Илиада в рассмотрении Германа Гримма. Божественно-духовные импульсы в душе человека древности на примере Ахилла (Илиада) и Зигфрида (Нибелунги). Образы "Калевалы" и Сампо, христианские импульсы в конце "Калевалы" (Марьятта и ее сын). - Духовная наука о развитии человечества и становлении животных. Фантазия как ясновидческая сила в древности; человек как сосуд сверхчувственных сил. Ахилл и Зигфрид как представители древнего, Агамемнон и Гюнтер как представители нового человечества. Сокровища Нибелунгов, Брунхильда. Гнев Кримхильды и гнев Ахилла. - Первая ступень современного, пронизанного рассудком ясновидения. Созерцание собственного эфирного тела. Три члена внутренней душевной жизни (душа сознательная, рассудка или характера, ощущающая) и их оболочки (физическое, эфирное и астральное тела). - Вяйнямейнен, носитель культуры, создатель астрального тела; кузнец Ильмаринен, преобразователь материи, творец эфирного тела; Лемминкяйнен, носитель сил любви, создатель физического тела. Сампо как образ эфирного тела и тем самым как носитель народности. Индивидуальное и общечеловеческое. Пример согласования духовной науки и народного эпоса (инструмент Вяйнямейнена).

Первый доклад, Дорнах, 9 ноября 1914 *Связь человека с элементарным миром. Финляндия и "Калевала"*

Душевная троичность в отношении к единой душе. Освобождение сознания для троичности через действие Мистерии Голгофы на единую душу; подготовка через Скитианоса. "Калевала" как выражение ощущения троичности душевных членов в финском народе; Вяйнямйнен, Ильмаринен и Лемминкяйнен как инспираторы трех душевных членов. – Ощущение единства души в славянском народе, оказавшемся под влиянием греко-византийской культуры: "руотси" (русские); их проникновение в финскую культуру. Подготовка христианства в финском народе через восприятие Божественного единства в троичность. Идентификация с ангелом, быстрое высвобождение эфирного тела и укрепление Михаэлической свиты, подготавливающей появление Христа в эфирном, после русской инкарнации. Сильное удержание эфирного тела и медленное его высвобождение после жизни в западном, к примеру, французском, теле. Россия и Франция: духовная борьба, физический союз. Физический план и духовный мир: отражение или противостояние?

Второй доклад, Дорнах, 14 ноября 1914 *Связь человека с элементарным миром. Финляндия и "Калевала"*

Создание физического тела эфирными силами: у народов Европы и Америки извне, у народов Азии и Африки изнутри. Земля как организм, как совокупность природных духов. Взаимодействие элементарных существ и эфирных сил европейца. Действие земного элемента на образование Я, водного элемента на душевное. Взаимосвязь трехчленности морского существа (Ботнический, Финский и Рижский заливы) и ощущения трехчленности души древними финнами (Вяйнямйнен, Ильмаринен, Лемминкяйнен). Элементарные существа как инструмент народного духа; природные формы как выражение внутренней духовности; сравнение с архитравами Гетеанума. Сущностное и майя на примере Германа Гримма; о Швейцарии. "Морской дракон", инспиратор европейского человечества; противовес земного на Британских островах. Твердая земля как скелет элементарных сущностей. Конфигурация территории России во взаимосвязи с образованием Самодуха. Связь воды и земли в южной Европе: физиогномический взгляд на Италию, Грецию, Францию.

Третий доклад, Дорнах, 15 ноября 1915 *Связь человека с элементарным миром. Финляндия и "Калевала"*

Две важные истины нашего времени: душа принадлежит миру, лежащему позади чувственно-воспринимаемого, и идет от жизни к жизни. Проблески этих истин на примере книги Эмерсона "Представители человеческого рода". О Монтене. О "Геркулесе" Альбрехта Дюрера. Связь сущностных членов человека и элементов. Взаимосвязь Земли и человека как одухотворенных и одушевленных организмов в процессе эволюции. – Финский народ как совесть европейского Востока. Формирование эфирного тела силами воды на Западе, формирование физического тела силами земли на Востоке в наше время. Кельтские импульсы (гении моря), действующие на эфирное тело, и романские (исторические импульсы) в европейском Западе (Франция). Импульсы водного и земного элементов в физическом теле средней Европы (Франция, саксы). Связь Центральной Европы и Британских островов: те же импульсы, в первом случае в физическом, во втором в эфирном телах; гармония в духовном мире, борьба на физическом плане.

МИР КАК РЕЗУЛЬТАТ УРАВНОВЕШЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Четвертый доклад, Дорнах, 20 ноября 1914 *Основное переживание четвертой и пятой послееатлантических эпох*

Восприятие имагинативного мира эфирным телом. Чувство выделенности из физического тела как нарастающее ощущение человека. Два основных переживания человека: загадка Сфинкс греческой культурной эпохи (вмешательство Люцифера в процесс дыхания человека, его погружение в кровь; расширение эфирного тела); загадка Мефистофеля в наши дни (жизнь Аримана в нервных процессах; стягивание и подсыхание эфирного тела; Мефистофель как спутник человека, в скором времени уже с детства). Теология как поиск истины через нервный процесс. Победа над Сфинксом благодаря образованию Я, над Мефистофелем благодаря наполнению Я духовным познанием. Хромоногость Эдипа; Фауст как Эдип наоборот. Эдип и Сфинкс, Фауст и Мефисто в отношении к Люциферу и Ариману.

Пятый доклад, Дорнах, 21 ноября 1914 *Борьба Люцифера и Аримана в человеческом организме*

О восприятии духовнонаучных истин. Материалистические предрассудки нашего времени: душевные процессы как сопровождающие явления физических процессов. - Переход от анатомически-физиологического к духовнонаучному мышлению как задача нашего времени. Человек как пространственное существо; действие Люцифера и Аримана в трех направлениях пространства: (1) симметрия органов восприятия; состояние Я-ощущения в сечении. Человек как плоскостное существо в равновесии борьбы Люцифера слева и Аримана справа; борьба между желудком (Люцифер) и печенью (Ариман). Эфирное тело: налево светлее, направо темнее. (2) Действие Люцифера спереди вплоть до грудины, действие Аримана сзади вплоть до позвоночника; свободное пространство между. - Действие Люцифера и Аримана: направо-налево через мысли, вперед-назад через чувство, вверх-вниз через волю. (3) Действие Люцифера сверху вплоть до шейных позвонков, действие Аримана снизу вплоть до диафрагмы. - Формы Дорнахского здания: принцип "горшка для выпечки"; ощущение "переживания между" как принцип нового искусства.

Шестой доклад, Дорнах, 22 ноября 1914 *Мир как результат уравновешенных действий*

Действие люциферических и ариманических сил в эфирном теле. "Возрастное различие" трех основных форм деятельности: воля как детское мышление, чувство как старая воля. Закон преобразования в эфирном теле. Омолаживающее влияние Люцифера в воле; коснеющее влияние Аримана на мышление; влияние обоих в области чувства и формирования эфирного тела; необходимость этих воздействий. Возможность полного расцвета Я только в физическом, но не в эфирном теле. Действие природных духов на эфирное тело через Аримана и их помощь при возвращении в тело утром. Высвобождение эфирного тела благодаря Люциферу при особых переживаниях. Сущность сказок: описание переживаний вне физического тела. Влияние Люцифера и Аримана на астральное тело с точки зрения сознания (физическое тело: форма и сила; эфирное тело: движение). Бодрственное сознание: сильнее Ариман; спящее сознание: сильнее Люцифер; грезящее сознание: равновесие между обоими. - Долг и право. Смена эпохи правовых требований требованиями долга. Понимание долга: освобождение Люцифера; рассудительность относительно права: освобождение Аримана. Смена революционно-воинствующей (люциферическое) и консервативно-мирной (ариманическое) эпох. Манихейство; связь с искусством.

ОЛАФ ЭСТЕСОН

Выступление, Ганновер, 1 января 1912 *"Сновидческая песня Олафа Эстесона". Новый год*

Время празднования Рождества: тьма природных существ, спиритуальный расцвет человеческой души. Сновидческая песнь Олафа Эстесона: видение судьбы человеческой души после смерти. Значение имени Олафа Эстесона: сын любви, по наитию унаследовавший сознание. Открытие "Сновидческой песни" Предигером Ландстадом, быстрое распространение ее в Норвегии. Рецитация "Сновидческой песни."

Выступление, Берлин, 7 января 1913 *Олаф Эстесон, бодрствование Духа Земли. Введение к докладу для членов Общества*

Важный в оккультном смысле промежуток времени от Рождества до Дня трех царей: изменение жизни сновидений, усиление взаимосвязи с духовным миром. Наиболее сильная эмансипация души от Космоса прилетнем солнцестоянии. Значение имени Олаф Эстесон: описание переживаний у врат смерти в "Сновидческой песне". Близость норвежского языка оккультным тайнам. Сон (летом) и бодрствование (зимой) связанных с Землей духов в годовом цикле; Рождество как праздник бодрствующего духа; о внешнем и духовном Солнце.

Выступление, Дорнах, 31 декабря 1914 *Мировой Новый год. Пробуждение человеческой души из духовного сна тёмного времени*

Действие Космоса на Землю во время Рождества и во время Иоанна. Переживание микрокосма и макрокосма во время Рождества: Сновидческая песнь Олафа Эстесона; его погружение в стихии. Необходимость нового обретения потерянного знания прадревности и развития благоговения и поклонения в отношении этих откровений. Слова из второй книги Моисея (33, 18): человек как промысел высших Иерархий; восприятие духовного мира; тайна инициации в словах Яхве к Моисею. Причина сегодняшнего хаотичного ощущения мирового бытия: отсутствие сознания членения человеческой природы. Понятия свободы, равенства, братства: правильное понимание только через познание трехчленности человека. Полярности между этими тремя понятиями на примере свободы и братства. Идеал братства для физического, свободы для душевного и равенства для духовного мира. Необходимость материальной культуры, с одной стороны, нового пробуждения спиритуальности, с другой стороны.

Выступление (недатированная запись) *к прочтению "Сновидческой песни Олафа Эстесона"*

Переживание кругооборота года в народе. Воздержание души и ее погружение в духовный мир в Рождественские дни; особенные грезящие переживания. "Сновидческая песня Олафа Эстесона": переживание судьбы души после смерти. Жизнь души народа в этом эпосе.

РУССКИЙ НАРОД (ЛЕКЦИИ ДЛЯ РУССКИХ)

Обращение к русским слушателям цикла докладов "Духовные существа в небесных телах и царствах природы"
Гельсингфорс, 11 апреля 1912

Необходимость антропософии с точки зрения ответственности перед духовной жизнью современности. Откровение величайших истин через оставшуюся во многом детской индивидуальность Е.П.Блаватской ввиду ее эгоистической и одновременно бессамостной натуры. Ее устремленность на европейский Запад, в Англию. - Подавление восточного оккультизма Западом. Месть Востока: пронизание выступившего на Западе оккультизма национальными, эгоистическими интересами. Принятие Христианского импульса в дальнейшую жизнь человечества как следствие победы западного мира, хотя и внешней. Оккупация Христова имени; господство древних воинствующих культов в современном индустриализме. Рыцарство как благороднейший цвет материалистической культуры. Превосходство восточных народов в знании тайн бытия. Китай как наследие древней

Атлантиды; его будущее распространение. Антропософия в Центральной Европе: безличностная, отделенная от древних интересов духовность. Задача Русской Народной души: одушевление этой безличностной антропософии, соединение антропософии с сердцем.

Обращение к русским слушателям цикла докладов "Оккультные основы Бхагавадгиты" Гельсингфорс, 5 июня 1913

Осознание антропософского импульса. Превалирование импульса умершего Христа в Русской православной церкви. Соединение Христа с человечеством в Его смерти, от которой струятся силы жизни. Отдельная душа и народная душа; древность западных и юность восточноевропейских народных душ; средневропейская культура-посредник. Восприятие важных импульсов примитивными народами на примере Христова импульса. Слияние индийской "головной культуры" и европейской душевности сердца в западных культурах; пример двух инкарнаций одной индивидуальности и ее принадлежности разным потокам (Спиноза-Фихте). Требование антропософского импульса со стороны жизненных сил русской души. Североамериканский, ушедший корнями в материализм народ как полярность уходящему корнями в духовное русскому народу. Что такое свобода? - в Америке: полезная вещь; в Западной Европе: идеал; "одушевление" свободы антропософией. Антропософия как исцеление для России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ответы на вопросы, Гельсингфорс, 7 апреля 1912

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание

Заметки Ингеборг Мёллер о «Сновидческой песне!»

Калевала (Карело-финский народный эпос)

Перевод Л. П. Бельского Собрал и обработал Элиас Лённрот

СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭПОСА (С ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ К "КАЛЕВАЛЕ")

Открытый доклад, Гельсингфорс, 9 апреля 1912 г.

Прежде всего, я должен извиниться перед вами, поскольку не могу прочитать предстоящий доклад на языке этой страны. Доклад состоится по желанию друзей нашего Теософского общества, которые пригласили меня сюда, чтобы прочитать им ряд докладов в течение четырнадцати дней, при этом они полагали, что будет возможно в это же время сделать и два открытых, заранее объявленных доклада. В связи с этим я должен вновь принести извинение, если некоторые имена и названия, заимствованные из финского народного эпоса, я, не зная языка, буду произносить не совсем правильно. Непосредственно вводящим в духовную науку будет лишь доклад, который состоится в ближайшую пятницу. Тема сегодняшнего вечера затрагивает больше как бы соседствующую область, которая может быть освещена духовнонаучно. Во всяком случае, речь пойдет о такой области, которая в глубочайшем смысле слова принадлежит к наиболее интересным темам истории человечества, исторических размышлений.

Народный эпос! Только подумайте о некоторых общеизвестных народных эпосах, об эпосе Гомера, ставшем греческим народным эпосом, о средневропейской легенде, о Нибелунгах и, наконец, о "Калевале", и вам тотчас станет ясно, что благодаря этим народным эпосам мы можем проникнуть в человеческую душу и человеческие устремления глубже, чем с помощью какого бы то ни было исторического исследования, можем проникнуть так, что важные древние эпохи предстанут перед нашей душой живо, словно сегодня, предстанут так, как они касаются нас непосредственно в современности в связи с судьбами и жизнью современных, живущих вокруг нас людей. Сколь ни сомнителен и туманен в историческом смысле тот период древнегреческого народа, о котором рассказывает Гомеров эпос, мы, однако, можем, если познакомимся с содержанием "Илиады" и "Одиссеи", заглянуть в души тех людей, которые совершенно недоступны обычному историческому рассмотрению. Неудивительно, что тот, кто занимается рассмотрением народного эпоса как ученый или литератор, встречает нечто загадочное. В связи с древнегреческим эпосом мы можем указать на один факт, неоднократно обнаруживающийся в несколько лет назад опубликованной прекрасной книге одного духовно одаренного исследователя "Илиады". Я имею в виду Германа Гримма, племянника Якоба Гримма, великого немецкого ученого в области мифов, сказок и лингвистики. Вживаясь в образы и события "Илиады", Герман Гримм чувствовал, что он все снова и снова вынужден сказать: "О, этот Гомер", - мы сегодня не будем задаваться вопросом о личности Гомера, - "когда он описывает что-либо, будь это ремесло или искусство, кажется, как если бы он сам был профессионалом в этом ремесле, в этом искусстве. Описывая битву, борьбу, он обнаруживает детальное знакомство со всеми стратегическими и военными основами, которые нужны при ведении войны." - С полным правом Герман Гримм указывает на то, что строгим судьей в этих вопросах, восхищенным детальным описанием битвы у Гомера, был сам Наполеон, человек, который, без сомнения, был вправе судить о том, сколь детально и живо это воинское дело было представлено перед нашей душой гением Гомера. С общечеловеческих позиций нам известно, как пластичны образы, представленные перед нашей душой Гомером, как они как бы непосредственно встают перед нашими физическими глазами.

Что же это за народный эпос, так продолжительно действующий в различные эпохи? Ведь если непредвзято исследовать обстоятельства, никак не возникнет впечатления, будто интерес к "Одиссее" и "Илиаде" в

течение столетий вплоть до наших дней поддерживался в человечестве искусственно, скажем, искусственными педагогическими методами. Этот интерес есть нечто само собой разумеющееся, нечто общечеловеческое. Однако этот народный эпос как бы ставит перед нами задачу: как только мы пожелаем рассмотреть его, он тотчас же ставит перед нами весьма определенную и, можно сказать, интересную задачу. Его надо принимать совершенно точно, со всеми подробностями. Если мы захотим читать его так, как читают некоторые современные художественные произведения, современные романы или что-нибудь подобное, мы сразу же почувствуем, что в содержании такого народного эпоса нам кое-что непонятно. С первых строк "Илиады" мы чувствуем, что Гомер говорит точно. Что же он нам описывает? Это он нам говорит в начале. О событиях, предшествующих описываемым в "Илиаде", кое-что известно из других описаний, которых нет в "Илиаде". Гомер хочет нам описать только то, о чем он впечатляюще говорит в первой строке: гнев Ахиллеса. И если мы проштудируем всю "Илиаду" и непредвзято рассмотрим её, то мы должны сказать: поистине, там ничего нет, нет ничего такого, что нельзя было бы считать последствием гнева Ахиллеса. – И снова странный факт в начале "Илиады". Не просто с фактов начинается Гомер, не с какого-нибудь личного мнения начинается он, но он начинается с того, что для нашего времени звучит не больше, чем фраза, начинается, говоря:

"О, Муза, воспой мне гнев Ахиллеса Пелида!"

И чем глубже мы проникаем в этот народный эпос, тем яснее будет нам, что мы не поймём ни смысла, ни духа, ни значения всего этого, не восприняв серьёзно этих начальных слов. Но тогда мы должны спросить: что же это означает?

И теперь обратимся к способу изложения, к форме, в которой проходят перед нашей душой события. Это было вопросом для многих, и не только специалистов, ученых-исследователей, но и для такого знатока искусства, как Герман Гримм, были вопросом эти слова:

"О, Муза, воспой мне гнев Ахиллеса Пелида!"

Вопрос, шедший из глубины их сердец. В этой "Илиаде", равно как и в "Песне о Нибелунгах" или в "Калевале", деяния Божественно-духовных существ, – в поэме Гомера прежде всего деяния, намерения и страдания Олимпийских богов, – перемежаются с деяниями, намерениями и страстями людей, которые, как Ахиллес, в известном смысле далеко отстоят от обычных людей, и, в свою очередь, со страстями, намерениями и делами людей, которые уже ближе стоят к обычному человеческому, как Одиссей или как Агамемнон. Если этот Ахиллес выступает перед нашей душой, то по отношению к людям, вместе с которыми он живет, он покажется нам одиноким. В ходе "Илиады" мы очень скоро почувствуем, что Ахиллес – это такая личность, которая, в сущности, не может делиться своим сокровенным со всеми прочими героями. Гомер показывает нам также, как Ахиллес раскрывает то, что у него на сердце, Божественно-духовным существам, которые не принадлежат к роду человеческому, как он одиноко противостоит человеческому роду в ходе всей "Илиады" и, с другой стороны, приближен к сверхчувственным надземным силам. И опять-таки странно, что если мы с присущим нам человеческим чувством во всей полноте мышления и ощущения, приобретенными нами в культурном процессе, взглянем на этого Ахиллеса, он покажется нам таким, что придется сказать: сколько же у него личного, какой он эгоист! – Существо, в котором разыгрываются Божественно-духовные импульсы, действует целиком и полностью из личного. В такой важной для греков войне, как легендарная, длившаяся так долго Троянская война, только потому был

достигнут успех, выигрыш в некоторых описанных в "Илиаде" эпизодах, что Ахиллес смирил себя и лично договорился с Агамемноном. И всегда мы видим вмешательство надземных властей. Мы видим, как Зевс, Аполлон, Афина посылают импульсы, что бы, так сказать, поставить людей на свое место. До того как я поставил себе задачу подойти к этим вещам с духовнонаучной точки зрения, меня всегда удивляло, как подходил к этому Герман Гримм, человек, проникнутый духом, с которым я часто имел счастье лично обсуждать все эти вещи. Он высказывал это не только в своих книгах, но часто и в личных разговорах, причем в них гораздо подробнее. Он говорил: "Если мы будем учитывать только то, что в эволюции человечества выступает как исторические силы и импульсы, тогда нам не удастся правильно оценить то, что живет и творит в великих народных эпосах". - Поэтому для Германа Гримма, проникнутого духом исследователя "Илиады" и народной поэзии вообще, существовало нечто, лежащее выше обычных сил сознания человека, выше рассудка, разума, чувственного созерцания, выше повседневного чувства, существовала реальная сила, которая созидала точно так же, как и другие исторические импульсы. Герман Гримм говорил о проходящей сквозь всё человеческое развитие реальной созидательной фантазии, говорил о фантазии так, как говорят о существе, говорят о реальности, о чем-то таком, что управляет людьми, что в начале доступных нашему наблюдению времен при становлении отдельных народов могло сказать больше, нежели говорили человеку обычные душевные силы, что подобно проблескам мира, не исчерпывающегося в обычных человеческих душевных силах. Так всегда рассматривал Герман Гримм созидательную фантазию, отводя ей тем самым роль одного из творцов в процессе человеческого становления.

Однако примечательно, что, рассматривая эту сцену противоборства в "Илиаде", это изображение гнева Ахиллеса, это содействие сверхчувственных Божественно-духовных сил, мы не сможем подойти к этому правильно, используя подход Германа Гримма, и именно в его книге об "Илиаде" мы находим разочаровывающие слова. Это показывает нам, что с обычной на сегодня литературной или научной точки зрения к этим вещам не подступиться. Из чего исходит Герман Гримм по отношению к "Илиаде", а также по отношению к легенде о Нибелунгах? Он считает, что историческим династиям, поколениям владык, предшествовали другие. Так фактически, можно сказать, буквально, думает Герман Гримм. Он думает об этом так, что Зевс и всё его окружение - это своего рода поколение владык, которое предшествовало тому поколению владык, к которому принадлежит Агамемнон. Итак, он предполагает в человеческой истории некоторое однообразие, он считает Богов или Героев, изображенных в "Илиаде" или легенде о Нибелунгах, за древнейших людей, относительно которых люди более поздние отваживались описывать их дела и их характеры, лишь облекая в сверхчеловечески-мифологические одежды. Но есть многое, к чему нельзя найти правильный подход, исходя из таких предпосылок, и прежде всего особый вид вмешательства Богов именно у Гомера. Я прошу вас, мои дорогие слушатели, взять хотя бы одно: Фетида, мать Ахиллеса, Афина, другие Божественные образы - как вмешиваются они в Троянские события? Они вмешиваются так, что принимают при этом облики смертных людей, как бы одухотворяют их, побуждают их к их деяниям. Таким образом, они не являются сами, но пронизывают живущих людей. Живые люди фигурируют не в качестве их представителей, но как оболочки, пронизанные теми незримыми силами, которые не могут появиться на поле битвы в своем собственном облике, собственном существе. Было бы странным допустить, что в случае древних людей обычный облик должен был представлять так, что они в качестве своей оболочки должны были использовать других смертных людей, как бы своих заместителей. Это только одно указание, подсказывающее нам, что на этом пути правильного подхода к древнему народному эпосу найти нельзя.

Ничего не добьемся мы с подобным подходом, и взяв образы легенды о Нибелунгах, того Зигфрида из Ксанта Нижнерейнского, который прибыл ко двору Бургундии в Борис и сватал там Кримхильду, сестру Гюнтера, а также сватал для Гюнтера ту, которую он мог сватать только благодаря своим особым качествам, Брунхильду. Как странны описания образов Брунхильды Изенландской, Зигфрида. О Зигфриде написано, что он победил так называемое племя Нибелунгов, что он завладел сокровищами Нибелунгов. С помощью того, чем он завладел, победив Нибелунгов, он получил совсем особенные свойства, он мог, как это рассказано в эпосе, стать невидимым, его нельзя было поранить, и, кроме того, он имел силу, которую обычный человек Гюнтер не имел. Гюнтер не мог обладать Брунхильдой, которая не подчинялась обыкновенному смертному. Благодаря своей особой силе, которую он имел как владелец клада Нибелунгов, Зигфрид победил Брунхильду, и опять-таки потому, что он умел скрывать свою силу, он смог сосватать Брунхильду для своего деверя Гюнтера. Затем мы находим, что Кримхильда и Брунхильда, одновременно живущие при Бургундском дворе, имеют два совершенно разных характера, в которых проявляются вещи, необъяснимые при обычных человеческих душевных силах. Из-за этого они ссорятся, из-за этого происходит также и то, что Брунхильда подговаривает верного слугу Хагена убить Зигфрида. Это снова показывает вам ту черту, которая так заметно выступает именно в среднеевропейском сказании. Зигфрид обладает высшими, сверхчеловеческими силами. Эти сверхчеловеческие силы он имеет благодаря обладанию кладом Нибелунгов. Но они, в конечном счете, не придают ему облика непременно победителя, скорее он предстает перед нами в образе, исполненном трагизма. Роковыми становятся для человека те силы, которыми Зигфрид обладал благодаря сокровищу Нибелунгов. Всё становится еще более странным, если мы обратимся к родственной северной легенде о Сигурде, убившем дракона, хотя она и может послужить пояснением. Там мы встречаем Сигурда, который есть не кто иной как Зигфрид, такой же победитель дракона, добывающий тем самым сокровище Нибелунгов у древнего народа карликов. А Брунхильда предстает здесь в образе сверхчеловеческой природы, в образе Валькирии.

Итак, мы видим, что в Европе такие вещи изображаются двумя способами. Один, который непосредственно связывает всё с Божественно-духовным, показывает нам, что под Брунхильдой имеется в виду нечто, ещё принадлежащее непосредственно сверхчувственному миру, и другой способ, где сага очеловечивает. Но всё же мы можем узнать, что и в этом способе повсюду присутствует отзвук Божественного.

Ну, а теперь от этих легенд, от этого народного эпоса перенесем наш взгляд в ту область, о которой я, собственно, могу говорить как человек, воспринимающий вещи внешним образом, как можно их познать, не владея соответствующим языком. Я прошу принять во внимание, что я могу говорить обо всём, с чем западный европеец встречается в "Калевале", обращая внимание только на духовное содержание, на великие мощные образы, и должен оставить в стороне те, без сомнения существующие, тонкости эпоса, которые раскрываются для владеющего языком, на котором это изложено. Но даже при только таком рассмотрении как своеобразно выступает нам навстречу троичность в трёх, – да, здесь трудно подобрать слово, нельзя сказать Богах, нельзя сказать Героях, – скажем, в трех существах: Вяйнямёйнене, Ильмаринене и Лемминкяйнене. Эти образы говорят необычным языком, если мы сравним их друг с другом по характеру, языком, из которого ясно видно, что вещи, которые должны быть нам сказаны, исходят из чего-то более высокого, чем обычные человеческие душевные силы. Даже если мы рассматриваем это только внешним образом, эти три образа вырастают в нечто грандиозное. Однако при всем своем своеобразии, при том, что они вырастают в нечто грандиозное, каждая отдельная черта пластично предстает перед глазами,

так что мы нигде не чувствуем гротескности, парадоксальности этого грандиозного, но повсюду имеем чувство, что сказанное, само собой разумеется, и должно выступать в сверхчеловеческом величии, в сверхчеловеческом значении. И затем – как загадочно содержание. Нечто, побуждающее нашу душу подумать об общечеловеческом, но, с другой стороны, идущее надо всем, что может быть охвачено обычными душевными силами. Ильмаринен, которого часто называют кователем, который прежде всего искусный кузнец, выковывает для области, где живут, так сказать, старшие братья человечества, или по крайней мере, люди более примитивные, чем финны, для какой-то чужой страны по затее Вяйнямёйнена выковывает Сампо. Мы видим, что эта достойная изумления вещь сначала переносится далеко от того места, где разыгрываются события, о которых идет речь, затем проходит время, и мы видим, что после того как прошел определенный срок, Вяйнямёйнен и Ильмаринен снова собираются забрать обратно оставленное ими на чужбине Сампо. И тот, на кого действует эта своеобразная духовная речь, повествующая об этом выковывании Сампо, об этом удалении и новом обретении, тот имеет непосредственное впечатление, – я прошу учесть, что я говорю как иностранец и поэтому могу говорить лишь о впечатлениях такого рода, – что существеннейшее, самое значительное в этой грандиозной поэме, это именно выковывание, удаление и позднее новое обретение Сампо.

Что же совсем особенно затронуло меня в "Калевале", так это конец. Я слышал, что есть люди, которые предполагают, что этот конец может быть позднейшим добавлением. По моему чувству, именно это заключение о Марьятте и её сыне, это появление весьма примечательного христианства, – я подчеркиваю, весьма примечательного христианства, – принадлежит к целому. Благодаря такому завершению "Калевала" получает совершенно особый нюанс, окраску, которая только и может сделать для нас понятными эти вещи. Смеем сказать, что, по моему чувству, такого нежного, чудесного, безличного изображения христианства нет нигде, кроме этого конца "Калевалы". Христианский принцип проявлен в отрыве от всего местного. Приход Марьятты к Ироду, который в "Калевале" выступает как Руотус, передан так безлично, что едва ли вспомнится какая-нибудь местность или личность в Палестине. Можно сказать, ничто не напоминает нам об историческом Христе Иисусе. Интимнейшее, идущее из сердца человечества проникновение в финскую культуру благороднейшего сокровища человеческой культуры находим мы в конце "Калевалы". Но с этим связаны и трагические черты, которые могут бесконечно глубоко воздействовать на нашу душу: в том момент, когда приходит христианство, когда крестят сына Марьятты, Вяйнямёйнен прощается со своим народом, уходит в неизвестные места и оставляет своему народу лишь содержание и силу того, что он как песнопевец рассказывал о древних событиях, примыкающих к истории этого народа. Это отступление Вяйнямёйнена перед сыном Марьятты кажется мне столь значительным, поскольку в этом можно видеть живое взаимопроявление всего того, что через финский народ, посредством финской народной души, царило в древнейшие времена вплоть до момента, когда христианство получило доступ в Финляндию. Как это древнее владычество относилось к христианству, все, что здесь разыгрывалось в душах, можно почувствовать с удивительной интимностью. Я сознаю объективность сказанного мною, я никогда не стал бы говорить это ради удовольствия, ради лести. Мы, западные европейцы, благодаря этому народному эпосу имеем замечательный пример того, как перед нами в непосредственной современности, живо предстают члены одного народа со всей их душой. "Калевала" учит познавать финскую душу в Западной Европе, причем, таким образом, который вызывает к ней полное доверие.

К чему я всё это говорил? Я это сказал, чтобы охарактеризовать, как в народном эпосе выражается нечто такое, что не может быть объяснено благодаря обычным человеческим душевными силами, даже если говорят о

фантазии как о реальной силе. И хотя для иных высказанное звучит лишь как гипотеза, здесь, в этом исследовании народного эпоса, будет приведено то, что о сущности этого народного эпоса должна сказать духовная наука. Я, конечно, сознаю, что в том, что я должен сказать, встретится для нашей современности нечто такое, с чем могут согласиться только весьма немногие люди. Многие будут смотреть на это как на мечтания, как на фантазии, некоторые же, по крайней мере, будут придерживаться иных гипотез о становлении человечества. Но для тех, кто так вникает в духовопознание, как я опишу в ближайшем докладе, это будет разговор не о гипотезе, а о действительных результатах исследования, аналогично прочим результатам научных исследований. Вещи, о которых мы должны говорить, звучат чуждо по той причине, что та научность, которой доверяют, чтобы прочно стоять на почве фактов, реальности, достижимого, замыкает себя в границах восприятий внешних чувств, ограничивает себя тем, что могут сообщить о вещах органы чувств и связанный с мозгом рассудок. И поэтому сегодня считается верхом ненаучности, если говорят о методах исследования, опирающихся на иные силы души, для которых возможно созерцать сверхчувственное и взаимодействие сверхчувственного с чувственно-воспринимаемым. Благодаря этому методу исследования, благодаря духовной науке приходят не к абстрактной фантазии, к которой в связи с народным эпосом приходит Герман Гримм, но приходят к тому, что восходит над фантазией, что отображает состояние души и сознания, совершенно иные, нежели те, которые может иметь человек в современной точке своего развития. И благодаря духовной науке мы сможем возвращаться к прошлому человечества совсем иначе, чем благодаря обычной науке.

Сегодня для обычной науки свойственно, ретроспективно обращаясь к эволюции человечества, рассматривать этот процесс так, как если бы то, что мы теперь называем человеком, постепенно развивалось из низших, звероподобных существ. Духовная наука вовсе не выступает воинственно против этого современного исследования, напротив, она полностью признаёт величие и мощь достижений этой естественной науки 19-го столетия, значительность идей о метаморфозе животных форм от несовершенных к совершенным, и примыкание внешней человеческой формы к наиболее совершенным животным формам. Но она не может остановиться на таком рассмотрении человеческого становления, эволюции организмов вообще, которое возникает при обозрении внешним, чувственно-воспринимающим взглядом всего того, что совершалось в органическом мире до человека включительно в ходе земной эволюции. Для духовной науки человек находится сегодня рядом с животным миром. В мире, который окружает нас, мы наблюдаем по-разному сформированные животные образы. Мы наблюдаем также распространенный по Земле и в некотором смысле единообразный человеческий род. В духовной науке мы также имеем непредвзятый взгляд на то, как во внешней форме все говорит о родстве человека с прочими организмами, однако, прослеживая становление человечества в прошлом, мы не допускаем, что в некоей туманной древности поток человечества непосредственно вливался в эволюционный ряд животных. Возвращаясь от современного состояния к прошлому, мы находим, что современного человека, современный человеческий образ ни в коем случае не следует считать происходящим от каких-либо животных форм, которые известны нам в настоящее время.

Возвращаясь назад в ходе человеческой эволюции, мы, прежде всего, можно сказать, находим вплоть до все более примитивных форм образование у человека душевной силы, силы рассудка, чувства и воли, которые у нас есть и сейчас. Затем мы возвращаемся в туманную древность, о которой старые документы рассказывают крайне скудно. Даже там, где мы можем заглянуть назад так далеко, как в Египет или к народам Передней Азии, мы повсюду возвращаемся к древнему человечеству,

которое обладает хотя и более примитивными, но также и более величественными теми же самыми силами, силами чувства, рассудка и воли, которые в современности переформированы на нынешний лад, но которые, тем не менее, мы рассматриваем как важнейшие человеческие импульсы, как важнейшие исторические импульсы, насколько далеко удастся нам проследить назад само человечество и рассмотреть души того времени. И нигде мы не находим возможности даже для самых отдаленных поколений людей, чтобы поставить их в особое родство с современными животными формами. И это утверждение духовной науки даже сегодня признают мыслящие исследователи природы. Однако, возвращаясь всё дальше назад и рассматривая изменения человеческой души, сравнивая это с тем, как мыслит человек современности, научно или как-то иначе, как он применяет свой рассудок, как действует его сила характера, прослеживая это в обратном порядке, мы можем с точностью установить: в какой-то момент это впервые осенило человечество. Мы можем сказать: его осенило в шестом, седьмом веке до Рождества Христова. Общая конфигурация современного чувствования и мышления простирается, в сущности, не дальше того времени, о котором известно как о времени первой греческой натурфилософии.

Если же мы углубимся еще дальше, то, имея достаточно непредвзятый взгляд, даже без всякой духовной науки мы найдём, что не только прекращается всякое научное мышление, но что вообще человеческая душа находится в совершенно ином состоянии, в состоянии весьма безличном, в таком состоянии, когда ее силы мы должны считать в большей степени инстинктивными. Не то что мы хотели бы сказать, что до этого времени человек действовал из таких же инстинктов, как нынешние животные, но всё же того руководства разума и рассудка, которое существует сегодня, тогда не было. Зато тогда у людей существовала некая инстинктивная, непосредственная уверенность. Они действовали из непосредственных, элементарных побуждений, они не контролировали себя с помощью связанного с мозгом рассудка. Здесь мы, во всяком случае, находим, что в человеческой душе ещё нераздельно действовали силы, которые сегодня мы имеем как обособленную силу рассудка и ту силу, которую сегодня мы тщательно отделяем от рассудочных, приводящих к науке сил – силу фантазии. Фантазия, рассудок и разум действовали в те древние времена одно в другом. Чем дальше мы возвращаемся назад, тем больше мы находим, что о том, что правило тогда в душе человека, действуя нераздельно как фантазия и рассудок, мы совсем не могли бы говорить так, как сегодня мы говорим о душевной силе, которую мы называем фантазией. Сегодня мы совершенно точно знаем, что, говоря о фантазии, мы говорим о той душевной силе, проявления которой не могут быть применены в действительности, силе, которую мы не смеем причислять к реальности. Современный человек весьма внимателен к таким вещам, он остерегается смешивать то, что даёт ему его фантазия, с тем, что говорит ему логика и рассудок. Но, рассмотрев проявление человеческого духа в доисторические времена, до того как фантазия и рассудок стали выступать отдельно, мы почувствуем, что тогда в душе правила первозданная элементарная инстинктивная сила. В ней мы могли бы отыскать отличительные черты современной фантазии, но в том, что тогда так называемая фантазия давала людям, было нечто действительное, реальное. Фантазия ещё не была фантазией, она была – я не вижу оснований не использовать это выражение – силой ясновидения, была особой способностью души, была душевным даром, благодаря которому человек видел такие вещи, видел такие события, которые скрыты от него сегодня, в такую эпоху его развития, когда особенно должны быть выработаны рассудок и разум. Та сила, которая была не фантазией, а силой ясновидения, гораздо глубже проникала в скрытые силы и формы бытия, лежащие за чувственно-воспринимаемым миром. Непредвзято наблюдая человеческую эволюцию в её обратном

порядке, мы должны сказать: поистине слова "эволюция", "развитие" мы должны воспринимать серьёзно.

То, что человечество современности в последние столетия и тысячелетия получило столь высокопродуктивные сегодня силы рассудка и разума – это результат эволюции. Эти душевные силы развились из других. И в то время как эти наши современные духовные силы ограничены тем, что предлагает им внешний чувственный мир, первоначальное человечество заглядывало – хотя оно и было лишено науки в современном смысле и не использовало рассудок в современном смысле – в те первозданные человеческие душевные силы, лежащие в основе всех отдельных народов, заглядывало в подосновы бытия, в сверхчувственные области, лежащие за чувственно-воспринимаемым. Силы ясновидения были когда-то достоянием человеческих душ у всех народов. И из этих ясновидческих сил образовались современные человеческие силы рассудка и разума, возник современный способ мыслить и чувствовать. Те душевные силы, о которых мы можем в известном смысле говорить как о силах ясновидения, были таковы, что человек в то же время чувствовал: "Это же я сам, кто здесь думает во мне, кто во мне чувствует". – Человек ощущал себя со всей своей телесностью и со своим душевным существом как бы отданным высшим сверхчувственным силам, которые в нем действовали и жили. Человек чувствовал себя сосудом, через который говорили сами сверхчувственные силы. Обдумав это, мы понимаем также и смысл дальнейшего развития человечества. Люди оставались бы несамостоятельными существами, которые могли бы чувствовать себя лишь сосудом, оболочкой сил и существ, если бы они не сделали шага вперед к собственному употреблению рассудка и разума. Благодаря употреблению рассудка и разума человек становится самостоятельным, но в тот же эволюционный момент он оказывается в некотором отношении оторванным, отрезанным от сверхчувственных подоснов бытия. В будущем это снова станет иначе. Чем дальше мы возвращаемся, тем глубже заглядывает человеческая душа в подосновы бытия благодаря силам ясновидения, прозревает, как из подоснов бытия происходили те силы, которые работали над человеком в доисторические времена, вплоть до того времени, когда все земные условия были совершенно иными, чем сегодня, когда они были таковы, что формы живых существ были подвижнее, были гораздо сильнее подвержены метаморфозам, чем сегодня. Так мы должны возвратиться во времена, далеко отстоящие от того, что мы называем современным человеческим культурным периодом, мы должны проследить идущее параллельно друг другу развитие человека и развитие животных. Отделение животной формы от человеческой происходило гораздо раньше, чем это сегодня предполагают. Животные формы отвердели, стали неподвижными в то время, когда человеческие формы были ещё совсем мягкими и гибкими, могли формироваться и принимать в себя отпечатки того, что переживалось внутренне душевно. Так мы возвращаемся в эволюции человека к тому времени, до которого современное сознание не проникает, но для которого в душе существует ещё и иное сознание, связанное с ясновидческими силами, которые были охарактеризованы. Такое сознание, которое может заглянуть в прошлое и видит, как человеческая эволюция выходит из прошлого совершенно отдельно от всей животной жизни, видит также, что человеческие силы, которые там имеются, правят ещё в живой связи со сверхчувственными силами. Оно видит то, что во время возникновения, например, эпоса Гомера ещё существовало как слабый отголосок древности, то, что во времена более ранние было гораздо сильнее. Если мы вернёмся в догомеровские времена, то мы найдём, что люди обладали ясновидческим сознанием, которое позволяло как бы вспоминать доисторические события и было в состоянии по памяти описывать ход событий человеческого становления. Ко времени Гомера дело обстояло так, что чувствовали, как древнее ясновидческое сознание исчезает, но чувствовали и то, что оно ещё есть. Это было время, в которое не человек

как самостоятельное и эгоистическое существо говорил из себя, но тогда из него говорили Боги, сверхчувственные духовные силы. Мы серьёзно должны принять то, что говорит Гомер не от себя, говоря: "О, Муза, воспой мне гнев Ахиллеса Пелида! Воспой во мне высшее существо, существо, которое говорит через меня, которое овладевает мною, когда я говорю и пою". –

Эта первая строчка Гомера есть реальность. Таким образом, мы должны указывать не на древние династии владык, которые в привычном смысле были подобны нашим нынешним людям, но мы будем указывать с помощью самого Гомера на то, что в древние времена были другие люди, люди, в которых жило сверхчувственное. Ахиллес – это личность переходного периода от ясновидения к современному способу постижения, который мы уже находим у Агамемнона, у Нестора и у Одиссея, и который вёл в то время дальше к более высокому постижению. Понять Ахилла мы сможем, только зная о том, что Гомер хотел показать в нём представителя древнего человечества, который живёт во время, находящееся между тем временем, когда люди ещё непосредственно восходили к древним Богам, и временем современного человечества, которое началось примерно с Агамемнона.

Точно так же к доисторическим временам восходит и среднеевропейский миф о Нибелунгах. Это обнаруживается во всём изложении этого эпоса. Здесь мы имеем дело уже с людьми в каком-то смысле современными, но эти наши современники сохраняют ещё нечто от времен древнего ясновидения. Все свойства, которые присущи Зигфриду: и то, что он может делаться невидимым, и то, что он имеет силу, чтобы одолеть Брунхильду, которую не мог одолеть простой смертный – всё это, как и прочее, сообщенное о нём, показывает нам, что мы имеем дело с человеком, который как бы во внутренней человеческой памяти перенес в человечество современности преимущества древних душевных сил, связанные с ясновидением и природным бытием. Какое же переходное состояние характерно для Зигфрида? Это выявляется из отношения Брунхильды к Кримхильде, жене Зигфрида. Здесь мы не будем вдаваться в подробности того, что означают эти два образа. Но мы могли бы правильно подойти к этой легенде, если в предстающих нам образах мы будем видеть наглядное изображение внутренних ясновидческих или ясновидчески вспоминаемых отношений. Так, в отношениях Зигфрида к Кримхильде мы можем видеть его отношение к своей собственной душевной силе, которая правит в нём. Его душа – это в некотором роде переходная душа, именно потому, что Зигфрид перенёс в новое время нечто от сокровища Нибелунгов, то есть от ясновидческих тайн древности, хотя это и сделало его неприспособленным к современности. Жить с этим кладом Нибелунгов, то есть с древними силами ясновидения, могли люди древности. Земные условия изменились. Вот почему Зигфрид, ещё несущий в своей душе отзвуки древних времен, неприспособлен к современности, и это делает его образ трагическим. Как может современное относиться к тому, что еще жило в Зигфриде? Для Зигфрида еще живо нечто от древнего ясновидения, и когда он побежден, Кримхильда остается. Она воспользуется кладом Нибелунгов, она в состоянии его применить. Мы знаем, что позднее с помощью Хагена клад Нибелунгов у нее отберут. Мы можем видеть, что Брунхильда тоже может владеть старыми ясновидческими силами. Тем самым она противостоит тем людям, которые приспособлены к своему времени: Гюнтеру и его братьям, прежде всего Гюнтеру, который Брунхильде не нравился. Почему же? Из легенды мы знаем, что Брунхильда – это, своего рода, образ Валькирии: то есть нечто в человеческой душе, а именно то, с чем в древности человек ещё мог соединяться с помощью ясновидческой силы, но что потом было отобрано у человека, стало бессознательным, с чем человек, живя в современную эпоху рассудка, может соединиться только после смерти. Поэтому и соединялись с Валькирией в момент смерти. Валькирия – это персонификация той живой

душевной силы, которая присутствует в современном человеке, тех душевных сил, к которым проникало древнее ясновидческое сознание, которые, однако, современный человек переживает, только пройдя через врата смерти. Тогда он впервые соединяется с этой душой, которая изображена в Брунхильде. Поскольку Кримхильда имеет ещё нечто от древнего ясновидческого времени и сил, которые получает душа благодаря древнему ясновидению, она представляет собой такой образ, чей гнев описывается подобно гневу Ахиллеса в "Илиаде". Это наглядно показывает нам, что люди, которые в древности еще обладали древними ясновидческими силами, не контролировали себя рассудком, не давали править рассудку, но действовали непосредственно из элементарнейших, интенсивнейших импульсов. Отсюда это личное, крайне эгоистичное, как у Кримхильды, так и у Ахиллеса.

Особенно интересны будут все эти вещи при рассмотрении народного эпоса, если мы обратимся к тому народному эпосу, с которого начали – "Калевале". Мы сможем показать, а сегодня по недостатку времени только указать на то, что в наше время духовная наука только потому может сослаться на это древнее ясновидение, поскольку сегодня снова благодаря духовному ученичеству стало возможно вызывать ясновидческое состояние, причем не сновидчески, а в более высокой форме, пронизанное рассудком. Человек современности постепенно снова входит в ту эпоху, в которую из глубины человеческой души будут прорасти скрытые силы, направленные на сверхчувственное, причём происходит это будет под руководством рассудка, а не без его контроля. Это эпоха, когда эти люди будут указывать вверх в сверхчувственную область так, что мы снова узнаем те области, о которых, смутно сознавая, говорили нам древние народные эпосы. Поэтому мы можем сказать: следует признать, что постижение мировых явлений возможно не только с помощью внешних чувственных органов, но это возможно и благодаря чему-то сверхчувственному, лежащему в основе внешнего физического тела.

Существуют методы, о которых должна пойти речь в ближайшем докладе, благодаря которым человек сможет то духовно-сверхчувственное, внутреннее, которое так часто отрицается сегодня, сделать независимым от внешнего чувственного тела так, что человек не будет жить как бы во сне, став независимым от своего тела, но он станет воспринимать духовное вокруг себя. Тем самым современное ясновидение даёт человеку возможность, познавая, жить в более высоком, сверхчувственном теле, которое наполняет обычное чувственно-воспринимаемое тело подобно тому, как наполняют сосуд. В духовной науке оно называется жизненным или эфирным телом. Это эфирное тело покоится внутри нашего чувственного воспринимаемого тела. С его помощью, внутренне высвобождая его от физически-чувственного тела, мы приходим также и теперь к тому состоянию восприятия, благодаря которому мы будем воспринимать сверхчувственные факты. Мы будем воспринимать сверхчувственные факты двоякого рода. Во-первых, в начале нашего ясновидческого состояния мы будем воспринимать так, что нам будет известно, что мы видим уже помимо нашего физического тела, слышим – помимо нашего физического тела, мыслим без помощи мозга, связанного с физическим телом. При этом мы ещё не знаем обо всём внешнем мире. – Я описываю вам факты, точное объяснение которых будет возможно в ближайшей лекции. – Но зато тем больше первая ступень ясновидения ведет нас к созерцанию нашего эфирного тела. Мы видим сверхчувственную телесность человеческой природы, лежащую в основе этой природы, и мы не можем выразить это иначе, как нечто действующее и творящее, как своего рода мастер-строитель, внутренний деятель, который жизненно пронизывает наше физическое тело. А за тем мы обнаружим следующее.

Мы обнаружим, что нечто воспринятое нами в нас самих, то, что мы воспринимаем в нас самих как собственно жизненный элемент нашего эфирного тела, с одной стороны, ограничивается, модифицируется посредством нашего физического тела, что оно как бы облачено с физической стороны. Однако глаза и уши, физический мозг остаются без облачения и за счёт этого мы сопричастны чисто земному элементу. При этом мы воспринимаем, что наше эфирное тело делает нас обособленными эгоцентрическими людьми, которые вчлнены в оболочку своего физического тела. Но, с другой стороны, мы воспринимаем, как наше эфирное тело вводит нас и в такую область, где мы безлично противостоям высшему, сверхчувственному, чему-то такому, что не есть мы, но что существует в нас, присутствует во всей полноте, что действует сквозь нас как духовная сверхчувственная сила и мощь. Из-за этого наша внутренняя душевная жизнь, наблюдаемая духовнонаучно, распадается на три части, которые заключены в три внешние телесные оболочки, наполняет их. По отношению к нашей душе мы живём так, что в ней мы переживаем то, что видят наши глаза, слышат наши уши, что могут вообще охватить наши чувственные органы, что может постичь наш рассудок. Нашей душой мы живём в нашем физическом теле. Поскольку наша душа живёт в физическом теле, мы называем её в духоведении душой сознательной, ибо только через полное вживание в физическое тело в ходе человеческой эволюции стало возможно, чтобы человек дорос до Я-сознания. Затем современный ясновидящий учится также узнавать жизнь души в том, что мы назвали эфирным телом. В эфирном теле душа живёт так, что хотя она и имеет свои силы, но здесь эти душевные силы действуют так, что мы можем назвать их своими собственными силами. Это общечеловеческие силы, силы, посредством которых мы оказываемся гораздо ближе к всеобщим скрытым фактам природы. Поскольку душа воспринимает эти силы в некоей внешней оболочке, а именно, в эфирном теле, мы говорим о втором члене души, о душе характера или душе рассудочной. И точно так же, как душу сознательную мы находили замкнутой в оболочку физического тела, находим мы душу характера или рассудочную замкнутой в эфирном теле. А затем мы имеем ещё одно более тонкое тело, посредством которого мы возносимся в сверхчувственный мир. Всё то, что мы переживаем внутренне как нашу исконную тайну, то, что сегодня скрыто от сознания, что во времена древнего ясновидения ощущалось как движущая сила человеческого эволюционного процесса, что ощущалось так, как если бы оглядывались на события туманного прошлого – всё это мы приписываем душе ощущающей, тому, что заключено в тончайшее из всех человеческих тел – астральное тело, так мы его называем, – я прошу не смущаться выражением и принять его лишь как технический термин. – Эта часть существа человека, которая как бы связывает человека с внешним земным, которая инспирирующе воздействует на его внутреннее. С помощью внешних чувств человек этого воспринять не может, не может он воспринять это, заглядывая посредством своего внутреннего в своё эфирное тело. Это может быть воспринято, если он станет независимым от себя самого, от своего эфирного тела, и будет связан со своими исходными, исконными силами.

Итак, мы имеем душу ощущающую в нашем астральном теле, душу характера или рассудочную – в нашем эфирном теле, и душу сознательную в нашем физическом теле. Во времена древнего ясновидения эти вещи более или менее инстинктивно осознавались людьми, ибо они могли смотреть в себя, они видели это трехчленное душевное существо. Не то чтобы они рассудочно расчлняли душу, но поскольку они имели ясновидческое сознание, перед ними предстала трехчленная человеческая душа, душа ощущающая – в астральном, душа рассудочная или характера – в эфирном, и душа сознательная – в физическом теле. Оглядываясь в прошлое, они видели, как внешний облик, внешний человек застывал медленнее, чем у животных, как он развивался из того, что

сегодня в своем развитии выступает как тройственная сила души. При этом они ощущали, что это троичное расчленение порождено сверхчувственными творящими силами.

Они ощущали, что душа ощущающая родилась из сверхчувственной творящей силы, которую дает человеку астральное тело, то тело, которое он имеет не только между рождением и смертью, как свои эфирное и физическое тела, но что он берёт его с собой, вступая во врата смерти, и что он имеет его перед тем, как благодаря рождению вступить в бытие. Так древние ясновидящие видели душу ощущающую связанной с астральным телом, видели то, что из духовного мира инспирирующим образом действует на человека, творит его астральное тело, видели как творящую силу, образующую человека из мирового Универсума.

И как вторую творящую силу они видели то, что мы имеем как душу рассудочную или характера, что образует эфирное тело так, что это эфирное тело преобразует все внешние вещества, всю внешнюю материю так, чтобы они могли заполнить физический облик человека, как это свойственно именно человеку, а не животному. Тот создающий дух эфирного тела, результатом деятельности которого выступает душа рассудочная, древние ясновидящие созерцали как космическую силу, действующую в человеке подобно действию магнетизма в физической материи. Они смотрели вверх в духовные миры, видели Божественно-духовные силы, которые словно плотник или кузнец делали эфирное тело человека, так что это эфирное тело человека становилось строительным мастером, строителем, преобразующим внешнюю материю, оно как бы перемешивает её, распыляет её, рисует её так, чтобы то, что иначе осталось бы просто материей, складывалось в человека и человек получал человеческие способности. Древние ясновидящие видели, как эта создающая сила наподобие художника перестраивала всю материю так, чтобы она могла стать человеческой плотью.

Затем они видели третье, душу сознательную, которая, в сущности, делает человека эгоистичным, которая является преображенным физическим телом и которой приписываются силы, действующие в физическом теле по линии наследственности, те, что происходят от отца и матери, от дедов и прадедов, словом, что является результатом человеческих сил любви, человеческих сил воспроизведения. В этом они видели третью силу. Сила любви действовала от поколения к поколению.

Древние ясновидящие смотрели вверх на три силы, на три создающие существа, которые напоследок вызывают нашу душу ощущающую, формируемую в человеке астральным телом, которое может быть инспирировано сверхчувственной силой, так как оно является тем телом, которое человек имеет ещё до того, как он через зачатие становится земным существом, тело, которое человек имеет, пройдя сквозь врата смерти. Этот силовой облик, а лучше сказать, как бы небесный облик человека является пребывающим, тогда как эфирное и физическое тела являются преходящими. Для древних посвященных это было тем, – и это было дано им как непосредственный опыт – это было тем, что вносило в человеческую жизнь всю культуру. Поэтому в подателе астрального тела видели ту силу, которая исходила от Божественного, которая была пребывающей, посредством которой вечность пронизывала мир пением и тоном. И древние ясновидящие, от которых, я не боюсь это утверждать, взяли начала образы Калевалы, обозначали то живое пластическое формирование этой творящей силы, проникающей в нас в результате деятельности души ощущающей, силы, которая несла Божественную инспирацию, они обозначали это как Вяйнямёйнен. Вяйнямёйнен является творцом того человеческого телесного члена, который пребывает, проходя через рождение и смерть, принося небесное в земное. И второй образ мы видели в "Калевале" – Ильмаринен. Если мы вернемся к старому ясновидческому сознанию, то мы найдём, что Ильмаринен – это то, что в своём живом действии является первообразом эфирного тела, сил Земли, и

того, что принадлежит не чувственно-воспринимаемой Земле, а глубинным силам Земли. В Ильмаринене мы видим творца того, что преобразует, перерисовывает всю материю. Мы видим в нём кователя человеческого облика. А в Сампо мы видим человеческое эфирное тело, выкованное Ильмариненом из сверхчувственного мира для того, чтобы расплыть чувственно-воспринимаемую материю и вести затем от поколения к поколению так, чтобы в тех силах, которые даёт третье Божественное духовное существо, могла действовать от поколения к поколению душа сознательная, действовать в физическом теле человека посредством сил любви. Эту третью Божественно-духовную силу мы видим в Лемминкайнене. Так видим мы глубокие тайны человеческого становления в выковывании Сампо, видим глубокие тайны древнего ясновидческого сознания в "Калевале", и оглядываемся назад на прошлое человека, о котором мы вправе сказать: этому времени не было свойственно явления природы анализировать рассудком. Всё было примитивным, но в примитивном лежало созерцание того, что стоит за чувственно-воспринимаемым. Дело обстояло так, что когда было выковано это тело человека, а именно, когда было выковано эфирное тело человека, Сампо, оно должно было еще долго дорабатываться, чтобы человек не сразу получил те силы, которые были уготованы для него сверхчувственными силами. В то время как эфирное тело было выковано, оно должно было еще внутренне пообжиться, подобно тому, как если бы мы изготавливали машину. Ее сначала надо сделать, потом доработать и только тогда использовать. В человеческом становлении – это показывает вся эволюция – всегда должно быть промежуточное время между созданием какого-либо члена и его употреблением. Человек сковал своё эфирное тело в глубокой древности. Затем следует эпизод, в котором это эфирное тело было послано вниз в человеческую природу. Ещё позднее оно засияло в качестве души рассудочной. Человек учился использовать свои силы как силы внешней природы, он извлекал из своей собственной природы оставленное скрытым Сампо. Мы видим, столь чудесно и наглядно заложена эта тайна человеческого становления в выковывании Сампо, в том, что оно было спрятано, в бездействии Сампо, в тех эпизодах, что происходят от выковывания до возвращения. Мы видим, как Сампо было сперва погружено в человеческую природу, затем извлечено как сила внешней культуры, выступающая сначала как примитивная сила, как это описано во второй части "Калевалы".

Так всё в этом величественном народном эпосе получает глубокое значение, если мы рассматриваем его как ясновидчески полученное описание древних процессов человеческого развития, приведение в действие человеческой природы из различных членов. Для меня, познакомившегося с "Калевалой", позвольте вас уверить, спустя долгое время после того, как эти факты о становлении человеческой природы ясно предстали перед моей душой, было удивительным, ошеломляющим фактом именно в этом эпосе снова найти то, что я более или менее теоретически мог описать в своей "Теософии", которая была написана в то время, когда я ещё не знал ни одной строчки из "Калевалы". Так мы видим, как тайны человечества раскрываются в том, что дает Вяйнямёйнен, творец сверхчувственной инспирации: история выковывания эфирного тела. Но здесь скрыта еще и иная тайна. Я, надо заметить, по-фински не понимаю и могу говорить только, исходя из духовной науки. Слово Сампо я мог бы вполне однозначно объяснить только, пытаясь построить слово, которое могло возникнуть следующим образом. У животных, как мы видим, эфирное тело действует как строитель всевозможных обликов, от самых несовершенных вплоть до самых совершенных. В человеческом эфирном теле было выковано нечто такое, что сочетает все эти животные образы в некое единство, с тем единственным исключением, что эфирное тело, так называемое Сампо, по отношению к Земле было выковано в соответствии с климатическими и иными условиями, так что эфирное тело несло в своих

силах особый народный характер, особые свойства народа, оно образовывало один народ так, другой иначе. Для всякого народа Сампо является тем, в чем выявляются особенности конфигурации эфирного тела, обуславливающего жизнь конкретной народности так, что члены этой народности имеют тот или иной внешний вид, имея в виду то, что просвечивает сквозь её жизненное и её физическое. Насколько одинаковый внешний вид в человеческом облике обусловлено эфирным, настолько силы эфирного тела лежат в Сампо. Итак, в Сампо мы имеем символ общности финского народа, то, что в глубине человеческого элемента работает так, что этой финской народности присущи определенные черты.

Так дело обстоит с любым народным эпосом. Народный эпос может возникнуть только там, где культура еще замкнута в силах Сампо, в силах эфирного тела. И пока культура зависит от сил Сампо, до тех пор народ носит отпечаток самого Сампо. Поэтому это эфирное тело всей культуре придает характер народности, национального. Когда же в ходе культурного процесса может произойти надлом этого народного, национального? Это может произойти тогда, когда в культурную эволюцию вступает нечто не индивидуальное- человеческое, не племенное, не народное, но общечеловеческое, что исходит из таких глубин человеческой природы, из столь тонкого и интимного, что, воплощаясь в культурном процессе, оно имеет ценность для всего человечества без национальных, расовых и прочих различий. Это и было дано тогда, когда к людям говорила та сила, которая говорила не к одному народу, но ко всему человечеству, та сила, которая так безлично в отношении национального, так тонко и нежно означена в конце "Калевалы", когда Христос рождается от Марьятты. Когда Он принимает Крещение, Вяйнямёйнен оставляет страну, так как наступает нечто, приводящее отдельный народ к связанности с общечеловеческим. И здесь в этой точке, где значительнейший, точнейший, грандиознейший народный эпос совершенно безлично приступает к описанию, - позвольте мне парадоксальное выражение, - непалестинскому описанию Христова импульса, "Калевала" становится особенно значительной. Совершенно особым образом приводит она нас к тому, что можно ощутить здесь: что благоденствия, счастье этого Сампо - в постоянном воздействии на все человеческое развитие, во взаимодействии с христианской идеей, с христианским импульсом. Это выражено в конце "Калевалы" с бесконечной чуткостью. Это также ясно показывает нам, что предшествующее этому концу "Калевалы" принадлежит дохристианской эпохе. Но как верно то, что все общечеловеческое может устоять, если его охраняет индивидуальное, также верно и то, что отдельная народная культура, берущая начало в древнем, ясновидческом состоянии народа, продолжает жить в общечеловеческом. Также верно и то, что всё описанное в конце "Калевалы" как христианское, всегда увязывается и приносит особые плоды благодаря чему-то бесконечно действующему, благодаря инспирации Вяйнямёйнена. Ибо с Вяйнямёйненом связано нечто, принадлежащее той части человеческого существа, которая выше рождения и смерти и проходит вместе с человеком через всю человеческую эволюцию.

В таком эпосе, как "Калевала", изображено нечто непреходящее, что может быть проникнуто христианской идеей, но ценно именно как индивидуальное, оно всегда доказывает, что общечеловеческое изживается в многочисленных народных культурах подобно тому, как солнечный свет разделяется на множество красок. И так это общечеловеческое в существе народного эпоса пронизывает индивидуальное, которое, однако, озаряет каждого человека, каждому человеку говорит, поэтому индивидуальности народов весьма сильно изживаются в их народных эпосах. Поэтому перед нашими глазами так живо встают люди древних времен, которые прозревали сущность своей собственной народности благодаря своему ясновидению, что описано во всех народных эпосах. И всё же мы можем столь чудесным образом познакомиться с этим именно здесь, где человечество постигается в его интимности благодаря особенностям финского народа, где то, что лежит в глубине души, изображено так, что

его можно непосредственно связать с тем, что может сказать нам о тайнах человечества современная духовная наука.

Но в то же время, мои дорогие слушатели, такие народные эпосы в своем существе являются живым протестом против всего материалистического, против всего, в чем люди исходят из чисто внешних, материальных сил, материальных процессов, материальных существ. Такие народные эпосы, и особенно "Калевала", сообщают нам, что человек свое начало и первосостояние имел в душевно-духовном. Вот почему обновление, новое оплодотворение древних народных эпосов может сослужить неизмеримо большую службу для духовной культуры. Ибо как духовная наука вообще хочет стать сегодня обновлением человеческого сознания о происхождении человечества не из материи, а из духа, так и точное исследование такого эпоса как "Калевала" показывает нам, что лучшее из того, что человек имеет, лучшее из того, чем является человек, происходит из духовно-душевного. В этом смысле мне было интересно то, как некоторые руны, кантеле прямо-таки, я бы сказал, протестуют против материалистической интерпретации событий "Калевалы". Тот инструмент, подобие арфы, с которым пели сказители древности, в образах представлен так, как будто он изготовлен из материалов физического мира. Но древние руны протестуют, в духовнонаучном смысле возражают против того, что струнный инструмент Вяйнямёйнена изготовлен из природных веществ, которые можно увидеть с помощью органов чувств. В действительности же, как гласит древняя руна, из душевно-духовного происходит тот инструмент, на котором человек как бы играет мудрость, приходящую к нему непосредственно из духовного мира. В этом смысле древние руны вполне в духовнонаучном смысле живо протестуют против материалистического истолкования человека, указывая, что то, чем человек обладает, чем является его существо, лишь символически выражается в инструменте Вяйнямёйнена, что этот инструмент исходит из духа, а тем самым и всё существо человека происходит из Духа. Как эпитафия к духовнонаучному пониманию может быть древняя финская руна, которая дана нам в немецком переводе и в которой я могу резюмировать основной тон и основной характер того, что должно было прозвучать в этой лекции о народном эпосе:

Ошибаются те люди,
Что так смело утверждают
Будто старый Вяйнямёйнен
Из зубов огромной щуки
Смастерил своё кантеле –
Инструмент прекрасно-струнный,
Будто струны натянул он
Из хвоста коня Хийси:

Из забот его он создал.
Он скрепил его печалью.
Струны страсти натянул
И страданий горьких слёзы.

Так все существа рождены не из материального, а из душевно-духовного, также как и эти древние руны, также как и духовная наука, которая желает вступить в живой культурный процесс нашего времени.

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД Дорнах, 9 ноября 1914 г.

Мне хотелось бы этими докладами внести вклад в более глубокое понимание того, что уже было высказано, было так или иначе сказано в связи со строительством нашего здания, и кое-что из того, что может быть дополнено в будущем, тоже сможет быть лучше понято благодаря такому эпизодическому рассмотрению, каким должно быть сегодняшнее.

Мы знаем, что душевное существо человека является для нас расчлененным на душу ощущающую, душу характера или рассудочную и душу сознательную. Мы знаем, что в этих трёх членах души работает "Я" человека, как это описано в "Теософии". В природе человека поистине многое происходит не так, как оно происходило бы, проникнув в сознание. Именно духовнонаучное познание может постепенно привести к тому, что многое, лежащее в глубинах человеческой души, будет освещено светом сознания. Но и тогда душа человека высветлит лишь ничтожную часть обширного душевного горизонта, а за этим горизонтом остается весьма многое, что имеет для души глубокое, глубинное значение, но в обычной жизни не осознаётся: для образования человеческой души оно гораздо значительней, чем то, что осознано. И сейчас нам хотелось бы прежде всего взглянуть на то, что обычно не вступает в сознание. Для нынешних людей это даже очень хорошо, что оно не вступает в сознание. Но позднее мы увидим, что не всегда это было так для всех людей. Если бы можно было лишь немного углубить обычное, повседневное сознание человека, если бы можно было приподнять то, что, я бы сказал, лишь на одну ступень бессознательнее обычного сознания, то человеческая душа очень скоро пришла бы к осознанию своей тройственности, о чём уже было сказано, что она поистине не является единой, но тройственной. В книге "Как достигнуть познаний высших миров?" я указывал, что если человек начинает продвигаться к духовному миру, он как бы распадается на трое. И стоит только лишь немного заглянуть в эту как бы сокровенную часть сознания, как очень скоро замечают эту тройственность: души ощущающей, души характера или рассудка, и души сознательной. Под порогом сознания - и даже совсем не так уж и глубоко для современного человека - поистине существует своего рода душевное царство, где господствует не единство, а своего рода тройственность, где господствуют излучения этой тройственности, так что в момент, когда человек оттесняет назад то, что было им полностью достигнуто только, в сущности, со второй половины четвертого послееатлантического периода, и доведено до полной ясности только в начале пятой послееатлантической эпохи - итак, как

только человек оттачивает это назад, он точно может различить и мира.

Одна область такова, что в ней больше действуют инспирации, в неё входят сновидческие, грезоподобные инспирации. Благодаря же второй области человек как бы одушевляет и выстраивает самого себя в физических частях. А третья область та, где он удерживает сознание о мире.

Итак, первая область такова, что в нее проникают инспирации, грезоподобные инспирации, наполняющие душу, и это связано с душой ощущающей. Вторая область, где душа как бы благодаря своему собственному внутреннему формообразованию, построению, строит своё тело, связана с душой характера или рассудочной. Это внутренний труженик, строительный мастер, мы можем даже сказать, кузнец физического тела. И третья область – посредник внешнего познания, связанного с миром, та, которая связана с органами чувств, с физическим миром вообще, – она связана с душой сознательной. Вы могли бы также сказать: связана с физическими силами.

Как бы душевная тройственность правит в основе души человека, и эта тройственность противостоит власти и действиям того, что стремится к единству. Тем самым я хочу указать, что я как бы одному особенному душевному царству противопоставляю здесь другое.

Эта душевная область действует в некотором отношении как совершенно единая в себе. Но она действует как нечто, единое от природы, стоящее в душе за темпераментом, за характером, покоящееся в душе глубоко внизу, как некая единая душа. Я хотел бы это обозначить следующим образом: единая душа в противоположность троичности.

При том, какова теперь наша душа, эта единая душа не могла бы подняться над своего рода смутной жизнью, если бы не была как бы озарена, просветлена. И в наше время просветление всегда исходит в той или иной форме от Мистерии Голгофы, так что я здесь символически обозначаю то, что каким-либо образом излучается в единую душу, какая-либо форма, в которой Мистерия Голгофы излучается в единую душу.

В течение ряда лет мы уже прилагали много усилий, чтобы постепенно создать представление о том, как бесконечно широко всё то, что связано с Мистерией Голгофы. Поэтому вы можете понять, что если каким-либо образом Мистерия

Голгофы излучается в душу человека, то это всегда лишь некая ступень, некая стадия Мистерии Голгофы. Но представьте себе, что поскольку эта единая душа есть ещё нечто как бы смутно вынашиваемое, что, однако, особенно ценно для нашего времени, постольку это единое должно стать просветлённым благодаря Мистерии Голгофы в той или иной её форме.

Ведь в каждую душу проникает то, что исходит из различных мировых центров инспирации и инициации, и это тоже относится к подсознательным влияниям в душе человека. Видите ли, воздействия Мистерии Голгофы всеобъемлющи и универсальны, но человек, человеческая душа может воспринимать Мистирию Голгофы лишь одним, определенным образом. Раньше я часто говорил о том центре инициации, который совершенно особым образом действует во внутреннем души, для того чтобы это внутреннее души было правильно подготовлено к совершенно особенному просветлению от Мистерии Голгофы. Я говорил: "Этот инициативный центр всегда возглавляет посвященный Скитианос". - Таким образом, будем считать, что когда душа в Единой душе становится подготовленной к тому, что приходит от Мистерии Голгофы, готовой, это должно осуществляться благодаря тому, что каждая душа бессознательно пронизана внутренним и внешним воздействием Скитианоса.

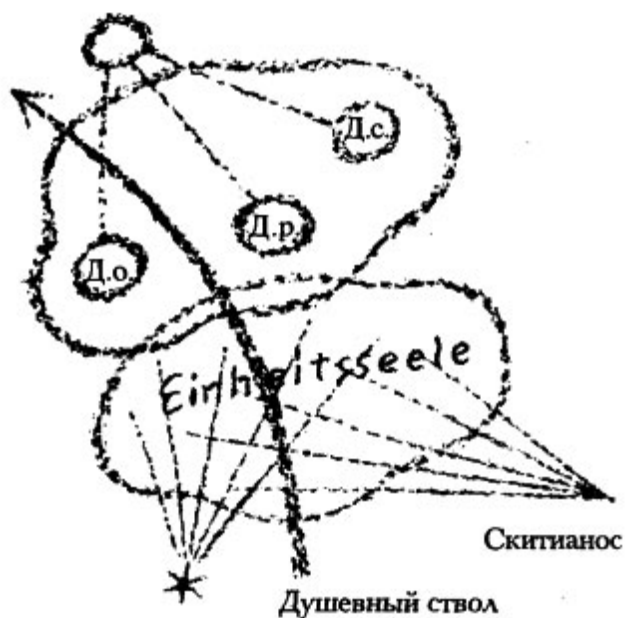
Здесь душа человека как бы разделена на два царства: на одно царство, которое тройственно, и на другое, которое едино. На одно, более душевное царство, и на другое, которое является более природным, подобно темпераменту как бы "высиживаемым" царством, я бы хотел сказать, на царство, которое с одной стороны принимает в свои природные основы силы Мистерии Голгофы, а с другой - влияние Скитианоса.

Единство не может сразу сочетаться с троичностью, так не может быть, и потому у современного человека эта троичность остается под порогом сознания. Эта троичность должна быть заглушена, сознание об этом должно быть погашено. Если бы душа смогла проникнуть к троичности, она бы и чувствовала себя троичной, а не единой. Она могла бы сказать: "Есть во мне нечто, что инспирирует меня, есть нечто, что строит, выковывает меня, и есть нечто, что связано с внешним миром". - Но троичность эта должна быть чем-то погашена, затушевана так, что относительно души человек мог бы сказать: триады я

не различаю. – То есть в эту триаду должно было излучиться нечто такое, отчего бы душа эту троичность в себе не ощущала, что угашало бы эту триаду, как бы затуманивало её.

Видите ли, связь между тем, что должно жить в душе как единство, и тем, что в душе троично, может установиться в том случае, если имеется коммуникация, своего рода взаимообмен, как бы своего рода душевный ствол, направляющийся к погашенной троичности, исходя из единства. С двух сторон он пронизывается, как бы насквозь просветляется для того, чтобы не быть только смутным, подобным характеру, подобным темпераменту природным единством, но озаряться предназначением человека, сознанием человеческой души в её связи с Божественно-

духовным бытием. Здесь я, в сущности, обрисовал нечто такое, что покоится в основе любой человеческой души. Никакая отдельная человеческая душа в наше время не может обойтись без того, что все эти вещи в ней присутствуют.

Но представьте себе следующее. Именно здесь мне хотелось бы, повторяя, подчеркнуть, чтобы показать, чем должно быть наше здание, что живущее в человеческой душе получает также и внешнее отображение, изживает себя, так

сказать, во внешней эволюции жизни. Если в человеческой душе есть такая область, где действительно отображается своего рода троичность – а у современного человека это имеется уже как бы над обычным сознанием, – то мы должны обнаружить эволюционную стадию, где бы это внешним образом выступило нам навстречу, то, что душа чувствует себя тройной, как бы разделенной на три душевные части. Другими словами, должен был существовать когда-то народ, у которого эти три члена души переживались бы отдельно друг от друга, переживались так, чтобы единство ощущалось, в сущности, гораздо слабее, чем троичность, причем троичность мыслилась к тому же как связанная с Космосом. Этот народ действительно существовал в Европе и оставил замечательный памятник культуры, о котором я уже говорил. И народ, который некогда, в том месте Европы, где ему полагалось быть, переживал в душе эту троичность – это финский народ.

И выражение этой культурной ступени запечатлено в "Калевале". В том, что изображено в "Калевале", имеется ясное сознание о троичности души, так что те древние ясновидящие, чьё ясновидение легло в основу "Калевалы", ощущали: вот есть в мире нечто инспирирующее, и с этим связан один член моей души, душа ощущающая. К этому она тянется. Туда идут ее силы, оттуда получает она импульсы. - Нечто богочеловеческое или героически-человеческое ощущал этот народ, ощущали эти древние ясновидящие в инспираторе души ощущающей. И это они называли Вяйнямёйнен. Это космический инспиратор души ощущающей. Все события, которые "Калевала" описывает в связи с судьбой Вяйнямёйнена, выражают то, что такое сознание существовало у одного народа, который был широко распространен по северным областям Европы, и что три части души переживались отдельно, и душу ощущающую инспирировал Вяйнямёйнен.

Точно так же этот народ, эти древние ясновидцы ощущали, что душа характера или рассудочная есть та часть души, которая получает свои импульсы, чтобы ковать. Они ощущали, как то, что куёт в душе человека, что строит ее, связано с другим стихийным героическим существом, с Ильмариненом. В то время как Вяйнямёйнен соответствует душе ощущающей, Ильмаринен в "Калевале" соответствует душе характера или рассудочной. Если вы перечитаете доклад о "Калевале", вы сможете там все это найти.

Душа сознательная переживается как нечто, что впервые позволяет человеку овладеть физическим планом, и следует отметить, что этот народ, эти древние ясновидящие точно так же ощущали в Лемминкяйнене то существо, которое связано с подчинением физического плана, стихийное, героическое существо, инспиратора души сознательной. Так эти три, можно сказать, героические фигуры, говоря по аналогии с иными эпосами, происходили от древнего финского народа, инспирируя троичность души.

Удивительна связь между Ильмариненом и тем, что он куёт. И на это я уже указывал. Это сам человек, выковываемый из элементов природы. Это существо, скованное из всех атомов природы, распыляемое и сковываемое, изображено в "Калевале" в грандиозной панораме выковывания Сампо. И как этот облик человека происходит из этих трех членов души, как он затем должен как бы пройти пралайю и потом возникнуть снова - это также показано в "Калевале" в том, как Сампо было

потеряно и обретено снова, как бы вновь обретено то, над чем сначала распространилось помрачение сознания.

А теперь представьте себе, что к югу и к юго-востоку, так сказать, противостоит другой народ, который в древности вырабатывал те душевные свойства, о которых я вам говорил следующее: единообразие в душе, то, что в особенностях характера и нрава, в свойствах темперамента проявлялось как единство. Этот народ и есть славянский народ, в то время как противостоящий ему народ есть народ финский. Этот славянский народ находится под влиянием Скитианоса, который в течение некоторого времени в древности жил, окруженный народом скифов. Вовсе нет необходимости в том, чтобы вокруг центра посвящения жил высокоразвитый народ, однако в ходе эволюции должно происходить то, что необходимо. И внедрение определенной формы Мистерии Голгофы – это внедрение в славянство греко-византийской культуры. То, что я обозначил для вас здесь как центр греко-византийской культуры, это вы можете, если хотите, совершенно спокойно понимать как Константинополь на карте Европы, ибо это, в сущности, и есть Константинополь.

Итак, сейчас мы имеем душу, пропитанную славянским основным типом. Эта душа, с одной стороны, связана с тем, что благодаря Мистерии Голгофы может вести к единственности, что в единой душе может подготовить к христианству, с другой стороны, она получает Мистирию Голгофы в совершенно определенной форме, как бы вроде инспирации, влияющей через Мистирию Голгофы в ее византийско-греческой форме.

Но из некоторой точки должно прийти еще нечто иное. То, что в финском народе было разрознено, разделено на три части, остатки чего столь величественно выступают в "Калевале", это должно было быть погашено. Это могло быть погашено лишь в том случае, если бы извне пришло некое влияние, это могло быть погашено лишь благодаря тому, что сюда проник бы народ или часть народа, который из прошлого был бы предрасположен к ощущению в душе не троичности, но единства, и не того единства, которое получено от Мистерии Голгофы, но как бы единства от природы. Рассматривая финский народ, мы находим, как он особенно предрасположен к тому, чтобы образовать сознание троичности. И невозможно выразить эту троичность в её отношении к Космосу

значительней, чем это сделано в "Калевале". Но затем на севере это должно было быть закрашено, затуманено тем, что как бы погасило сознание этой троичности. Сюда опустился тот поток, который естественным образом нёс в своей душе то, что тогда проявлялось в нём как стремление к единству, что выразилось, хотя и совсем по-другому, на совершенно иной ступени, в Гётевском "Фаусте", да и в Фаусте вообще, нечто такое, что не знает о трёхчленности, что стремится к единству Я. Здесь на ещё примитивной ступени это погашающе воздействовало на три члена души.

Но финский народ был таков, что ощущал ещё естественным образом, иначе он и не ощутил бы трех членов души. То, что вливалось туда, угашая троичность, это вливающееся, внедряющееся ощущалось как: "RRR" и "UUO", поскольку то, что ощущалось, в так сказать, оккультной речи, лучше всего могло быть выражено в этих буквах и звуке. Так что можно сказать: надвигается нечто, вызывающее страх, оно выдыхается в "RRUUO" и закрепляется, а это закрепление, проникая в душу человека, всегда ощущалось, как "Tau", "T". Как проникновение в человеческую душу древнего Иеговы выражалось через "S", через еврейское "Shin", таки всякое внедрение в душу вообще, проникновение, выражается в звуке "S". Всё связанное с внедрением в душу и закреплением в душе, всё это переходило в "i", чьё значение уже известно, и добавлялось к тому, что внедрялось в финский народ как RRUU. Вот почему это ощущалось как rutsi, ruotsi, и вот почему народ, спускавшийся туда, называли Rutsi, Ruotsi. Это наименование постепенно приняли славяне, и так как они связали себя с этим проникающим сверху вниз, что финны называли подобным образом, они и самих себя назвали "рутси", а позднее это превратилось в наименование "русские".

Итак, вы видите, что должны были произойти все внешне описываемые в истории события, что эти народы, сидящие здесь, внизу, призвали варяжские племена, которые, в сущности, были северо-германскими племенами, которые должны были соединиться со славянскими племенами. В основе этого лежит нечто такое, что, исходя из организации человеческой души, неизбежно должно было произойти. Вот так возникло то, что впоследствии на Востоке Европы вступило в сообщество европейских народов как русский элемент. Таким образом, внутри русского элемента поистине живет всё то, о чём я рассказал. И, прежде всего, там внутри живет тот северо-германский элемент, живет даже в имени, от которого произошло имя "русские", ибо оно получено именно этим, описанным мною путём.

Весьма глубокомысленно выражено в "Калевале" величие народов финнов, состоящее в том, чтобы в троиственности подготовить единство, подготовить путем приглушения троичности восприятие того единства, которое уже не есть единство человеческое, но является Божественным Единством, в котором живет Божественный Герой Мистерии Голгофы.

Для того чтобы группа людей могла воспринять то, что подступало, она должна была быть сначала подготовлена. Таким образом, мы получаем впечатление о том, что всё исполняющееся в эволюции, выступившее внешне, должно совершиться внутренне. Я говорил, как величественно выражено в "Калевале" то, что финский народ осуществил это подготовление, выражено тем, что в конце "Калевалы" удивительным образом вводится Мистерия Голгофы. В конце "Калевалы" выступает Христос, причем когда Он приносит Свой импульс финскому народу, Вяйнямёйнен покидает страну. Так выражено то, что первоначальное величие и значительность, внесенная финским элементом в Европу, есть ступень, подготавливающая Христианство, и что Христианство воспринято извне как провозвестие, как весть.

Также, как и у отдельного человека, мы видим, что он необычайно сложным образом должен быть как бы уготован к тому, чтобы его душа могла в самых различных направлениях разыскать то, что ей необходимо для жизни в какой-либо определенной инкарнации, так же обстоит дело и с народами. Народ не есть нечто полностью единое, гомогенное: народ таков, что многое притекает к нему. Народ, который живёт здесь, на Востоке, таков, что всё в нём как бы слито. И всё то, что, так сказать, является внутренне спиритуальным, проявляет себя и внешне, хотя порой и в легкой форме. Я говорил, что у этого народа должен быть душевный ствол, направленный снизу вверх, а также, соответственно, и сверху вниз, если это взаимосвязанный душевный ствол. Это осуществлялось на той просторной дороге, ведущей от Черного моря к Финскому заливу, на которой происходил обмен между греко-византийским началом и тем, что было началом природным, руотси.

В течение своих различных инкарнаций человек должен делать разное. Одна инкарнация всегда должна строиться в соответствии с другой. Это возможно для человека только благодаря тому, что как бы в субстанции, в том материале, из которого образован отдельный народ и принадлежащие ему

люди, действительно сливались те силы, благодаря которым позднее смогла бы осуществиться человеческая эволюция. И душа человека при своих инкарнациях должна найти такую телесность, которая была бы слита из всех тех сил, которые я изобразил здесь. И то, о чём говорят так просто, что человек родился русским, – это имеет свое глубокое, своё неимоверно глубокое значение. То, что человек родился русским, означает: на пути через различные инкарнации он достиг того, чтобы на своем земном пути пережить то, что может быть пережито, если жизнь между рождением и смертью проводят именно в такой, указанным образом составленной телесности. Без жизни в таком теле будет недостаточным то, что приобретается от инкарнации к инкарнации. Неумные люди, – это я говорю, никак не примешивая сюда эмоциональных нюансов, используя лишь как технический термин, – всё снова и снова повторяют поговорку: "Чем проще объяснение истин мира, тем оно и лучше". – Это неправда, просто так удобнее. Глубочайшие же умы, а в последнее время наиболее проникновенно Ральф Вальдо Эмерсон, всегда высказывали, что к истине фактов можно проникнуть, лишь познавая их во всей их сложности. Это совсем не так просто, то, что живёт в мире, то, что связано со всей мировой эволюцией.

И как на восточной половине европейского полуострова дело обстоит так, что души уготованы, чтобы пережить нечто особенное, так же обстоит оно и во всех других местах на поверхности Земли, где весьма сложным образом подготавливаются отдельные народные характеры. Вы только вспомните о том, что мы достаточно изучали по ходу наших духовнонаучных рассматриваний.

Проходя сквозь врата смерти, человек, из-за того, что он оглядывается на свою последнюю земную жизнь, некоторым образом зависим от того, что он пережил в этой своей последней земной жизни. Мы знаем, что связь с прежней земной жизнью в продолжение лет играет роль в жизни после смерти. Но так и должно быть. Человек должен пройти через свою физическую инкарнацию для того, чтобы во время между смертью и новым рождением иметь определенные воспоминания об этой прошедшей инкарнации, чтобы обогатиться определенными импульсами из этой минувшей инкарнации. Из-за того, что он был вполне определенным человеческим существом с определенным организмом, который вследствие земных отношений подвергался определенным влияниям, эти впечатления некоторым образом действуют еще и после смерти, возвращаясь подобно воспоминаниям. Тем самым они воздействуют и влияют, приобретают некоторые оттенки. Это те оттенки, которые

принимает душа, проходя через определенную национальность, которые она получает из какой-либо национальности. Это будет все больше и больше отступать, по мере перехода национального в интернациональное. Но сегодня это еще имеет место в значительной степени, иначе теперешние события не могли бы и наступить. Люди как бы оглядываются назад на то, что они благодаря своему организму – поскольку он принадлежит к той или иной национальности, – пережили в прежней жизни между рождением и смертью. Души, вышеописанным образом проходящие через тело, которое подготовлено вполне определенным образом, вполне определенным образом подготавливаются и к той жизни, в которую они вступают, пройдя врата смерти. Конечно, на индивидуальность влияния это не оказывает, а влияет лишь на как бы одежду, оболочку индивидуальности. Но это одеяние или оболочка, которая связана с национальностью, дает нечто такое, что имеет душа после смерти, о чем она знает: это принадлежит твоему прохождению через земную жизнь.

Если душа прошла через тело, которое так подготовлено – экзотерически, можно было бы сказать, если в одной инкарнации она прошла через русское тело, – то, разумеется, она приобретает в своей внешней оболочке некоторые оттенки, нюансы, которые после смерти превращаются в представления, присутствующие наряду с иными представлениями. Так она воспринимает всё то, что таким образом выражается здесь (см. рис. выше), и если мы хотим высказаться о том, что же совершает душа внутренне, благодаря тому, что она имеет так составленное тело, то следует сказать следующее: не правда ли, из вышеприведенных рассмотрений мы знаем, что сознание после смерти некоторым образом изменяется, оно достигает более высокой ступени, становится после смерти более ясным и интенсивным, нежели в физическом теле. Все это, о чем речь шла выше, должно быть сделано для того, чтобы подготовить душу к тому, чтобы после смерти она совершенно особенным и интимным образом подошла к тому существу, которое как особый Дух-хранитель живет над собственно человеческой индивидуальностью и принадлежит к ближайшей вышестоящей Иерархии, к Иерархии Ангелов. В жизни после смерти, которая следует для души за русской инкарнацией, она как бы предрасположена к тому, чтобы в сознании идентифицироваться со своим Ангелом, как бы смотреть в духовный мир, несколько грубо говоря, глазами Ангела.

Человек устремляется вверх к высшему "Я". Это высшее "Я" ведёт свою жизнь разнообразнейшим образом. Прочтите последний мюнхенский цикл "Тайны порога". Там вы найдёте объяснение, как сознание становится каким-то другим, душа как бы проникается Ангелом. Она проникается потому, она подготавливается к проникновению в неё Ангела благодаря тому, что она вживается в духовный мир через врата смерти после жизни в русском теле, которое было подготовлено так, как мы это описали. Так что мы можем сказать: тот, кто прошел через русское тело, ощущает все нюансы после смерти благодаря тому, что во всём своём существе он особенным образом соединён с Ангелом, Гением-хранителем каждого человека из ближайшей вышестоящей Иерархии.

Но у народов западной культуры дело обстоит так, что там человек пропитывает себя менее сильно, менее сильно проникается после смерти существом Ангела. Пройдя через западную инкарнацию, после смерти испытывают примерно следующее: "Я еще ощущаю так, как я обычно ощущал, я еще вижу мир так, как я его обычно видел". Срастание же со своим Ангелом ощущают как особенное искусство. Для тех же, кто принадлежит к русскому народу, это всегда нечто естественное, всегда быть со своим Ангелом. На пути через инкарнации душа проходит через всевозможные национальности, и она должна также пройти через ту инкарнацию, где сохраняет импульс для великого восхождения к Ангелу, для срастания с Ангелом, для созерцания в духовном мире его духовными глазами.

Конечно, это по сравнению с другими промежутками между смертью и новым рождением относится по большей мере ко времени непосредственно после смерти, ближайшим годам, или от полутора до двухдесятилетий, ибо в основное время перед и после "Мировой полуночи" душа отбрасывает такие вещи. Таким образом, всё это относится лишь к тому времени, в которое человек еще подвержен влиянию того, что он пережил в физическом теле, пока это еще продолжает действовать.

А теперь, рассмотрев это, направим наш взгляд в духовный мир, как бы во внутреннее мира, в котором мы живем, причем в нашем рассмотрении учтем и то, что лишь ограниченный человеческий ум полагает, что его окружают только физические люди. Вокруг него всегда есть также и умершие, те, кто живет в духовном мире. Так в нашем окружении мы имеем души умерших, которые прошли через русское физическое тело, и которые имеют большую склонность в

своей, можно сказать, нынешней жизни, жить больше как Ангелы, чем как люди.

После такой инкарнации появляется особенное свойство, то, что эфирное тело исключительно быстро растворяется в окружающем эфирном мире, в то время как у западных народов эфирное тело более плотно, больше скреплено и труднее растворяется в окружающем эфирном мире. Мы живем, однако, в такое время, а точнее с последней трети 19-го столетия, когда, как я уже указывал, в духовном мире наступило господство Михаила, после того как прежде управлял Гавриил. Теперь мы живем в то время, когда эти соотношения особенно сильно выступают в духовном мире, когда все описанное совершенно особенно воздействует на духовный мир. Ибо нашему времени надлежит подготовить величайшее событие, на которое я уже указывал в первой драме-мистерии "Врата Посвящения", явление перед людьми Христа в духовном облике. Это событие Явления Христа, как на него указывала Теодора, может наступить лишь в том случае, если все больше и больше распространится владычество Михаила. Оно ещё является процессом в духовном мире. На плане, граничащем с нашим миром, ради приближения Христа сражается Михаил. Ему нужно своё войско, свои воины. И главных воинов, основную часть войска для него будут составлять те души, которые в нынешней инкарнации проходят через русское тело. Так что непосредственно в духовном мире мы можем видеть, как ради приближения Христа сражается Михаил. Для этого Он набирает себе войско, род важнейших бойцов из тех душ, которые прошли через русское тело, поскольку они предрасположены к тому, чтобы отождествляться со своим Ангелом. Тем самым они обладают совершенно особой способностью применить силы для того, чтобы в чистоте дать тот образ, благодаря которому должен явиться Христос. Для того чтобы Он не являлся в неверном образе в субъективной человеческой имажинации, для того чтобы Он явился в истинном образе, Михаил должен вести войну, которую я описал. И он может воевать совсем особому благодаря тем душам, которые естественным образом несут в себе ангельское сознание. Это делает их очень пригодными. Также и благодаря тому, что их эфирное тело растворяется очень легко, они в своем эфирном теле имеют нечто, что не допускает появления Христа в фальшивом облике, в неверной имажинации.

Для того чтобы все то, что должно произойти в мире, могло произойти правильно, различные члены мирового распорядка должны действовать сообща. Для того чтобы могло произойти то, что я описал, должно быть преодолено, - примите это

объективно, – одно свойство, присущее в большей степени Западу, особенно душам, прошедшим через французскую инкарнацию. Эти души получают от своей национальности свойство крепко удерживать свое эфирное тело, долго удерживать в своем эфирном теле совершенно определенные имажинативные образы. Это нельзя преодолеть силой одних только западных душ, но этим западным душам надо, так сказать, помочь, надо работать над растворением этих эфирных тел во всемирном эфире, для того чтобы не было вызвано явление Христа в неверном образе. Таким образом, должно действовать войско, которое сражается под руководством Михаила, которое должно сражаться с теми, кто проходит через французское тело.

И это то, что именно в последней трети 19-го столетия и вплоть до нашего времени может созерцать ясновидящее сознание как основу наших теперешних событий. Все больше и больше развивается в духовном мире, в астральном мире, духовная борьба между Россией и Францией, – разумеется, в том, где в основе лежит духовное, – и эта борьба будет все сильнее и сильнее. Борьба в духовном мире означает, в сущности, совместные действия на физическом плане. Однако это всё же образ борьбы, противодействия друг другу, и тот, кто созерцает в духовном мире, имеет перед собой в последней трети 19-го столетия и вплоть до нашего времени становящуюся все более и более интенсивной духовную борьбу между Западом и Востоком, над всей Центральной Европой, борьбу на небе, так это можно назвать. Она состоит в том, что на Востоке все больше и больше войск собирается под водительством Михаила, чтобы сражаться против того, что на Западе, все больше и больше растаивающем в материализм, может помешать явлению Христа.

Да, мои дорогие друзья, там, где культура высока, полностью отчеканена, где культура достигла вершины, как во Франции, там души принимают определенные имажинации. Этим имажинации остаются и после смерти, но они мешают, чтобы пришло нечто новое, что должно прийти благодаря Христу. Поэтому прежде всего надо побороть в духовном мире то, что переходит в души из полностью созревшей культуры. Михаил не может набирать свои войска там, где культура полностью созрела, где приспособились к определенным имажинациям. Поэтому столь грандиозна картина за сценой духовного мира: борьба Востока против Запада, воинство Михаила против ставших самостоятельными душ Запада.

И вы видите, что внешним физическим выражением духовной борьбы является физический союз. То, что на физическом плане связано, выражает тем самым то, что на духовном плане борется. На духовном плане необходимо побороть то, с чем связаны на физическом плане. Из этого вы снова видите, как серьезно должны мы принимать слова о Майе и Истине. Весьма часто высказывают эти слова о Майе и Истине, но это остается теорией, ибо кто созерцает в духовном мире и видит там то, что лежит в основе физического мира, того переполняет чувство чудовищного потрясения, когда он со всей серьезностью проникает от Майи к Истине и находит Истину за тем, что живет в Майе. Истина порой должна быть выражена совсем иными словами, чем на физическом плане.

То, что на физическом плане называют союзом, на духовном плане часто называют войной. Конечно, не следует строить фальшивые конструкции и для находящегося на физическом плане отыскивать противоположности в духе, ибо это не для всех вещей обстоит так. Надо искать вещи в духе в их действительности. В некоторых случаях дело обстоит так, что протекающее на физическом плане непосредственно является отображением того, что происходит в духовном мире. В иных случаях существует столь грандиозная противоположность, как здесь между Востоком и Западом, где на физическом плане в майе мы имеем союз, а в духовном мире бесконечную по своему первостепенному значению борьбу. Ибо благодаря этой борьбе постепенно должно наступить то, что из эфирного мира выступит истинный образ, образ Существа, Которое должно прийти к человечеству в наше время в течение 20-го века, во Христе.

Эти рассматривания мы при ближайшей возможности продолжим. Но я прошу вас такие вещи, как сегодняшние, принимать со всей серьезностью, ибо уверяю вас, что когда их находишь впервые, они действуют просто потрясающе.

ДОКЛАД ВТОРОЙ Дорнах, 14 ноября 1914 г.

Если мы рассматриваем только физического человека, нам очень трудно прийти к таким познаниям, о которых мы говорили в последний раз. И особенно это имеет место для народов нового мира, Европы и Америки.

Физическое тело человека в этих областях формируется изнутри наружу значительно слабее, чем, например, это происходит в Азии и Африке. У народностей Азии и Африки

физическое тело образуется и формируется в большей степени изнутри наружу, силами, находящимися в эфирном теле. У народов Европы и Америки наибольшее влияние на формирующие и формообразующие силы физического тела производится извне.

Мы можем сказать приблизительно так: поскольку мы исследуем силы, которые строят и формируют физическое тело человека, мы должны иметь дело с эфирными силами. Эти эфирные силы для жителей Африки и Азии находятся по большей части внутри их собственного эфирного тела. Для жителей Европы и Америки они по большей части находятся в эфирном мире, окружающем человека извне.

Итак, человек Африки и Азии имеет дело больше со своими внутренними эфирными силами, человек Европы и Америки имеет дело больше с внешними эфирными силами, и из-за этого больше с природными духами.

Если выразиться просто, меньше обращаясь к тому, что стало нам ясно именно благодаря духовнонаучному рассмотрению, то следует сказать так: физическое тело африканских и азиатских народов запечатлевается в большей мере изнутри наружу, благодаря внутренним строящим силам. В телах европейских и американских народов больше запечатлеваются соотношения внешнего мира. Внешние силы больше отпечатывают себя в пластических формах и отсюда в большей степени образуются формы физического тела.

В своей книге "Порог духовного мира" я обращал внимание на то, что, рассматривая человека в связи с его эфирным телом, мы обнаруживаем, что он гораздо теснее связан с общим организмом Земли, чем это полагают те, кто принимает во внимание только его физическое тело. Земля сама есть своего рода живое существо. Однако в то время как человек как живое существо представляется нам как некое замкнутое единство, так что и ощущать его мы должны как единство, Землю как живой организм мы должны рассматривать так, чтобы видеть в ней множество действующих друг подле друга природных существ.

К Земле относится прежде всего сама твердая земля, образующая континенты. Однако то, что мы называем этим материалом, твердым элементом земли, это не что иное, как майя. В действительности же это огромная совокупность

природных духов, которыми предводительствуют духи из высших Иерархий. То, что как бы сжимается и действует как твердая земля – это майя. Земля везде и повсюду есть дух. Это часто подчеркивалось.

К Земле принадлежит не только твёрдая земля, но и то, что как вода наличествует на Земле, и когда материя Земли изживается в текучем элементе, мы снова имеем дело с водой как майей, однако в действительности мы имеем дело с множеством природных духов. Точно так же обстоит дело и с воздухом, и также с пронизывающим и окружающим Землю теплом. Все это есть совокупность природных духов, а материальное это только внешняя майя.

В большей степени, чем в Азии и Африке, у европейца – мы пока ограничимся этим – происходит как бы постоянный обмен импульсов между внутренними эфирными силами и элементарными существами, которые находятся в огне, воздухе и земле. Эти элементарные существа действуют на эфирное тело человека снаружи, и тем самым они поддерживают формирующие и образующие силы, а затем проявляются как облик и исполняемые функции физического тела вплоть до речи. Ибо речь, в сущности, также исполняется физическим телом. Но импульсы для этого, разумеется, находятся в эфирном теле.

Видите ли, рассматривая человека, как он живет на Земле, и как он тем самым через посредство своего эфирного тела является земным существом, принадлежит Земле, следует обратить внимание на то, каким различным образом отдельные сущности земли, воды, воздуха и т. д. действуют на человеческое эфирное тело. Ибо элементарные и эфирные существа земли имеют совершенно особую природу, а элементарные и эфирные существа воды имеют совершенно иную природу, так что мы можем сказать: просто из-за того, живет ли какой-нибудь человек как существо физическое в горах или на берегу моря, на его эфирное тело наибольшее влияние оказывают различные существа. На того, кто живёт на морском берегу, элементарные существа, в майе проявляющиеся как вода, будут оказывать гораздо большее влияние, чем на человека, живущего в горах. А на человека, живущего в горах, элементарные существа, которые живут в земле, окажут большее влияние, чем существа, майя-проявлением которых является вода.

И вот в том, что формируется и создаётся из человека благодаря такому взаимодействию элементарных духов, – я говорю сейчас главным образом о европейцах, – взаимодействию, осуществляемому подобно тому, как действуют эти элементарные духи в природе, в этом есть нечто от того, что формирует человека, исходя из духовного мира, поскольку человек является земным существом.

В последний раз я говорил вам о том, что восточной европейской культуре предшествовал, мы можем сказать, некий культурный слой, где люди были ограничены так, что в своих душах они имели еще нечто оттого, что у современных людей стало в большей степени бессознательным, что они в повседневной жизни обладали неким разделением души на душу ощущающую, душу характера или рассудочную и душу сознательную. Я указывал вам на то, что финский народ, а в древности великий финский народ – теперь мы имеем только остатки этого когда-то распространенного народа – имел такую душу, что души людей в нем, обладая некоторым древним ясновидением, выработанным у него при непосредственных переживаниях, как бы имели в душе разделенность на душу ощущающую, душу характера или рассудочную и на душу сознательную.

Я говорил вам, что в величественном эпосе, в "Калевале", в трёх фигурах, Вяйнямёйнене, Ильмаринене и Лемминкяйнене, отображено то, как эта разделенная на три части душа зависит от Космоса, как бы управляется им.

Но как вообще может осуществиться нечто подобное? Как в определенной точке Европы – сформулируем наш вопрос так – мог возникнуть большой народ, который обладает такой своеобразной душой, как это мною описано?

Видите ли, когда человек развивает свое собственное Я, даяние Земли, это связано с тем, что духи земли действуют на него снизу вверх через иллюзорность земной материи. Снизу вверх, как бы сквозь твердую землю действуют духи земли, и в нашем временном цикле дело обстоит так, что эти духи земли, в сущности, нужны для того, чтобы вызвать в человеке Я-природу.

И если в одной народности, какой был в древности финский народ, в душе должно было забрезжить нечто от того, что лежит как бы под Я-природой, что духовнее, чем эта Я-

природа, что более связано с Божественными силами, – ибо если душа чувствует себя тройственной, то она связана с Божественными силами больше, чем без этого, – если нечто подобное должно было возникнуть, тогда не только одно земное со своими элементарными духами должно было излучаться снизу вверх в земной элемент человека, но в этот земной элемент должно было излучаться еще и другое элементарное влияние.

Точно так же, как физическое бытие человека внутренне взаимосвязано с духами земли – физическое бытие в той мере, как оно является земным бытием и в нем развивается его "Я", – связано с духами, которые действуют от самой земли, снизу вверх, так душевное человека, то, что называют природным душевным бытием, бытием темперамента, характера связано со всем тем, что живет на Земле как водный элемент, как жидкий элемент. Итак, в этой разделенной на три части душе должен действовать дух водного, жидкого элемента.

Для нашего цикла времени элементом, образующим "Я", является именно земной элемент, тот, откуда оно происходит. Если сюда внедряется иной элемент, как, например, элемент водный, то он внедряется больше из духовного мира. Он не содержится в самом человеке. Он должен как духовное как бы погрузиться в человека, чтобы тот в своей земной природе получил нечто такое, что его вводит в духовный мир.

Допустим, что поверхность доски была бы тем, куда приходят элементарные силы Земли. Тогда если духовный элемент хочет погрузиться сюда, он сам должен исходить от организма Земли, от чего-то такого, что духовно само по себе. Здесь должно быть существо, действительное существо, которое не есть сам человек, которое как бы инспирирует в человеке это разделение души на три части. Итак, здесь должно быть существо, которое так действует на душу, действует из природной духовности, что душа осязающая, душа характера или рассудочная и душа сознательная располагаются рядом друг с другом, так что душа поистине может сказать: на мою душу осязающую здесь из природы нечто действует как Вяйнямйнен, это струится мне навстречу как природное существо, это дает мне силы души осязающей.

Но нечто действует также и как Ильмаринен, нечто дающее мне силы души характера или рассудочной, а дальше нечто действует как Лемминкяйнен, нечто дающее мне силы души сознательной. Если здесь есть существо, которое благодаря

своего рода шее как бы протягивает свои щупальца в природу, существо, которое здесь имело бы как бы свое основное тело и сюда простирало бы свои щупальца так, что здесь мы имели бы один щупалец с душой ощущающей, а сюда бы внедрялся другой подобный рогу щупалец, а здесь третий щупалец, то есть природное существо имеет тело и свое душевное простирает как своего рода душевные щупальца, чтобы инспирировать, тогда может образоваться такое эфирное тело, которое дает душе способность чувствовать себя разделенной на три части.

Древние финны, жители древней Финляндии, говорили: "Мы живём здесь, но мы ощущаем как бы трех могучих существ, и это не существа физического плана, но природные существа. Они являются с Запада, их трое, и они как бы органы великого существа, которое имеет свое тело здесь наверху, а навстречу нам простирает здесь свои щупальца: Вяйнямёйнен, Ильмаринен и Лемминкяйнен". Могучее морское существо распространяется с запада на восток, оно выпускает свои рогообразные щупальца и озаряет это племя троичностью души.

Народы, которые это еще ощущали, чувствовали и говорили, как в "Калевале", о чем я вам рассказал. Современный человек, который живет сегодня только на физическом плане, скажет: "Здесь на западе море, вот Ботнический залив, вот Финский залив, а вот Рижский залив". Но, желая во внешне-физическом усматривать духовное, мы учитываем и то, что открывается нам как бы во внутреннем разделе природы, мы учитываем следующее. Здесь внизу еще много воды, здесь вверху – воздух, человек дышит воздухом, а морская стихия здесь – это огромное могучее существо, которое, однако, устроено иначе, чем обычно. Это мощное существо, которое распространяется здесь наверху, и человек пятой расы имеет с этим существом вполне доступную описанию, определенным образом очерченную связь. И если мы сейчас говорим о Духах народов, то для этих народных Духов те элементарные существа, которые по большей части живут в таких душевных проявлениях, являются инструментом, чтобы действовать. Они организованы в своего рода армию, для того чтобы действовать, для того чтобы воздействовать вплоть до эфирного тела, и с помощью эфирного тела создавать человека таким, чтобы его физическое тело было инструментом его специальной миссии на Земле.

Только тогда, когда мы сможем рассматривать встречающиеся нам в природе формы как выражение духовного, мы поймем саму природу и ее связи с человеком, если мы не просто и не бессмысленно разглядываем границы морей и стран, но понимаем, что выражается в этих формах. Может быть, кто-то сказал бы и о лице человека: это ведь тоже такая форма. Здесь граничат плоть и воздух. – Если кто-нибудь скажет, это будет малопонятным. Понятным это станет лишь тогда, когда это будут рассматривать именно как человеческое выражение, как лицо. Также и здесь это станет понятным только тогда, когда это будут рассматривать как некую физиономию могущественного существа, которое протягивает из океана некоторую часть своего основного тела, что эта часть его физиономии вытягивается.

Поистине многое происходит под порогом сознания, и Духи формы не случайным образом выстраивают формы в природе. Эти формы могут быть понятны. Они являются выражением внутренней сущности. И если мы станем учениками Духов формы, тогда мы сами построим формы, выражающие то, что живет во внутренней сущности природного и духовного.

Так, например, в наших архитравах, в тех, что над колоннами, надо построить формы, которые действительно выразят ту духовность, которая должна быть связана с тем, что должно происходить внутри здания. Человек целиком и полностью является таким существом, которое как бы выныривает на поверхность из моря, из моря реальности, скрытой реальности, в которое он погружен.

Видите ли, вот снова пример, как мы, в сущности, должны проникать за майю, если нам действительно хочется понять то, что лежит перед нами в мире, особенно если мы хотим понять человека во всех его внешних проявлениях. Тогда нам часто придется спускаться к тому, что живет в человеке, о чем он не знает или что он лишь постепенно изучает, приобретая знания.

Куда бы мы ни бросили взгляд, нам не остается ничего иного, как созерцать сперва внешнюю майю, а затем мы должны уяснить себе, что за этой внешней майей находится нечто чрезвычайно сложное.

Склонность повсюду находить то, что находится за майей, дала бы всему человеческому существу бесконечную гармонию, созвучие, ибо это человеческое существо из-за бесконечных подземных импульсов связано с гармонической единой сущностью, и все, что существует в мире, может быть понято, только если его исследуют, принимая во внимание и то, что лежит под поверхностью бытия. Всегда остается односторонность, если что-либо рассматривают, имея в виду лишь майю. Здесь я хочу кое-что добавить. Не правда ли, такие вещи, о которых мы говорили сегодня, можно полностью понять лишь постепенно. Я хочу показать, как уже и в обычной жизни весьма трудно действительно проникнуть во все то, что лежит в подступающих к нам вещах. Так, например, очень немногие, может быть, из наших дорогих друзей, заметили, что я в одном из докладов последнего времени однажды много говорил о Швейцарии, о чем-то сильно связанном со швейцарской природой. Я не знаю, во многих ли душах живет сознание того, о чем я говорил. Но, может быть, вы вспомните, что к четырем докладам, в которых я рассказывал об оккультном чтении и слухе, примыкал один, где я чисто внешне, исторически, много говорил о Германе Гримме. Это был доклад, в котором фактически очень много говорилось о Швейцарии, но следует вернуться к внутренней стороне проблемы, к тому, что лежит под поверхностью. Что я имею в виду?

Видите ли, человек – я повторяю нечто совсем элементарное – состоит, как мы знаем, из своего физического тела, своего эфирного тела, своего астрального тела, своей Я-природы. Мы знаем, что Я-природа и астральное тело у спящего человека покидают физическое и эфирное тела и находятся как бы во внешнем более духовном мире, в мире, о котором мы можем сказать так: ночью мы находимся внутри того мира, где находятся такие элементарные эфирные существа.— Тут, однако, находятся также те духовные элементарные существа, которые связаны со всем устройством нашего физического бытия. Все они находятся и действуют там внутри. С устройством нашего физического бытия связано некоторое количество элементарных существ. Однажды в цикле докладов, прочитанном мною в Касселе "О связи Евангелия от Иоанна с другими Евангелиями", я обращал внимание на то, как человек посредством своих предков связан с существами элементарной природы. Я заострял внимание на том, – вы это можете перечитать в этом цикле лекций, – что человек, если мы вот в таком порядке распределим его члены, здесь физическое тело, здесь Я, здесь эфирное тело, здесь

астральное, что то, что живет в большей степени в его физическом и его Я, он наследует с отцовской стороны.

Кто внимательно прочел тот цикл лекций, вспомнит, что то, что в большей степени живет в эфирном и астральном теле, наследуется с материнской стороны. Заснув, мы имеем физическое и эфирное тело лежащими в кровати, то есть нечто отцовское и нечто материнское. Но вовне мы имеем Я и астральное тело. В астральном теле содержится то, что запечатлевается нашим ощущениям, всем нашим задаткам относительно темперамента, то, что дает нам душевный характер. И в том, что дает нам тут душевный характер, действуют в течение времен элементарные существа, существа, которые переносят свои силы от предков к потомкам, чтобы эти потомки образовывались бы соответствующим образом.

У таких личностей, каков был Герман Гримм, действует нечто совсем особенное. В Германе Гримме мы имеем следствие того, кем были его непосредственные предки. Его ближайшие предки, его отец и его дядя, были собирателями детских и домашних сказок, и они слушали, как рассказывают эти детские и домашние сказки. Они просто слушали, если им рассказывали, а потом записывали это. Но ничего такого не делают, не имея особым образом устроенного астрального тела, которое предрасположено к тому. Такие вещи должны быть глубоко обоснованы всем ходом дела.

Герман Гримм имел особое свойство тонкой и духовной выразительности, свойство, уже почти вплотную подошедшее к духовнонаучному направлению. Этим он обладал вследствие того, что в его наследственности была склонность к сказочному и к тому, в чем живет природная духовность. Здесь мы видим, как природные духи внесли в него нечто, чему они как бы давали отзвук, когда Герман Гримм со своим Я и своим астральным телом был вне своего физического и эфирного тел. Но кто же прежде всего рассказывал сказки отцу и дяде с той особой наглядностью, которая присуща элементарным существам? Жена отца Германа Гримма, то есть мать Германа Гримма. Мать Германа Гримма принимала живое участие в этом пересказывании сказок. Живя среди народа, она с особой радостью прислушивалась к этим сказкам и восприняла их так, чтобы оба брата Гриммы, отец Германа Гримма и дядя, могли их записать.

Кто же была эта мать? Доротея Гримм, урождённая Вильд, происходила из старинного Бернского рода. Сама она была гражданкой этого города. Ее предки сражались в битве при Муртене. Все чувство, обретенное ею здесь, со всеми элементарными духами, было затем перенесено в Гессен, поскольку отец, который переселился из Берна, то есть дедушка Германа Гримма, обучавшийся аптекарскому делу, переехал в Кассель и основал там "Солнечную аптеку". Итак, если мы исследуем, как действовали элементарные духи именно в Германе Гримме, что создавало, так сказать, особую конфигурацию его духа, так как в то время, когда он спал, эти духи действовали в нем, тогда мы должны думать о Швейцарии, и мы, в сущности, говоря о характерном для Германа Гримма, говорим о характеристике бернско-швейцарского вообще.

Вот так порой совершенно внешним образом, излучаясь от майи, выступает нам навстречу то, что весьма существенно. Если прислушаться к тому, что за существо является из души матери Германа Гримма, если обратить внимание на своеобразие его духа, то в этом духовном, лежащем под порогом сознания, обнаруживается, говорит швейцарская духовность, специфический бернский ее элемент. Это я говорил о Германе Гримме. И поэтому предполагалось, что у некоторых наших друзей именно указанным способом вызывается поистине верное чувство родины.

Здесь дело не только в том, что, так сказать, внешне выступает нам навстречу, но в том, что живет в этом выступающем нам навстречу. Земля со всем, что есть на ней, находится фактически во внутренней связи, Земля как единое существо внутренне связана с тем, что на ней может быть человек, с тем, что окольным путем действует посредством эфирного тела, чтобы построить, сформировать этого человека.

Ну, а теперь, после того как на вышеприведенном примере я разъяснил, как следует нам проникать за майю, если мы хотим понимать то, что там есть, вернемся еще раз к тому дракону моря, который является как бы инспиратором европейского человека, который проникает сюда вниз из Атлантического океана, для того чтобы быть инспиратором европейского

человечества. Если рассматривать его элементарно-эфирное существо в общем, он содержит все то, что духовно в европейском человечестве. Если бы мы поняли его полностью, если бы мы смогли совершенно отдаться ему, мы все стали бы ясновидящими. Но европейское человечество не имеет задачи, чтобы стать только ясновидящим: его задача – развить именно ту часть души, которая возвышается над ясновидением, подобно тому, как остров возвышается над морем. То, что совершенно особым образом должно развиваться как, я бы сказал, основной тип пятого послееатлантического культурного периода, должно иметь запечатленное в основе возвышение сознательной природы, возвышение себя над чисто душевным. Это должно быть инспирировано духами природы, действующими через землю. Должна существовать возможность быть отовсюду связанным, связанным как бы через бесчисленные текущие импульсы с этим инспирирующим существом. Но это должно вздыматься, внутри водного, должно внедряться земное. И вот из-за этого происходит так, что Британский остров вместе со всеми его природными духами вздымается из окружающего его инспирирующего мира.

Если когда-нибудь будет дано истинное духоведение, тогда узнают, что в такой континентальной области носители души у человека, его физическое и эфирное тела, должны быть образованы так, как это обусловлено отношением моря и суши. Точно так же, как возвышение над морем, возвышение суши над морем обуславливают это, точно так же и у человека в его природе определенное пространство должно быть заполнено так, что там не мускулы, а кости, так что мягкое существо и существо твердое находятся в определенном отношении друг к другу.

Так великая Мать-Земля образует внешние вещи, а именно так, что из жидкого элемента выступает твёрдое. Можно сказать: изнутри Земля посылает элементарных духов, которые образуют сушу определенной конфигурации на определенном месте духовной инспирации, для того чтобы возникла такая почва, на которой может жить такое тело, в котором развивается душа сознательная. Твердая суша в море – это действительно как скелет элементарного существа. Также как наша костная система заключена внутри мягкой системы мускулов, так и твердая земля заключена в море. И суша возникает вовсе не так беспорядочно, как это представляет себе современная геология, но она возникает в своих формах столь же закономерно, как закономерно возникает в нас костная система, не непосредственно из клеток, но как образуются кости. Мы только должны научиться

понимать, почему отдельные континенты складываются в те или иные формы. Я хотел бы прибегнуть к сравнению, которое, однако, вы не должны понимать превратно. Я хотел бы сказать: для того чтобы у финского народа могли возникнуть те воззрения, о которых мы говорили, было необходимо, чтобы у морских заливов возникла такая конфигурация берегов.

Как лёгкие человека вбирают воздух, так в эту конфигурацию суши вписываются, как бы вбираясь, щупальцы того великого существа, которое связано со всей конфигурацией Европы.

В последний раз мы говорили о телах, которые даны русским душам, когда эта душа инкарнирует в русское тело. Мы показали в последний раз, а также в ходе других обсуждений, что в русском теле русская душа формируется исполненная ожидания, что она подготавливает в себе то, что может быть воспринято когда-нибудь в будущем. Для этого надо, чтобы эта душа некоторым образом оставалась связанной с духовным. Иначе Самодух никогда не сможет образоваться. Но, с другой стороны, надо воспрепятствовать этой душе слишком рано развиться в той области, которая, в сущности, ей уготована.

Давайте допустим, что здесь – там, где сейчас Балтийское море – суша, а здесь, где Россия – повсюду море. Выдавалась бы только область в виде полуострова, подобно Италии. Ботнический, Финский, Рижский заливы простирались бы до Каспийского моря, вместо того чтобы здесь была суша России. Тогда здесь мы бы имели народ моряков, которые бороздили бы здесь эти морские рукава. Но из-за этого их тела здесь не были бы построены так, как они должны быть построены. Тогда то существо, чьи щупальца простираются здесь, выдыхало бы то, что воспринимали бы эти моряки, и тогда преждевременно, в слишком раннее время, расцвели бы задатки. Они стали бы слишком рано развивать то, что должно было бы дожидаться более позднего времени. Поэтому здесь не должно быть моря, но суша должна распространяться так далеко, чтобы Самодух не развился слишком рано, но чтобы еще оставались возможности воспринять инспирации этого огромного существа. Итак, здесь не должно быть высоких гор, таких как Альпы, или совсем плоской суши, а лишь некоторые возвышенности, чтобы Самодух не был воспринят слишком рано. Суши должно быть именно столько, чтобы возник Самодух, то есть нужна распространенная, более или менее плоская область суши. Если бы здесь был народ моряков, тогда Самодух образовался бы быстро у этого морского народа.

Однако это было бы незрелым, это вступило бы в развитие не вовремя.

А теперь мы подошли к Космическому разуму Земли. У Земли есть Космический разум, который обуславливает ее формы, обуславливает её формы так, чтобы повсюду суша простиралась так далеко, как это надо для того, чтобы необходимые элементарные существа связывались с находящимися на Земле существами, а с другой стороны, вода распространялась бы так, насколько это необходимо для того, чтобы могли действовать инспирирующие гении.

Мы получили впечатление, что, разглядывая Землю в ее формах, мы можем увидеть в очертаниях суши нечто подобное тому, как если бы мы придавали лицу то или иное выражение, где также в выражении лица, в той или иной конфигурации выражения, проявляется душевное. Душевное Земли выступает навстречу нам в конфигурации Земли. Фактически, как скоро мы подходим к эфирному телу человека, это существо человеческого эфирного тела распространяется над всей земной организацией, и повсюду человеческое эфирное тело связано с организмом Земли. Мы повсюду находим, что собственно земное, то есть майя для земных духов, для теперешнего человека связано с его Я-природой, с его внешней физической природой. Всё то, чем является вода и воздух, рассматриваемые духовно, связано с тем, что он развивает вопреки своей Я-природе. Ибо вся Земля для того и существует, чтобы образовать именно земного человека. Другое состоит в том, чтобы придать этому земному человеку оттенки. Эти нюансы вызываются вследствие духовных отношений суши и воды и воздуха через землю.

Если мы посмотрим на Европу на юге и особенно рассмотрим греческий и итальянский полуострова, то в том виде, как распределяется здесь суша и вода, мы найдем, что Земля подготовлена для такого тела, которое именно могло принести четвертую послеатлантическую культуру, в которой особенно выражалась душа характера или рассудка.

Если бы суша южной Европы была бы больше, а морские части меньше, то в Греции и Италии возникло бы нечто такое, что должно было бы возникнуть лишь позднее, в эволюции возникло бы, так сказать, нечто неправомерное. Для того чтобы таким описанным мною образом греческая сущность могла повториться в романской сущности, навстречу морю должна была выдаваться более обширная масса суши, чем это

было в Греции. Но так это обстоит во Франции. И выражение отношений, о которых я сказал, существующих между Францией и Грецией, вы можете точно найти в конфигурации Греции, как она повсюду изрезана морем, и в конфигурации Франции, как она больше в своих выступах внедряется в море.

Сегодня я хотел бы дать вам, собственно, опорные пункты для всевозможных вещей, которые должны быть исследованы дальше в наших совместных встречах. Опираясь на них, мы продолжим нашу работу завтра.

ТРЕТИЙ ДОКЛАД Дорнах, 15 ноября 1914 г.

Земля сама является инспиратором людей, которые на Земле живут, и мы вчера говорили об этом, во всяком случае касались этого, поскольку, разумеется, относительно такой всеобъемлющей области удастся высказываться только намеками.

Именно в наше время имеет большое значение, важно осознать, что такие связи, о которых мы говорили, существуют, ибо человек в земном развитии именно в наше время находится в том пункте, где ему следует в некотором роде снова эмансипироваться от этого земного влияния, в некотором смысле вновь проникнуться теми влияниями, которые приходят не от земного мира, а из окружающего Землю духовного мира.

Это стремление заполучить для человеческих способностей, для человеческого мышления и ощущения то, что не является только земным, составляет основу наших духовнонаучных устремлений. Все тенденции современного образования направлены в эту сторону. Можно сказать, что есть две вещи, которые все больше и больше должны сознаваться современными людьми.

Первое это то, что человек в отношении своего собственного душевного существа принадлежит миру, который не открывается для его внешних чувств, но лежит за внешним чувственным миром, что человек со своим наивнутреннейшим душевным существом принадлежит миру, к которому нельзя подойти ни посредством чувственного наблюдения, ни посредством выводов и логики, основывающихся на этом чувственном наблюдении. Задача нашего времени состоит в

том, чтобы прояснить, что все знания, которые сообщают нам внешние чувства и философия, которая основана только на этих чувственных знаниях, не могут подойти к тому, чем же, в сущности, является человеческая душа.

Второе – это истина, которая вам известна благодаря нашей духовнонаучной жизни, однако вы знаете, как еще крайне далека она от общего сознания современности. Это важная истина о повторяющихся земных жизнях, о том, что душа человека не исчерпывает себя в теле, в котором она живет от рождения до смерти, но что она идет от жизни к жизни. Обе эти истины, что душа принадлежит миру, лежащему за миром чувственным, и что она идет от жизни к жизни, принадлежат к наиважнейшим для нашего времени и должны быть поняты прежде всего – поэтому во втором томе моих "Загадок философии" я поместил главу, в которой, исходя из всего эволюционного хода человечества, особым образом указывается на обе эти истины, ибо настоящая потребность нашего времени состоит в том, чтобы люди всё больше и больше учились понимать именно эти две истины.

Так как эта книга "Загадки философии" обращена не специально к антропософам, но ко всем людям, которые читают и могут понять прочитанное, там предпринята попытка кратко, но как можно более ясно указать на обе эти истины. Позволительно сказать: в глубинах сознания человека нового времени заложено то, чтобы свои мысли направлять к этим истинам. Я говорю о направлении мысли. Повсюду мы можем заметить эту тенденцию, направлять мысли к этим истинам. Я попытался отыскать в мировой истории людей, которые проявляли такую тенденцию по отношению к этим истинам. Сегодня мне хотелось бы привести один пример.

Одним из величайших умов 19-го века, без сомнения, является Эмерсон, который писал так значительно и проникновенно, хотя и не педантично-философски, но весьма проникновенно. Говоря о природе или о роде человеческом, Эмерсон всегда знает о том, что внешняя связь мира, которую человек прозревает своими чувствами и постигает рассудком, является лишь оболочкой, фантазмагорией, и что к истине приходишь только тогда, когда пытаешься проникнуть за эту фантазмагорию.

Однако такой ум как Эмерсон идёт и дальше. Это мне и хотелось показать на примере. Среди своих весьма значительных книг Эмерсон пишет одну, которая называется

"Представители человеческого рода". В этой книге он рассматривает Платона как представителя всех философских устремлений, Сведенборга как представителя мистических устремлений человечества, Монтеня, одного из виднейших умов 18-го столетия, как представителя скептицизма, Шекспира как представителя поэтических возможностей, Гёте как представителя писательских возможностей, Наполеона как человека дела, как представителя людей действия.

Во всяком случае, этой книгой было совершено нечто значительное. Были выявлены человеческие типы по отношению к душевной жизни. Можно сделать интересные наблюдения. Освещено то, как в Платоне мы действительно встречаемся с представителем философских стремлений, а в Монтене с представителем скептических стремлений. Эта книга есть величайшее деяние духовных стремлений человечества. Весьма знаменательно то, что Эмерсон посвящает Монтеню, я бы сказал, особенное, исполненное любви изложение, хотя у того, кто достаточно основательно вчитается в эту главу о Монтене, именно эта исполненная любви глава сначала может вызвать возражения. Это также весьма значительно по отношению к скрытой тенденции Эмерсона к духовнонаучному мировоззрению. Тот, кто серьезно углубился в это мировоззрение, убедится в том, что поистине каждая вещь имеет две стороны, что если пытаются высказать одну истину, то могут сказать лишь нечто одностороннее, а вторая сторона должна пребывать, как бы скрываясь в основе.

Скептик, живо чувствующий, что уже тогда поступают неправомерно, когда истину формируют слишком определенно, в глубочайшем смысле проникнут тем духовно-душевым флюидом, который всегда присутствует в человеческой душе, и который не позволяет ей, как только дело касается духовного мира, утверждать с чрезмерным апломбом некую жестко очерченную истину, не указав при этом на то, что и противоположное ей в некотором смысле столь же правомерно.

Это в некотором смысле соприкосновение с тем чувством, которое приходит из духовного, делает Монтеня значительной личностью. Но не на это хотел я указать. Я хотел указать на то, как Эмерсон рассказывает о своем подходе к Монтеню. Он говорит так: "Уже мальчиком нашел я том Монтеня в библиотеке моего отца, но я ничего не понял". Затем, окончив высшую школу, он увидел эту книгу еще раз, и вот у него возник удивительный порыв страницу за страницей изучить

всё то, что написал Монтень. И он это сделал, следуя этому порыву. В главе о Монтене, которую написал Эмерсон, мы видим, что он пытается выразить, почему он тогда вдруг стал словно одержим этим Монтенем и начал вдруг воспринимать его совершенно интимно. Он не смог найти иного выражения, как сказать: "Это для меня было так, как если бы я в более ранней жизни сам написал эти книги Монтеня". – Отсюда вы видите, как выдающийся ум современности, проникающий в потребности современности там, где он хочет найти выражение для наиболее интимного в его душе, принужден выразить это совершенно явно с тенденцией к духовнонаучной истине о реинкарнации. Он не нашел лучшего выражения и должен был поэтому взять на помощь идею о повторяющихся земных жизнях.

Такие вещи являются чрезвычайно характерными, являются бесконечно значительными и ведут нас туда, связывают с теми мыслями, которые были приведены вчера. Давайте обратимся непосредственно к ведущим умам нашего времени, – а одним из ведущих является Эмерсон, – тогда, с одной стороны, рассматривая столь значительные умы как Эмерсон, вы имеете земное знание, которое они переняли, поскольку включены в эволюционный земной процесс. Они знают то, что сегодня может воспринять человек. Вы знаете, что когда человек находится в данном пункте Земли, говорит на определенном языке, окружен другими, обычными для той местности, откуда он происходит вещами, он ребенком, юношей получает все это, то есть человеку доставляется то, что называют образованием. Это знание, которое таким образом передается в народе, есть знание окружающей среды. Можно сказать, что это знание окружающей среды, это можно сказать, рассматривая Эмерсона. Мы знаем, что у него, когда он читал лекцию, это выглядело так, будто то, что он говорил, подобно искрам вырывалось из его духа, в то время как он говорил. Все это выглядело как импровизация. Но, посетив его за день там, где он должен был читать лекцию, вы бы увидели, что по всей комнате навалены всевозможные записки, из которых он составлял то, что должен был сказать о внешней стороне своего предмета. Но за тем, что он таким образом доставлял людям, лежало интимное, и то, о чем я рассказал, это именно и есть это интимное, где местами во всей своей чистоте брезжит идея о повторяющихся земных жизнях.

Можно видеть, как даже лучшие в наше время, переживая и предчувствуя в своей душе такие идеи, а также и высказывая их целомудренно, оставляют их в самих себе и не хотят переносить эти идеи в ту область, где возникает внешнее знание.

Подходя к этим вещам духовнонаучно, мы должны будем осветить и еще иное, ибо наше время имеет миссию доводить до ясности, до действительного познания, запечатлевать в научных формах то, что до сих пор хранилось в душе, и лишь иногда выявлялось. Наше время поистине имеет задачу довести до полной ясности, сделать само собой разумеющейся для людей истиной то, что до нашего времени как бы прорывалось из душ самых лучших. Здесь мы можем совершенно точно описать, как это было, когда Эмерсон в своих содержательных лекциях говорил то об индустриальной жизни своего окружения, то, через несколько строк, нечто о древней Индии, то о Шекспире. Так он, так сказать, концентрировал земное знание в одном месте, а затем в самую середину часто проскальзывало замечание, которое приходило из интимных сторон его души.

Но откуда же приходит то, что лежит в таких замечаниях? Ответить на это можно, лишь рассмотрев все стороны человеческой природы. В земное время человек познает лишь самую малость, лишь часть своей жизни, ту, которая разыгрывается от пробуждения до засыпания. Другая часть жизни протекает во сне, и эта часть человеческой жизни значительно разнообразней.

Истина такова, что для многих людей эта жизнь во сне протекает так, что они приходят в соприкосновение с миром элементарных существ, которые связаны с более низкими проявлениями человеческой природы, нежели дневные проявления. Можно сказать, что от засыпания до пробуждения, в области элементарной жизни, ночной жизни человеком движут всевозможные бесчинства, вещи, которых вы избегаете, находясь во внешней жизни. Кто не знает, что своих снов часто приходится стыдиться. Это общий опыт, знакомый каждому. Итак, во время сна человек всячески бесчинствует в обществе, где мало хорошего, которое большей частью занято своими страстями, своими вожделениями, гораздо худшими, чем привитые ему воспитанием во время его бодрственной жизни.

Как только это становится понятным, станет понятным гораздо лучше и иное, что усваивалось исторически. Чтобы не слишком сильно подчиняться бесчинствам также и в физической жизни, современный человек однажды должен был быть наделен даром не придавать слишком большого значения снам. Поэтому он очень легко забывает свои сны,

забывает бесчинства во сне, и это для него хорошо, ибо он должен быть подготовлен к тому, чтобы вступить в духовный мир в бодрствующем сознании, в то время как в древнее время было так, что человек мог вступать в духовный мир во время сна и до пробуждения.

В сущности, более сильное сознание об этом мире лежит совсем не так уж далеко от нас, как это полагают. Здесь я хочу привести вам пример. У Альбрехта Дюрера есть одна картина, которая для многих людей, особенно ученых, представляется весьма загадочной. Содержание гравюры примерно таково: сатиropодобный, фавноподобный образ как бы держит в объятиях женоподобное существо. На заднем плане виден другой женоподобный образ, который приближается, чтобы наказать эту пару. Поблизости стоит мужской образ наподобие Геркулеса, он держит в руке палицу, которая отстраняет наказывающее женское существо от женщины с сатиром так, что она не может подойти. Можно сказать, весьма достойно удивления, крайне удивительно, как пытаются ученые истолковать эту картину. Обычно ее называют "Геркулес". Но того, что здесь изображено, в обычных легендах о Геркулесе нет. Поэтому спрашивают: "Как пришел Альбрехт Дюрер к этой сцене?". И вот здесь появляются курьезнейшие идеи. Можно видеть, например, у Германа Гримма, как беспомощен он по отношению к этой картине. Он не знает с чего начать. Он выдвигает курьезнейшие идеи. Почему же это происходит? Почему люди не знают, с чего здесь начать? Потому что он и ученые не знают, - а Альбрехт Дюрер еще знал, - что во сне люди еще могут проникать в духовный мир. Сегодня сознание об этом потеряно. Но Дюрер еще знал, что есть мужчины, которые во время сна в компании с элементарным миром совершают всяческие бесчинства, мужчины, которые в обычное время вполне нравственны, но во время сна попадают в мир вождедений и творят всевозможные негодные дела и беспутства.

На картине Альбрехта Дюрера мы видим сатира и Геркулеса с палицей. Добрый Геркулес, который стоит здесь, очень хотел бы и сам стать этим сатиром. Но он живет в физическом мире, в нравственном мире на физическом плане, и супруга ему этого не позволяет. Поэтому она приходит и хочет прогнать его. Но ему это все не нравится, и он задерживает ее.

Здесь мы видим внутренний душевный процесс и знаем, что Альбрехту Дюреру еще было известно нечто о таких вещах. Так следует объяснять многое в искусстве не столь отдаленных столетий, поскольку тогда еще существовало

сознание связи человека с духовно-элементарным миром, который граничит непосредственно с физическим.

Но когда мы обращаемся к таким достойнейшим умам, как Эмерсон, то мы должны сказать, что и во время своей жизни во сне они не совершают бесчинств, а ведут себя достойно. Если они так ведут себя в духовном мире, со своим "Я" и астральным телом, то они приобретают отношение к тем истинам, которые должны быть в человеке настоящей антропософией. Так в их сознание проникает то, что должно стать взаимосвязанным земным знанием. Можно сказать, что Эмерсон нечто воспринимал во сне. Поэтому это столь целомудренно и интимно сочеталось с тем, что он, исходя из своих физических чувств и рассудка, обозревая далекую земную жизнь, должен был говорить о физической жизни. Это не соответствовало бы смыслу земной эволюции человечества, если бы люди просто так, так сказать, в своей сонной жизни, постигали то, что лежит за чувственной видимостью, за чувственно-воспринимаемой фантазмагорией. Ибо в смысле эволюции жизнь сна должна все больше и больше терять свое значение для познания. Надо было быть уже столь выдающимся духом как Эмерсон, чтобы оказаться в состоянии усвоить из жизни сна нечто такое, как идею о повторяющихся земных жизнях. Духовное должно приходить к человечеству, но оно должно также и иметь доступ к человечеству. И поскольку эти истины связаны с интимнейшим в человеческой душевной жизни, постольку о них как о своего рода утренней заре возвещают именно такие умы как Эмерсон. С другой стороны, должны существовать земные предпосылки для того, чтобы такие истины были понятны ясным бодрственным сознанием. Должны существовать земные предпосылки для того, чтобы иметь такое самоощущение, чтобы признание этих истин находили бы вполне естественным. Вы ощущаете, что в наши дни это еще не находят естественным: ведь наши ряды как исследователей духа еще невелики, и все, находящиеся вне духовнонаучного потока, считают нас за чудаков или что-то в этом роде.

Современное образование не располагает к тому, чтобы непосредственно признавать эти истины. Природный темперамент человека выступает против этого. То, что люди логически высказывают против духовной науки, как правило, малосущественно, ибо из логических соображений люди не встают на дыбы, они встают на дыбы, поскольку их природа, из-за всего того, что она имеет от сил земли, в общем не предрасположена к тому, чтобы уже сегодня признавать такие истины.

Но должно прийти время, когда человеческая природа будет конституирована так, что он сможет эти истины провидеть непосредственно, так, как сегодня он с очевидностью принимает математические истины. Человек должен стать от природы так организован, чтобы он мог воспринять эти истины с очевидностью. Для этого необходимо, чтобы он во время, протекающее между рождением и смертью, также и физически был организован так, чтобы его мозг был сформирован для принятия этих истин с очевидностью.

В смысле изложенного вчера между духами, действующими в земле, и человеком должны установиться такие отношения, чтобы человек по своей организации мог воспринимать эти истины. И это происходит таким образом, что поверхность суши, которую я рисовал и описывал вчера, простирается с Востока на Запад к трем морским заливам, о которых я вчера говорил. Эта поверхность суши внешне есть всего лишь фантазмагория. В действительности эта поверхность суши есть совокупность духов Земли. В действительности дело обстоит так, что духи этой поверхности суши действуют на человека и так формируют его физически, что он может с очевидностью принять истину о душевно-духовной организации человека и о повторяющихся земных жизнях. То, чем, я бы сказал, более западные души должны овладевать во сне, это должно стать само собою разумеющейся истиной в бодрственном состоянии для тех, которые ведут человеческую эволюцию сюда с Востока. Земля приготавливает их тела, я бы сказал, к тому, в чем они нуждаются для эволюции. Эта Земля целиком и полностью есть то, что я вчера описал, далеко простертый организм, он одушевлен и время от времени из своей душевной жизни посылает наружу земных духов, которые так организуют тело, что оно может соответствующим образом войти в эволюцию.

Видите ли, эти вещи чрезвычайно глубоки и значительны, и надо проникнуть в них, если хотят понять то, о чем здесь идет речь. Во всяком случае, если сравнить Землю как одушевленное и одухотворенное существо с тем, чем как одушевленное и одухотворенное существо является человек, то различие будет велико. Посредством внешней части своего физического тела, в которой он, в сущности, обычно и не живет, но в которую он как бы вставлен, человек соотносится с духами собственно земли. Посредством своего эфирного тела он соотносится с духами воды, посредством астрального тела он соотносится с духами воздуха, и через свою связь с "Я" он соотносится с духами огня.

Когда человек во сне покидает физическое и эфирное тела, тогда со своим "Я" и астральным телом он живет, соотносясь только с пронизывающим Землю теплом и овевающим и струящимся над Землей воздухом. Он вырван из всего того, что конфигурируют в физическом теле земля и воды. Таким образом, человек, когда он спит, действительно оторван от всего того, что, я бы сказал, делает его физическое и эфирное тела земным существом. Конечно, тепло и воздух тоже принадлежат к Земле, но именно к Земле, а не к частям Земли. Для человека, как существа одушевленного и одухотворенного, тепло является тем, во что он погружен как в свой собственный элемент. Подготовка к этому существует уже у высших животных. Они имеют свое собственное тепло, а не только тепло своего окружения. Они живут в своем душевном, в своем собственном тепле. Человек сформирован особенным образом так, что, живя в собственном тепле, он имеет свою собственную температуру. Это отличает его от того, что в такой многообразии существует во внешнем мире. Тепло является чем-то таким, что каждый человек несет в себе и с собой какое-то свое количество тепла. Здесь он внутри в своем собственном "Я", здесь он как дома в тепле.

Внутри воздуха вообще, как целого, он живет уже меньше. Я бы сказал, что здесь во влияниях на него уже имеются земные различия. Живет ли он в высокогорном воздухе, воздухе водном, в воздухе суши – это уже дает некоторые различия. Здесь человек соотносится с тем, что действует на него извне. Так обстоит дело с человеком как одушевленным и одухотворенным организмом.

А у Земли, как у одушевленного и одухотворенного организма, дело обстоит наоборот. То, чем для человека является тепло, для Земли это именно земля, твердое земное, а тепло для неё есть наиболее внешнее, что относится к одушевленной Земле, как земля относится к нам. Земля есть целиком и полностью земля, тогда как мы есть целиком и полностью тепло. Снаружи Земля дифференцирована по отношению к теплу. В зависимости от того, простираются ли ее члены в области льдов или в душные тропические области, ее душевное проявляется в соответствии с теплом, как мы в отношении нашего физического тела зависим от местности, в которой живем.

У Земли дело обстоит противоположным по отношению к человеку образом, и на этом основывается взаимодействие

между Землей как одушевленным и одухотворенным организмом и человеком как одухотворенным и одушевленным организмом. Посредством этого взаимодействия возникает тогда то, что осуществляется в физическом теле человека, чтобы это физическое тело человека в последовательности наций и народов могло правильным образом вступить в эволюцию всего земного бытия. А именно, у тех народов, которые как народные массы перемещаются с Востока на Запад, мы имеем интенсивную соотнесенность с человеческим. Это интенсивное соотношение можно было бы выразить следующим образом, если взглянуть на саму Землю как на могучее существо, и это могучее существо решило бы соответствующим образом вступить в эволюцию, начиная, скажем, с 20-го столетия. Тогда оно должно было бы сказать: "Я должна некое духовное существо направить по всей поверхности, я должна ему позволить действовать так, чтобы оно подготовило физические тела к тому, чтобы эти физические тела своим мозгом могли принять те истины, которые в наше время пойдут на пользу эволюции человечества".

То, о чем я сейчас говорю, существует как мысль, которую имеет Земля. Эту мысль можно понять, только если ее понимают с истинным благоговением и благочестием, если ее принимают не так, как мысль внешней науки, но если рассматривают ее как нечто святое, как нечто, о чем без благоговения не следует и говорить, поскольку это напоминает о связи человека с духовным миром, поскольку это непосредственно приводит к сообщению между человеческим и Божественным, когда говорят о таких вещах. Поэтому надо всегда быть внимательным, чтобы там, где о таких вещах говорится, была необходимая атмосфера чувства и ощущения. Для таких вещей это крайне важно. Можно сказать: эти вещи в некотором смысле и нельзя высказывать иначе, не положив в основу молитвенное настроение и чувство. Поднимая взор к духовному миру, надо принять в пульс то, что мы продумываем, приближая к себе такие мысли. – И чтобы это могло происходить естественным образом, уже посредством внешней среды, для этого будет построено наше здание, и для этого будет сделано все то, что должно в нем происходить.

Так вы видите в том, что я изобразил, своего рода пример того, как Земля в качестве земли, посредством содержащегося в ней твердого элемента, действует духовно, как она творит и создает то, что живет на ней в эволюции.

Напротив, направляясь больше на Запад, мы имеем там иные соотношения. Вчера я описал вам те соотношения, в которых Запад и Восток взаимодействуют, где жидкий элемент, как некое могущественное существо, простирается на Восток, и троичная природа души выражает себя, простираясь в трех больших морских заливах, которые еще ощущались спиритуально предрасположенным народом древних финнов как Вяйнямёйнен, Ильмаринен и Лемминкяйнен и которые сегодня так прозаически называются Финским, Ботническим и Рижским заливами. Здесь в древнем финском народе совместно действовало то, что приходило из жидкого и из твердого элемента. В финском народе соединялись элемент, который в большей степени слагает эфирного человека и утончает физического человека, жидкий элемент, и элемент земли, тот, что приходит из земли и слагает физического человека.

Можно было бы спросить, какое значение имеет такой народ, который свою важнейшую миссию в ходе земной миссии уже выполнил, как этот великий финский народ, и который все же сохраняется в более позднее время. Все это имеет свое значение во всем продвижении эволюции, то, что такой народ остается здесь, что он не исчезает с Земли, хотя и выполнил свою миссию. Как сам человек сохраняет в живой памяти для более позднего возраста жизни те мысли, которые он постиг в более раннем возрасте, так более ранние народы должны также оставаться как совесть, как живая и постоянно действующая память по отношению к тому, что происходит в позднейшее время, как совесть.

И вот можно сказать: для европейского Востока совестью будет то, что сохранилось как финский народ. – Должно прийти время, когда сердца будут охвачены пониманием задач эволюции, когда именно из среды финского народа расцветут идеи "Калевалы", когда одухотворенный и пропитанный современными духовнонаучными идеями этот чудесный эпос "Калевала" во всей своей глубине будет заново осознан всем европейским человечеством.

Народы Европы почитают эпос Гомера. Однако эпос "Калевала" вытекает из еще более глубоких основ душевной жизни. Только сегодня этого еще не видят. Но это придет, когда учения Духовной Науки будут соответствующим образом применены для выяснения духовных явлений земной эволюции. Такой эпос как "Калевала" не может сохраниться

без того, чтобы он был храним в живом бытии, без души, которая живет в теле, родственном тем силам, которые созидали "Калевалу". Это остается как живая совесть. Это может действовать дальше благодаря тому, что не слова, а то, что жило в ней самой, продолжает жить, что существует центр, из которого она может излучаться. Это существует как мысль, которую мы имели раньше, и которая продолжает существовать в более позднем возрасте жизни.

На Западе в большей степени существует то, что строит и формирует эфирное тело. Эти истины трудны, и вы должны уже к этому привыкнуть, так как у меня нет той возможности, которая, надо надеяться, имелась у земной эволюции, возможности по целому году обсуждать те вещи, которые я должен изложить за один час, вы должны допустить, что многое следует дополнять своими мыслями, что сказанное надо обдумывать медитативно. Тогда это будет полностью доступным для вас. Особенно же не пытайтесь подходить к вещам с теми или иными чувственными опрометчивыми нюансами.

На Западе существуют в большей степени воздействия на эфирное тело, которое должно было быть построено и сформировано здесь точно таким же образом, хотя и в более раннее время, как это должно происходить для Востока с физическим телом.

Видите ли, такие вещи можно очень легко понять неправильно, поскольку различия здесь тонки, весьма субтильны. Если, например, посмотреть на Запад, где у народа дело обстоит так, что эфирное тело в большей мере образуют духи воды, то само собой разумеется, – поскольку физическое тело есть отпечаток эфирного, – что и физическое тело как оттиск эфирного тела также образуется из сил воды. Однако на Востоке силы в большей степени действуют непосредственно в физическом теле. Надо обратить внимание на то, в чем тут дело. Внешняя физическая наука не в состоянии уловить этого тонкого различия. Она видит, что восточное физическое тело и западное физическое тело построены по-разному. Больше она ничего не видит. К таким тонким различиям можно приближаться только духовнонаучно. Кроме того, речь косна и весьма мало приспособлена к тому, чтобы выражать такие различия. Нередко, говоря что-либо совершенно различное, считают, что говорят об одном и том же. Вчера, например, я должен был сказать, что у народов Азии дело обстоит так, что силы, которые строят физическое тело, находятся в собственном

эфирном теле. Сегодня я должен сказать, что у народов Запада дело обстоит так, что эфирное тело формируется из сил воды. Если вы все это возьмете в целом, вы поймете, что в древние времена было так, что у восточных народов Европы должно было формироваться эфирное тело, но теперь, сейчас такое время, когда должно формироваться физическое тело. В то же время у западных народов дело обстоит так, что их эфирное тело формируется после того, как их физическое тело уже получило отпечаток извне, что их эфирное тело непосредственно выделяется гениями моря, гениями вод.

У народов Запада то, чем они являются, имеет место потому, что в эфирное тело входят импульсы. Там, где импульсы входят большей частью в эфирное тело, дело носит скорее не пространственный, а временной характер. Дело обстоит так, что импульсы действуют в следующих друг за другом промежутках времени.

Если мы перенесём взгляд на Восток, мы увидим, как из земли словно бы вытекают мысли для того, чтобы подготовить человека к будущей эволюции. Если мы посмотрим на Запад, то увидим, как из жидкого вытекают мысли и силы, которые в следующих друг за другом промежутках времени формируют эфирное тело.

И вот мы видим, как уже в древние времена на Западе вплоть до Центральной Европы было сформировано тело человека, сформировано так, что это эфирное тело свою непосредственную жизнь телесно, жизненно и внешне уже изжило.

Что это значит? Это значит, мои дорогие друзья, что в древние времена на Европейском западе жили люди, которые свой образ жизни вели, исходя из сил эфирного тела, подобно тому как сейчас, когда эфирное тело как бы связано этими древними импульсами, человек действует из физического тела. Жили люди, которые еще имели живое общение с духовным миром, а именно с элементарным миром. Это относится к древним временам. Эти времена, когда на Западе непосредственно и живо эфирному телу человека говорили гении жидкого элемента, уже минули. Но когда обращались к эфирному телу, это было иначе, чем в наше время, когда обращаются преимущественно к физическому телу человека. К физическому телу человека говорят так, чтобы произвести впечатления на его органы чувств, чтобы он усвоил некое

знание и приобрел некоторые жизненные привычки, которые связаны с впечатлениями чувств.

У этих древних людей Запада было так, что они в своих повседневных привычках, в том, что жило внутри них, были гораздо больше связаны с элементарным миром. Среди кельтов были люди, которые знали об элементарном мире точно так же, как мы сегодня знаем о физическом, люди, для которых элементарный мир не был закрыт, которые могли говорить о гениях природы, о гениях воды, о земных гениях, как мы говорим о деревьях, растениях, о горах и облаках, которые имели самое непосредственное общение с этими гениями природы. И своеобразие жизни в Европе основывалось на том, что в древности все это было, поскольку тогда воздействовали на эфирное тело человека так, как сегодня действуют на физическое тело через органы чувств.

Затем действие на эфирное тело человека продолжалось дальше, формируя и строя это эфирное тело так, чтобы его взаимоотношения с гениями жидкого элемента разыгрывались в большей степени бессознательно, чтобы сознательное общение с гениями природы все больше отступало назад.

Как же это осуществлялось? Для Франции, например, это осуществлялось так, что вслед за волной кельтского развития поднялась волна романского развития, что кельтский элемент пропитался романским. Во взаимосвязи кельтского и романского мы имеем два импульса. Один – древний импульс, который способствовал непосредственному общению между элементарным миром и эфирным телом, и в новом импульсе, во влияниях романизма мы имеем то, что также втягивается в эфирное тело, но втягивается как историческая волна так, что может наступить то, о чем я уже говорил в прошлой лекции, то, что во французском элементе может ожить древнегреческий элемент.

Если хотят правильно понять этот западный вид человека, тогда надо правильным образом оценить эти различные импульсы, также втекающие в эфирное тело. И здесь мы говорим о характерных явлениях по отношению к влияниям на физическое тело и по отношению к влияниям на эфирное тело. Иначе обстоит дело, если мы обратим взор на центральную область Европы. Здесь находится нечто иное. Здесь мы имеем дело с чем-то, я бы сказал, неудобовысказываемым, с чем-то, что не позволяет себя ясно характеризовать, здесь мы имеем

дело с тем, что как духи земли, так и духи жидкого элемента воздействуют непосредственно на физическое тело.

Вы видите, что это переход. Здесь, на Западе, духи жидкого элемента действуют непосредственно на эфирное тело. В Центральной Европе духи жидкого элемента ослабевают, и к ним присоединяются некоторые духи земного элемента. Они действуют непосредственно на физическое тело человека; менее сильно на эфирное тело. Духи земного элемента утончают физическое тело, если вы пойдете дальше на Восток. Поэтому с Центральной Европой связано тем или иным образом все то, что долгое время снабжало Европу такими физическими телами, которые были доступны жидкому элементу и элементу твердому, и поэтому мы видим, как сложно должно быть то, что вливается в человеческую эволюцию. Мы видим, как из этого фонда, этого резервуара народ франков – подготавливаясь, как я описал, благодаря гениям жидкого и твердого, – вдвигается, в свою очередь, в кельтски-романский народный элемент, и тогда впервые возникает то, что мы встречаем действующим в эволюции человечества.

Франки, которые остались, удержали тем самым одну особенность, одно свойство, воспринимать преимущественно физическим телом то, – это свойственно и саксам, – что исходит от духов жидкого и твердого элементов. Франки, которые ушли на Запад, соединили свое существо с тем существом, которое происходит от непосредственного влияния гениев моря, и стали еще значительнее, приняв историческое начало романского элемента.

Так проникают импульсы друг в друга, и тут мы можем понять, что если мы хотим характеризовать Западную Европу, мы не сможем прийти к пониманию иначе, как приняв во внимание все то, что связано с эфирным телом.

Если мы хотим характеризовать Центральную Европу, то мы должны сказать, что здесь в большей мере имеет значение физическое тело, здесь большую роль играет то, что слагается в физическом теле. Мы видим, как импульсы, о которых мы говорили, как бы концентрируются в некоторых центрах, как они характерно выступают в некоторых центрах. Два таких центра, которые поистине характерно относятся друг к другу, имеются, с одной стороны, в Центральной Европе, а с другой – на Британских островах. В Центральной Европе, там, где это выражено наиболее сильно, мы имеем то, что мы назвали

твердым элементом, и там в физическое тело втекает то, что приходит от гениев жидкого и от гениев твердого, они там смешиваются. На Британских же островах, где это в некотором смысле сильнее, чем, например, во Франции, в эфирном теле преимущественно действует то, что приходит от гениев жидкого элемента. Это вызывает то, что в двух областях живут люди, которые, в сущности, несут в себе те же самые импульсы, только одни несут их в физическом теле и имеют способности, связанные с действием гениев в физическом теле, другие, на Британских островах, несут их в эфирном теле и тем самым получают способности ко всему, что связано с импульсами эфирного тела. Выражаясь гротескно, я могу сказать, что если сопоставить немца и англичанина, то, рассматривая их как физическое тело, мы замечаем различие. Сходство мы замечаем тогда, когда сопоставляем физическое тело немца с эфирным телом англичанина. Здесь как раз выступает то, что показывает нам, что здесь живут те же самые импульсы, действительно те же самые импульсы живут здесь.

Вы видите, что при внешнем рассмотрении, когда ограничиваются только внешней фантазмагорией, выступает, так сказать, карикатура. Не поймите эти слова неправильно. Это прежде всего в своем истинном облике выступит навстречу тому, кто обратит внимание на основу жизни, на истину. Но поскольку в мире существа должны взаимодействовать, поскольку это и не может быть иначе, как чтобы они взаимодействовали, ибо мир есть целое, то должно быть так, чтобы, с одной стороны, некоторые импульсы действовали через физическое тело, а с другой, через эфирное. Я бы сказал, это именно так и должно быть, тем самым возникает соответствующее взаимодействие.

Из-за этого, видите ли, происходит то, что в духовном мире проявляется как совершенно особенные отношения между германским и британским миром. Я уже рассказывал на прошлых занятиях о совершенно особом отношении Востока и Запада, причем я показывал вам, как между Востоком и Западом идет некая борьба в духовном мире, из-за различий, которые получили души, приходящие из восточного или западного тела.

В тех взаимоотношениях, которые были только что описаны, действует нечто иное. Я прошу вас не принимать рассудочно или спекулятивно то, что я должен был сказать сегодня. Здесь уже надо наблюдать в духовном мире, иначе не придешь к верному. Мало-помалу образуется созвучие между тем, что

взаимодействует, исходя из Центральной Европы и с Британских островов, некая гармония, истинный духовный союз, который постепенно укрепится настолько, что можно будет сказать в духовном смысле, что никакие земные души не любят себя больше, чем земные души Центральной Европы и земные души Британских островов. Здесь есть сильнейшая любовь в духовном смысле, она существует, и это выражается в том, что мы сегодня видим перед собой. Так видоизменяются эти вещи.

Не следует высказывать такие вещи, если они основываются лишь на поверхностном познании, если они не были добыты с болью. Не слушайте, что вы можете следовать шаблону, думая, что каждый союз на физическом плане есть война в духовном плане, а война на физическом плане есть союз в духовном мире. Вещи таковы, как я их вам описал. И то, что это выражается в борьбе, есть выражение того, что в нынешней материалистической культуре вещам трудно изживать себя по-настоящему духовно.

Наше время не только на словах, но и на деле противится признать то, что существует в духовном мире. Оно пытается утвердить противоположное тому, что существует в духовном мире, так как материалистическая эпоха на деле противится признанию духовного. И вот то, к чему имеет тенденцию духовный мир, а именно, к гармонии физически приобретенного в Центральной Европе, и эфирно приобретенного на Британских островах, в майе заглушается тем, что сегодня мы видим как борьбу и обоюдную ненависть.

Видите ли, это даже похвально для тех, кто, не будучи духоиспытателями, считают нас чужаками, так как познание, исходящее из духовного мира, весьма противоречит тому, что можно наблюдать в физическом мире. Но можно быть уверенным в том, что дальнейшее развитие человечества зависит от того, будут ли духовные истины поистине проникать повсюду, будут ли люди учиться видеть за чувственным миром. Для этого должно произойти событие, о котором я более или менее ясно говорил в эти дни.

Надо радоваться тому, что карма соединила нас здесь, в нейтральной стране, где возможно так открыто говорить об этих вещах, ибо это не совсем легко, именно сегодня говорить об этих вещах. Но это хорошо для духоиспытателей, исследовать эти вещи, ибо они могут рассматривать то, что происходит во внешнем мире, как побуждение заглянуть за

покров. Многое должно оставаться совершенно непонятым, если не смогут заглянуть за этот покров. Только если взглянуть за покров, вещи получают свое полное значение.

МИР КАК РЕЗУЛЬТАТ УРАВНОВЕШЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ЧЕТВЁРТЫЙ ДОКЛАД Дорнах, 20 ноября 1914 г.

Благодаря нашим исследованиям нам уже должно быть понятно, что "за" или "под" физическим миром, находящимся перед нами, начинаются другие миры. И сегодня, в качестве введения, мне хотелось бы рассказать о некоторых особенностях этих духовных миров, о которых мы уже частично знаем, к которым хотелось бы кое-что добавить, а иное также оживить в душе.

Вы знаете, что ближайший, граничащий с нашим мир – это так называемый имажинативный мир. Этот мир значительно подвижнее, чем наш физический мир. Наш физический мир представляет из себя мир чётких контуров, чётких очертаний, мир чётко очерченных предметов. Мир же, в который мы вступаем, когда разрываем покров, образуемый физическим миром, как бы текучий, подвижный. Мы знаем также, что по отношению к этому первому духовному миру начинает возникать чувство, ощущение, что мы находимся вне нашего физического тела. В тот момент, когда мы поднимаемся в этот духовный мир, мы получаем к этому физическому телу новое отношение, отношение, подобное тому, как мы, находясь в физическом теле, относимся к нашим глазам или к нашим ушам. Физическое тело действует по большей мере как бы в целом, как своего рода воспринимающий орган; однако мы вскоре замечаем, что когда мы начинаем ощущать это физическое тело как своего рода орган восприятия, дело, собственно, уже не в физическом теле; здесь речь надо вести об эфирном теле. Физическое тело составляет для нас как бы каркас, который удерживает эфирное тело. Мы глядим извне на наше эфирное тело, а также ощущаем его, ощущаем как орган чувств, который воспринимает мир ткущих, парящих образов и звуков. Каково наше отношение к уху и глазу, таким же будет наше отношение к эфирному телу, которое удерживается физическим телом.

Если мы теперь чувствуем себя находящимися вне нашего физического тела, то такое переживание подобно переживанию сновидческого состояния. Сновидческое состояние состоит в том, что духовно-душевное нашей человечности находится вне нашего физического и эфирного тел, однако при этом сновидческом состоянии наше сознание снижается, и мы не знаем о том, что, собственно, происходит с нами и вокруг нас. Таким образом, можно сказать, что здесь имеет место совсем иное отношение человека к своему физическому телу, нежели обычно. К нему человечество будет приближаться всё больше и больше в ходе своей будущей эволюции, и духовная наука должна указывать на это.

С самых разных точек зрения я подчёркивал, что мы занимаемся сегодня духовной наукой не по какому-то своеволию, нет, этих занятий духовной наукой требует от нас эволюция человечества, то, что подготавливается в нынешний момент эволюции человечества. Именно такое чувство самоотделённости, отделения своей человеческой сущности от своего физического тела будет всё больше и больше обнаруживаться в людях как неясное переживание, и в будущем это будет проявляться всё сильнее. Придёт время, когда у всё большего количества людей будет возникать ощущение: что же это такое, я чувствую себя так, как будто я расщепился, будто около меня присутствует некто второй. – И это ощущение, это чувство, которое возникает естественным образом, точно так же как возникают голод, жажда и другие чувства, это чувство не должно остаться непонятым для современных людей и людей будущего. Оно станет понятно, если люди благодаря духовной науке сумеют понять, что же, в сущности, означает это расщепление. На это, по мере его наступления, особенно должны быть ориентированы педагогика, воспитание. Надо будет научиться с большим вниманием относиться к подобного рода переживаниям ребёнка, нежели это делалось до сих пор, когда эти переживания были редкостью.

Конечно, позднее, при нормальной здоровой жизни, будучи приглашены впечатлениями физического мира, эти чувства и ощущения, охарактеризованные мною, не будут проявляться слишком сильно в ближайшем будущем, однако в отдалённом будущем они станут всё сильнее и сильнее. Прежде всего они будут проявляться у детей в подростковом возрасте. Взрослые будут слышать от детей нечто такое, что они должны будут понимать, нечто такое, на что могут вообще не обратить внимания; однако это не следует упускать из виду, так как это связано с глубочайшими тайнами мировой эволюции.

Дети будут рассказывать: вот тут или там я видел какое-то существо, оно сказала мне то-то и то-то, что я должен сделать. – Материалистически настроенный человек скажет: ты глупый мальчик, или глупая девочка, так не бывает. – Однако тот, кто хочет понимать духовную науку, должен будет знать, что здесь речь идёт об одном значительном явлении. Если ребёнок скажет: я вижу здесь кого-то, он исчезает, но потом приходит всё снова и снова; он говорит мне то-то и то-то, я не могу послушаться его, – человек, который понимает духовную науку, будет знать, что здесь у ребёнка возвещает о себе нечто такое, что всё яснее будет заявлять о себе в процессе человеческой эволюции. Что же это такое, что возвещает о себе таким образом?

Мы поймём это, если обратим внимание на два основных переживания человека. Первое из них было особенно важно в четвёртую послеатлантическую греко-римскую эпоху, а второе важно для нашей эпохи, в которую оно, собственно, лишь постепенно подготавливается. В то время как первое основное переживание подошло к своему завершению в греко-римскую эпоху, навстречу второму мы ещё медленно движемся. В жизни человека всегда играют роль переживания, ведущие своё происхождение от Люцифера или от Аримана. По отношению к основному переживанию четвёртого послеатлантического периода особую роль играл Люцифер; в нашу эпоху роль играет Ариман, обуславливая основное переживание. Люцифер связан с тем, что ещё не прояснилось в частности, что непонятным, недифференцированным образом подступает к человеку. Иными словами, Люцифер связан с переживанием дыхательного процесса, с переживанием вдоха и выдоха. Дыхание человека представляет из себя нечто такое, что должно совершенно определенным, закономерным образом соотноситься с его целостной организацией. В тот момент, когда дыхание каким-либо образом нарушается, дыхание превращается из того, чем оно обычно является, а, именно, из бессознательного процесса, на который не обращают внимания, в процесс осознанный, в более или менее сновидчески-сознательный процесс. Если же, говоря тривиально, процесс дыхания становится чересчур энергичным, если он предъявляет организму требования большие, чем этот организм может вынести, тогда Люцифер получает возможность с дыханием проникать в человеческий организм. Впрочем, не он сам это делает, а его свита, которая принадлежит ему.

Здесь я укажу на явление, которое известно каждому как переживания во сне. Это переживание во сне может усиливаться, становиться более жизненным. Сон с кошмарами, когда человек из-за нарушенного дыхания получает такое сновидческое сознание, при котором могут примешиваться переживания духовного мира, а также переживания страха, ужаса, что бывает при снах с кошмарами – всё это имеет свой первоисточник в люциферическом элементе мира. Всё, что от обычного процесса дыхания переходит к удушью, к чувству удушья, всё это связано с возможностью для Люцифера вмешаться в этот процесс дыхания. Это грубый процесс, где из-за недостаточности сознания Люцифер вмешивается в процесс дыхания и формирующим образом вступает в сновидческое сознание, что и приводит к удушью. Это грубый процесс.

Но имеется также и более тонкое переживание; оно как бы утончает для нас это переживание удушья и выявляет себя не так грубо, как физическое удушье. Обычно не замечают, что к переживаниям человека относится и такое "утончённое удушье". Однако всякий раз, когда к человеческой душе подступает то, что становится вопросом или приводит к сомнению по отношению к тому или иному в мире, тогда имеет место утончённая форма переживания удушья. Можно было бы сказать: когда мы должны задать вопрос, когда нас побуждают к этому великие или малые загадки мира, тогда мы находимся в состоянии удушья, но не замечаем этого. – Каждое сомнение, каждый вопрос является утончённым кошмаром, или утончённым сном с кошмарами.

Так переживание, которое встречается нам в грубой форме, преобразуется в более тонкое переживание, которое выступает более в душевной форме. Можно полагать, что наука когда-нибудь возьмётся за изучение связи процесса дыхания с процессом постановки вопроса или ощущением сомнения в человеческой душе. Но в то же время всё то, что связано с вопросами, сомнением, всё то, что связано с нашей неудовлетворённостью, поскольку мир подступает к нам и требует ответа, или поскольку мы вынуждены дать ответ о нас самих – всё это связано с люциферическим.

Рассматривая вещи духовнонаучно, мы могли бы сказать: всегда там, где ангел удушья угнетает нас в кошмарных снах, или когда мы испытываем внутреннее принуждение, сопутствующее возникшему вопросу, испытываем боязнь – во всём этом мы имеем дело с усиленным, энергизированным процессом дыхания, с тем, что живёт в дыхании, но что

должно быть ослаблено, для того чтобы жизнь протекала нормально, чтобы человеческая природа правильно, гармонично функционировала. Но что же происходит в том случае, когда процесс дыхания становится чересчур энергичным? Тогда эфирное тело и всё, что связано с эфирной природой человека, распространяется слишком далеко, слишком стремится к отделению; тогда здесь в физическом теле изживается то, что не может оставаться в пределах физического тела, что хотело бы растянуть его. Слишком пышное, слишком распространённое эфирное тело – вот что лежит в основе усиленного процесса дыхания; при этом люциферический элемент получает особые возможности, чтобы проявить себя.

Таким образом, можно сказать: люциферическое может проскользнуть в человеческую природу, если эфирное тело расширено. – Можно также сказать: люциферическое имеет тенденцию к проявлению в таком эфирном теле, которое расширено по отношению к человеческой форме, то есть в таком эфирном теле, которое занимает больший объём, чем объём, заключённый в человеческой коже, которое больше по размеру. – Если представить художественную интерпретацию данного вопроса, можно было бы сказать: нормальное человеческое эфирное тело является скульптором, строителем человеческого облика, который предстаёт перед нами физически. Но если оно расширяется, если оно хочет занять больше места, выступить за пределы границ человеческой кожи, оно хочет тем самым создать иные формы. Оно в этом случае не может сохранить человеческой формы, оно повсюду стремится за пределы человеческой формы. – Эта проблема уже была разрешена в древности. Какая же форма выступает наружу, когда расширившееся эфирное тело, подходящее уже не для человеческого существа, но для существа люциферического, какая же форма выявляется и предстаёт в облике перед человеческой душой? Что же выступает наружу? Это Сфинкс!

Здесь нам представляется особый случай глубже понять Сфинкс. Сфинкс – это то, что душит. Если эфирное тело человека благодаря энергичному дыханию расширяется, то в душу погружается люциферическое существо. В этом эфирном теле живёт уже не человеческий облик, а облик люциферический, облик Сфинкс. Сфинкс появляется как повергающая в сомнение, как мучающая вопросом. Таким образом, Сфинкс имеет особое отношение к процессу дыхания. Но, с другой стороны, мы знаем, что процесс дыхания имеет особое отношение к процессу кроветворения. Поэтому люциферическое живёт также и в крови, оно пульсирует и

69

движется в крови. Окольным путём через дыхание люциферическое может проникнуть в кровь человека, и если слишком много энергии поступает в кровь, то люциферическое, Сфинкс, особенно усиливается.

Такое положение занимает человек по отношению к природе Сфинкс из-за того, что дыхательный процесс человека открыт для Космоса. Это переживание, в своём дыхании противостоять космической природе Сфинкс, это основное переживание особенно проявлялось в четвёртый послеатлантический греко-латинский культурный период. И в мифе об Эдипе мы видим, как человек противостоит Сфинкс, как Сфинкс приковывается к нему, чтобы мучить его вопросами. Человек и Сфинкс, или, мы могли бы также сказать, человек и люциферическое во Вселенной – вот на что следует указать как на основное переживание четвёртого послеатлантического культурного периода. Если человек хотя бы немного нарушал свою нормальную жизнь на физическом плане, то он приходил в соприкосновение с природой Сфинкс. Тогда в его жизни на него наступал Люцифер, и он должен был справиться с Люцифером, со Сфинкс.

Иным является основное переживание пятой послеатлантической культурной эпохи, нашей эпохи. Для нашего времени весьма характерно то, что эфирное тело не увеличено, не расширено, но сморщено. Оно не слишком велико, скорее оно слишком мало. Тенденция к уменьшению по мере продвижения эволюции вперёд будет усиливаться. Мы можем сказать: нормальный облик человека у греков таков, что эфирное тело слишком велико. Мы также можем сказать, что у современного человека эфирное тело стянуто, сморщено, стало слишком маленьким. – Чем дальше заходит человек на пути материалистического презрения к спиритуальности, тем больше сжимается и высыхает его эфирное тело. Но поскольку целостная организация физического тела человека зависит от того, правильно ли оно в целом пронизано эфирным телом, то для физического тела всегда имеет место одна тенденция, а именно: если эфирное тело слишком стягивается, то физическое тело начинает усыхать. Если бы оно усохло слишком сильно, то вместо обычных человеческих ступней образовывались бы ороговевшие ступни. У человека этого не происходит, но тенденция к этому заложена в нём, и она основана на тенденции эфирного тела к усыханию, к развитию слишком слабых эфирных сил. В это высушенное эфирное тело может особенным образом вживаться Ариман, подобно тому как Люцифер вживается в расширенное эфирное тело. Ариман принимает облик, который обнаруживает ослабленность эфирного тела. Он развивает

70

слишком мало эфирных сил для того, чтобы иметь правильно сформированные ступни, и формирует вышеуказанные ороговевшие ступни, козлиные копыта.

Мефистофель – это и есть Ариман; и не случайно он имеет козлиные копыта, он имеет козлиные копыта по той причине, на которую я указал. Мифы и легенды исполнены глубокого значения; вот почему Мефистофель часто появляется с лошадиным копытом, то есть со ступней, высохшей до состояния копыта. Когда Гёте полностью проникся идеей Мефистофеля, он не мог представить своего Мефисто в облике современного кавалера, ибо сущность этого Аримана-Мефисто составляло то, что он не имеет эфирных сил, достаточных для того, чтобы полностью сформировать физический облик человека.

Но ещё одна особенность вызывается тем, что эфирное тело стянуто, беднее в отношении эфирных сил, нежели обычно. Эта особенность станет нам понятна, если мы бросим взгляд на природу человека в целом. В некотором отношении мы даже физически являем собой двойственность. Обдумайте это, рассматривая себя как только физического человека. Ведь к физическому человеку можно отнести и то, что как вдыхаемый воздух находится внутри нас. Этот втянутый воздух при первом же выдохе будет снова выдохнут наружу, так что "вдыхаемо-воздушный человек", который пронизывает нас, постоянно меняется. Вы не только то, что состоит из мускулов и костей, вы также и человек дыхания. Но этот последний постоянно изменяется, входит и выходит, идёт то туда, то сюда. И человек дыхания, в свою очередь, связан с постоянно циркулирующей кровью.

Обособленно от этого человека дыхания находится в вас человек нервов – другой полюс, в котором циркулируют нервные флюиды; между человеком нервов и человеком дыхания имеется лишь внешнее взаимодействие, внешнее соприкосновение. В то время как в кровеносную систему могут благодаря дыханию иметь доступ только те силы, которые обладают люциферическими тенденциями, эфирные силы с мефистофельскими или ариманическими тенденциями имеют доступ только к нервной системе, но не к кровеносной системе. Ариману запрещено проникать в кровь, он может зато постоянно жить в нервах вплоть до их иссушения, истощения. К теплу крови он подступать не может. И если бы он захотел развить взаимосвязь с природой человека, он должен был бы помогать капельки крови, поскольку ему так трудно получить доступ к этой крови. Пропась лежит между

Мефистофелем и кровью. И если он хочет подступить к человеку, к тому, что живёт в человеке, если он хочет вступить в связь с человеком, то он должен стремиться овладеть кровью, так как он уверен, что в крови живет человеческое начало. Он должен домогаться крови.

Видите ли, с этим связана мудрость легенды о Мефистофеле, что расписываться надо кровью. Фауст вручает себя Мефистофелю и должен подписаться кровью, так как Мефистофель домогается крови, поскольку ему закрыт доступ к ней. Подобно тому, как греческий человек противостоял Сфинкс, которая жила в его дыхательной системе, человек пятого послеатлантического культурного периода противостоит Мефистофелю, который живёт в нервных процессах, который холоден и трезв; он страдает от отсутствия крови, ему не хватает тепла крови. Поэтому он и становится язвительным насмешником, трезво-рассудочным спутником человека.

Как Эдип со Сфинкс, так человек пятой послеатлантической культурной эпохи должен справиться с Мефистофелем. Он противостоит Мефистофелю как какому-то второму существу. Грек противостоял Сфинкс из-за ставших слишком энергичными процессов кровообращения и дыхания; греку противостояло то, что входило в его природу с интенсивным дыханием. Современный человек со всем тем, что исходит из его рассудка, из его отрезвлённости, противостоит тому, что связано процессами, происходящими в нервах. Это противостояние человека и мефистофельского начала предчувствовалось в поэтической форме, я бы сказал, пророчески. Но это будет выявляться всё больше и больше как основное переживание по мере нашего продвижения вперёд в эволюции пятого послеатлантического периода. И то, о чём я рассказывал, что это будет выступать в детских переживаниях – это и будет таким мефистофельским переживанием.

В то время как греческий человек испытывал мучения от избытка вопросов, современный человек не очень мучается от вопросов, гораздо больше мучений доставляет ему то, что он как бы околдован своими предрассудками, то, что около себя он имеет как бы второе тело, хранящее его предубеждения. Как это происходит?

Давайте рассмотрим эволюцию совершенно непредвзято. Сколь многие вещи в ходе пятой послеатлантической культуры перестали тепло и непосредственно затрагивать человека.

Возьмите бесчисленные вопросы, подступающие к нам, если мы углубляемся в духовную науку. Все они для современного материалистически мыслящего человека вообще не существуют. Он не чувствует загадки Сфинкс, тогда как древний грек ещё живо ощущал её. Но современный человек должен чувствовать иное. По его мнению, он всё очень хорошо знает, он наблюдает за внешне-чувственным миром, комбинирует наблюдения своим рассудком и с его помощью решает все загадки. Он не подозревает, насколько сильно он запутался в этой внешней фантазмагии. Но от этого его эфирное тело всё больше уплотняется, эфирное тело всё больше усыхает, и, в конце концов, это приводит к тому, что в существе современного человека как вторая природа укрепится в будущем мефистофельское начало. Всё, что развивается как материалистические предрассудки, материалистическая ограниченность, будет укреплять мефистофельскую природу, и уже сейчас мы могли бы сказать: заглядывая в будущее, мы видим, что каждый будет рождаться со вторым человеком, который назовёт глупцами всех, кто говорит о духовном мире. Я, мол, знаю всё, я доверяю своему здравому смыслу. – Конечно, такой человек будет отрицать как загадку Сфинкс, так и загадку Мефистофеля, однако этот последний будет следовать за ним по пятам как второе существо. Оно будет сопутствовать человеку так, что тот будет чувствовать себя вынужденным мыслить материалистически, но мыслить не самостоятельно, а с помощью этого второго существа, своего спутника.

Материалистический образ мыслей будет высушивать его эфирное тело, и в высушенном эфирном теле будет жить Мефистофель. Мы должны будем понять это, и человечество должно будет в будущем очень много давать ребёнку, воспитывая его, – это может происходить с помощью эвритмии или с помощью духовнонаучного образа мыслей, – давать то, благодаря чему эфирное тело будет оживляться, для того чтобы человек смог занять правильную позицию, чтобы он знал, что означает его спутник. Иначе он не поймет этого спутника, иначе он будет в связи с ним чувствовать себя околдованным, плененным. Также как грек должен был справиться со Сфинкс, так и современный человек должен справиться с Мефистофелем, с сатиropодобным, фавноподобным обликом, который имеет козлиные или лошадиные ноги.

Можно сказать: каждая эпоха обобщает наиболее для неё характерное в основном мифе, в пралегенде.— И таким основным мифом, пралегендой для Греции был миф об Эдипе, а для нового времени – легенда о Мефистофеле. Только эти

вещи следует действительно понимать, исходя при этом по возможности из самых основ.

Вы видите, что даже поэтическое творение, столкновение Фауста и Мефистофеля, становится основой для педагогики будущего. Прологом здесь является то, что народ или поэт предошущают спутника; заключительный акт будет состоять в том, что каждый человек будет иметь такого спутника, который не должен остаться неразъяснённым, и что этот спутник наиболее живо и сильно будет проявляться в детстве человека. И если взрослый воспитатель не сумеет занять правильную позицию по отношению к тому, что обнаружится у ребёнка, тогда человеческая природа будет испорчена из-за непонимания, как противостоять чарам Мефистофеля.

Достоинно внимания, что, исследуя литературные традиции легенд или сказок, мы повсюду обнаруживаем эти мотивы. Сказки и легенды, без должного понимания рассматриваемые современными учёными, обнаруживают в своей композиции или мефистофельские, ариманические мотивы, или мотивы люциферические, мотивы Сфинкс. Все сказки и легенды таковы, что их содержание может быть обобщённо пережито или как отношения человека и Сфинкс, или как отношения человека и Мефистофеля. В легендах и сказках мы обнаруживаем в более или менее скрытой форме или мотив вопроса, то есть мотив Сфинкс, мотив, когда кто-нибудь должен решить какой-то вопрос, ответить на какой-то вопрос, или мотив околдовывания, принуждённого зачарованного бытия – это мефистофельский, ариманический мотив. Ибо, говоря точнее, в чём состоит этот мефистофельский, этот ариманический мотив? Он состоит в том, что если мы имеем возле себя Аримана, мы постоянно находимся в опасности подпасть ему, перейти в его природу, потерять возможность оторваться от него. И можно сказать: Сфинкс человек ощущает как нечто внедрённое в него, раздирающее его; по отношению к мефистофельскому началу человек испытывает, что он вынужден погрузиться в это мефистофельское, подписать себя ему, подпасть ему.

У греков не было теологии в нашем современном смысле, и всё же по отношению к мудрости, природе и её явлениям они стояли ближе, чем современный человек. Без теологии приближались они к таинствам природы, и тогда в них возникал мучительный вопрос.

В своём процессе дыхания человек находится ближе к природе, нежели в своих нервных процессах. Поэтому грек в своём отношении к Сфинкс особенно живо ощущал, что он идёт навстречу мудрости. Иначе обстоит дело у современного человека. Возникло богословие. Человек уже не в непосредственном общении с природой полагает приблизиться к божественной мудрости мира, но он хочет изучать её, он хочет сблизиться с нею не с помощью процесса дыхания и кровообращения, а с помощью процессов нервной системы. Нервный процесс становится поиском мудрости, теологией. Но поскольку человек вовлекает свою мудрость в процессы нервной системы, приближается мекфистофельское. И когда наступила пятая послеатлантическая эпоха, именно из-за этой вовлечённости поисков мудрости в процессы нервной системы развилось чувство, что Мекфистофель следует по пятам за человеком, сковывая его, чувство, что человек допустил его к себе.

Если освободить легенду о Фаусте от всех облепивших её наслоений, то мы будем иметь перед собой следующее: молодой богослов стремится к мудрости, его мучат сомнения, поэтому он вручает, подписывает себя чёрту, Мекфистофелю, и тем самым подпадает под его влияние. Но подобно тому как грек должен был одолеть Сфинкс, интенсивно вырабатывая человеческую "Я"-природу, подобно тому, как он должен был одолеть Сфинкс, сформировав природу "Я", так должен и человек нашего времени справиться с Мекфистофелем с помощью расширения этого "Я" и наполнения его той мудростью, которая может быть достигнута путём исследования духовного мира, благодаря познанию духовного мира, благодаря духовной науке.

Эдип был наиболее могущественным среди этих победителей Сфинкс. Любой грек, если он всерьёз относился к себе как к человеку, должен был в большей или меньшей степени стать победителем Сфинкс. Эдип являлся лишь наиболее типичным образом того, что должен был пережить каждый грек. Что же произошло? Эдип должен был победить то, что жило в его дыхательном процессе и в процессе кровообращения. Человеку, живущему в этих процессах, он должен был противопоставить человека с обеднёнными эфирными силами, живущего в процессах нервной системы. Благодаря чему он достигал этого? Благодаря тому, что он вбирал в свою собственную природу силы, родственные процессам нервной системы, то есть силы мекфистофельской природы; но он вбирал их здоровым образом, так что они не присутствовали рядом, не становились его спутником, но

находились в нём самом; с помощью этих сил он мог справиться со Сфинкс.

Здесь мы видим, как Люцифер и Ариман, находясь в надлежащем месте, в том месте, куда они изначально были поставлены, действуют благоприятно, однако они приносят вред, находясь там, где они не должны находиться. Для грека природа Сфинкс была такова, что он должен был преодолевать её, должен был вытеснить её из себя. Когда он свергал ее в пропасть, когда находящееся снаружи эфирное тело могло войти в физическое тело, тогда он преодолевал Сфинкс. Пропась была не снаружи, пропастью было его собственное физическое тело, в которое и следовало погрузить Сфинкс. Но для этого должен был усилиться другой полюс, полюс нервной системы, противоположный, исходящий от "Я" процесс, не внешнее, но внутреннее. Ариманическое принималось внутрь человека и тем самым занимало надлежащее ему место.

Эдип был сыном Лая, которому было предсказано, что если у него будет ребёнок, то он принесёт несчастье своему роду. Поэтому он удалил мальчика, который у него родился. Он проколол ему ступни: вот почему мальчик получил имя Эдип, что значит хромоногий. Тут в драме Эдипа обнаруживают себя для нас мефистофельские силы.

Я говорил, что если эти силы истощили эфирное тело, то ступни не могут формироваться, они должны сморщиваться, усыхать. У Эдипа это было сделано искусственно. Как известно, он был подвешен к дереву; там нашёл его пастух и воспитал, а иначе он бы погиб. По миру он ходил на искалеченных ногах. Это как бы Мефистофель, обращенный ко благу. Здесь, находясь на своём месте, он может интенсивно импульсировать развитие "Я", а это означает решить задачи четвёртого послееатлантического периода. Всё то, что сделало грека великим, благодаря чему он стал настоящим греком, то гармоническое созвучие между эфирным телом и телом физическим, которое всё ещё живо восхищает нас в великолепных греческих образах – от всего этого отказывается Эдип, чтобы стать "личностью", чтобы стать примером человека, в котором "Я" стало сильным. Это "Я", переместившееся вверх к голове, стало сильным, зато ноги ослабли.

Этому должен противостоять человек пятой послееатлантической эпохи. Подобно тому как Эдип, ради противостояния Сфинкс, чтобы победить ее, должен был

принять Аримана, так человек пятого послееатлантического периода, то есть тот, кто противостоит Ариману-Мефистофелю, должен принять в себя Люцифера, должен вызвать процесс, обратный тому, что имело место у Эдипа. То, что как "Я" сосредоточено в голове, он должен направить вниз от головы, распространяя на всю оставшуюся природу человека. Поскольку "Я" изживает себя в процессах нервной деятельности, в нём сосредоточены философия, юриспруденция, медицина и, увы, даже богословие – как результаты процессов нервной деятельности. И вот возникает стремление выбросить всё это из головы и чувственно вникнуть в мировое целое.

А теперь возьмите Фауста со всем тем, чего он достиг своим "Я", как он хочет выбросить из головы всё то, что Гёте резюмирует словами: "Я философию постиг, я стал юристом, стал врачом... Увы! с усердием и с трудом и в богословье я проник". Всё это он старается выбросить из головы. И он это делает, предаваясь той жизни, которая не связана с головой. Он является как бы Эдипом наоборот, тем, кто принимает в себя люциферическую природу.

Проследите, как Фауст делает всё, чтобы принять в себя Люцифера, для того чтобы можно было бороться с находящимся около него Ариманом-Мефисто. Всё это показывает нам, как поистине этот Фауст есть как бы Эдип наоборот. В то время как всё то, что из-за переориентированной природы Аримана совершается в Эдипе и связано с Люцифером, всё то, что из-за переориентированной природы Люцифера происходит в Фаусте, связано, в свою очередь, с Ариманом-Мефистофелем. Как Ариман-Мефисто живёт по большей части во внешнем мире, так Люцифер больше живёт внутри, в мире внутреннем. Все несчастья, которым подвергается Эдип из-за того, что вынужден проникнуться ариманической природой, носят характер внешних явлений. Не только на него самого, на весь род обрушивается злой рок. Но и поражающий его самого злой рок носит характер внешних явлений. То, что он выкалывает себе глаза, ослепляет себя – это всё же внешнее событие. То, что чума поражает его родной город – тоже внешнее. А всё то, что происходит с Фаустом, является внутренним душевным переживанием, является трагедией внутреннего мира человека, так что и здесь Фауст также предстаёт как Эдип наоборот.

Если мы представим себе эти два образа, или, скорее, два двойных образа: Эдип и Сфинкс, Фауст и Мефистофель, то мы

будем иметь прототипы эволюции четвёртой и пятой послеатлантических эпох. Если когда-нибудь наступит время, когда в качестве истории будут меньше заниматься тем, что является отображением внешних событий, а займутся тем, что переживает человек, тогда впервые увидят, насколько исполнены значения и важны эти основные переживания человека. Тогда впервые обратят внимание на то, что действительно живёт в поступательном эволюционном процессе; как история от той внешней фантазмагии, которая обычно выдаётся за историю, перейдёт к тому, для чего внешние события, сколь значительны бы они ни были, являются лишь внешним фантазмагорическим отображением.

Как, с одной стороны, "Я" должно было укрепить себя, привлекая Аримана-Мефистофеля в Эдипа, в грека, так, с другой стороны, в современном человеке это "Я" становится слишком сильным. И современный человек должен освободиться от этого "Я", углубляясь в духовные события, углубляясь в то, что связано с миром, к которому это "Я" принадлежит, если оно само осознает, что живёт не только в теле человека, но является гражданином спиритуального мира. И в эту эпоху живём мы. В то время как в четвёртую послеатлантическую эпоху человек должен был стремиться всеми силами осознать это "Я" в физическом теле, так в нашу пятую послеатлантическую эпоху он должен работать над тем, чтобы осознать, что это "Я" принадлежит духовному миру. Распространение "Я"-сознания в духовный мир – это и есть духовная наука. Вот почему эта духовная наука глубочайшим образом отвечает высшим требованиям нашей пятой послеатлантической эпохи.

ПЯТЫЙ ДОКЛАД, Дорнах, 21 ноября 1914 г.

В одном из прочитанных мной докладов о "Калевале" содержалось нечто примечательное. Обдумывая этот доклад, вы скажете себе, ибо это напрашивается: там говорилось о существе, простирающемся с запада на восток, которое протягивает подобно щупальцам три отростка. Финский народ переживал их в образах Вяйнямёйнена, Ильмаринена и Лемминкяйнена; сегодня же на языке материалистов их принято называть Рижским, Финским и Ботническим морскими заливами. Вы могли бы спросить себя: как же можно говорить, что мы здесь имеем дело с существом? – ведь это всего-навсего поверхность, поверхность моря с её границами, которые имеют вытянутую форму. Ведь это не тело, почему же он говорит о существе? – Так бы вы сказали себе.

Происходящее в вашей душе при обдумывании данной духовнонаучной истины типично, ибо всё снова и снова возникают возражения против тех истин, которые извлекаются из духовного мира. И то, что такие возражения возникают, является вполне оправданными правомерным. И устранить такие возражения можно, только ещё глубже вникнув в дело. Это мы и хотим предпринять сегодня относительно некоторых вопросов. Для этого мне придётся сделать предварительные замечания.

Обратимся сначала к одному материалистическому предрассудку нашего времени, касающемуся человека. Не правда ли, вот один такой весьма понятный предрассудок: в человеке происходят всевозможные физические процессы, в том числе процессы в его нервной системе и в мозге, и из-за того, что совершаются эти физические процессы, совершаются и психические, душевные процессы, которые для материалиста являются, в сущности, лишь отражением этих физических процессов. Материалист исследует то, что происходит в физическом теле человека, находит – или, как сегодня, только гипотетически предполагает – некоторые тонкие процессы в нервах и говорит: это и есть основа для процессов мышления, чувствования и воления; эти процессы мышления, чувствования и воления являются лишь сопутствующими явлениями того, что происходит физически. – Сегодня это весьма распространённое воззрение, которое, разумеется, будет ещё глубже укореняться в материалистическом мышлении нового времени. Однако по своей логике это воззрение не более разумно, чем следующее. Допустим, что кто-то идёт по дороге и видит на ней разные следы; он находит след, похожий на колею, а также следы, похожие на отпечатки ног. Он всё это обдумывает и говорит себе: ну да, раз то, из чего состоит дорога, является материей, она там внутри развивает определённые процессы, вследствие которых материя стягивается, делится на куски и образует вот такую колею, а затем она в некоторых местах стягивается вниз и создаёт вот такие отпечатки, которые выглядят как ступни ног.

Это большое заблуждение, не так ли? Истина состоит в том, что здесь проехала повозка и намяла колёсами эти колеи, а здесь шёл человек и оставил следы своих ног. Не сама почва

по своей природе произвела эти отпечатки, а человек своими ногами и повозка своими колёсами.

Но также обстоит дело и с процессами в нашей нервной системе. Поскольку мы как души мыслим, чувствуем и волим, мы постоянно совершаем духовно-душевные процессы. Поскольку мы обитаем в физическом мире, эти процессы, протекая, увязываются с физическим телом, подобно тому как едущая повозка и идущий по дороге человек оставляют на дороге свои следы. Следы, оставляемые духовно-душевными процессами в физическом теле, так же мало относятся к материи, как следы на дороге. Процессы в материи мозга, в материи нервов не связаны с процессами мышления, или связаны столь же мало, как повозка и прохожий связаны с поверхностью почвы, по которой они перемещаются.

Необычайно важно как следует обдумать это; тогда мы сможем понять, что анатом и физиолог, просто исследуя процессы в организме, подобны духу, который перемещается под землёй, но никогда не поднимается на её поверхность, духу, который никогда не видел ни пешехода, ни повозки. Он видит только внутреннее земли, что возникают неровности, но видеть другую сторону ему недоступно. Там он проводит свои исследования и полагает, что всё вышеуказанное производит сама земля, это её собственная деятельность. В тот момент, когда этот подземный дух оказался бы на поверхности земли, ему бы стало ясно истинное положение вещей. Так обстоит дело с материалистически мыслящим анатомом или физиологом; он всегда под землёй, то есть он не знает духовной науки, а это и есть бытие под землёй. Он исследует только процессы в материи, которые не имеют отношения к тому, что происходит наверху в духовно-душевно.

Задача нашего времени состоит в том, чтобы человек от анатомического, физиологического мышления проник к духовнонаучному мышлению. Это подобно тому, как если бы кобольд, живший до сих пор под землёй, проник к истине, поднявшись над землёй и увидев, как же, собственно, возникают эти отпечатки в материи. Копящийся под землёй кобольд – это и есть, в сущности, такой материалист исследователь, который занят только той духовностью, которая находится под землёй – ведь материальное тоже является духовным. И человечество будет весьма шокировано, если эти кобольды проникнут в область духовно-душевного.

Я должен был сделать эти предварительные замечания, так как хотел дать вам пояснения по поводу вышеприведённого возражения, а именно, что Ботнический, Финский и Рижский заливы являются поверхностями, плоскостями, я же говорил о них, как если бы они были существами или частями одного могучего существа, протянувшегося с запада на восток.

Рассматривая существ пространства, пространственных существ, вы могли бы сказать: как человек я тоже являюсь пространственным существом. Это, конечно, правильно. Однако ваше представление о себе как о человеке, как о пространственном существе не является действительностью. Ибо с человеком связано нечто совершенно иное, нежели могут себе предполагать, рассматривая его только во внешней майе, во внешней фантазмагии. Во всяком случае, здесь он проявляется как существо, обладающее пространственным бытием, пространственным образом заключённое под кожу, существо, занимающее пространство. В вопросе о человеческом облике в скрытом виде содержатся три важнейших загадки, три значительнейших вопроса.

Первый скрывающийся здесь вопрос окружен всевозможными псевдотеориями и заблуждениями. Внешняя фантазмагия, внешняя майя вводит нас в заблуждение относительно нашего собственного бытия. Следы этих иллюзий обнаруживаются в современной науке, в частности, в той её части, где эта наука беспомощна и строит всевозможные гипотезы. Вопрос, который я имею в виду и по поводу которого наука выдвигает всё новые гипотезы, состоит в том, почему у человека два глаза, два уха, но, тем не менее, он не видит и не слышит двойственным образом; почему органы расположены симметрично, почему они существуют не как единичные, но как парные. Проблема единого восприятия весьма значительна, это большой вопрос для науки, и если вы просмотрите литературу, вы увидите, что написано там о том, почему двумя глазами мы видим единое, двумя ушами слышим единое, и так далее. Человек организован довольно грубо, это иногда выражается и в его речи. Он, в сущности, имеет также и два носа, только они срослись между собой, и их не так легко заметить как два глаза, два уха. Поэтому говорят не о двух носах, а только об одном, хотя в действительности у человека точно так же два носа, а не один. Только человек организован так грубо, что не обращает внимания на то, что там срослось вместе. Но в любом случае фактом остаётся то, что право- и левосторонняя симметрия обнаруживается у человека при восприятии. Если бы человек не имел двух глаз, двух ушей, двух носов, то его самоощущение и ощущение "Я" не могло бы осуществляться как следует. Две руки тоже

81

нужны для этого. Когда мы бьём в ладоши или ощущаем одной рукой другую, это уже элементы самоощущения, ощущения "Я". Но нечто похожее совершаем мы, сводя воедино то, что дают оба глаза, оба уха. Мы всегда воспринимаем мир с двух сторон, справа и слева, если речь идёт о чувственном восприятии. И только из-за того, что мы имеем два направления для восприятия справа и слева, и подводим их к разделяющей линии, мы и являемся тем "Я"-человеком, каковым мы являемся. Иначе мы не были бы этим "Я"-человеком. Если бы, к примеру, наши глаза были расположены вблизи ушей, и мы не могли бы соединять зрительную линию воедино, то мы всегда бы оставались существами, охваченными групповой душой. Чтобы стать "Я"-существом, мы должны сводить к одному сечению правое и левое. Представьте себе здесь плоскость, которая идет от этой линии от доски (рисуеться).

Всё приходит к этому сечению справа и слева, а мы фактически находимся в этой плоскости. Мы не в пространстве, а в этой плоскости, в этой поверхности. В действительности мы не являемся пространственным существом; мы – плоскостное существо, и это так потому, что левосторонние и правосторонние импульсы пересекаются. И если вы захотели бы – я имею в виду действительность, а не майю – ответить на вопрос: так где же ты находишься? – то вы не должны говорить "я нахожусь там или тут в заполненном телом пространстве", но вы должны сказать: "я нахожусь там, где мой левосторонний человек и правосторонний человек пересекаются. – В действительности вы находитесь только тут. Точно так же поверхность есть и у того существа, о котором я говорил прежде; у него отделяются друг от друга газообразное и водное, здесь две половины различны. У человека тоже есть левая половина и правая, но одинаковые. В действительности человек является существом поверхности, плоскостью, и это майя, что у него есть его фактический облик.

Но откуда берётся этот фактический облик? Это возникает потому, что человек находится в центре некоего противоборства. Одно существо слева борется с другим существом, находящимся справа. Воспринимая духовно то, что у нас слева, мы воспринимаем это существо как свет. Если же мы духовно воспринимаем существо, действующее с нашей правой стороны, то мы воспринимаем это другое существо уже с иными свойствами. Мы являемся двойным человеком из-за того, что слева в борьбе участвует люциферическое существо, а справа ариманическое.

Чтобы понять это точно, представьте себе: слева борется люциферическое существо, оно нагромождает здесь своего рода укрепление, справа же борется ариманическое существо, и здесь тоже нагромождает своё укрепление. То, что вы левосторонний человек, является результатом уплотняющей деятельности Люцифера; ваш правосторонний человек – результат уплотняющей деятельности Аримана. У вас есть только одна возможность – находиться в середине между ними. Наше жизненное искусство состоит в том, чтобы найти правильное равновесие.

В процессе чувственного восприятия мы делаем это бессознательно. Когда мы слышим левым ухом и слышим правым ухом, а затем объединяем импульсы в единое восприятие, или когда мы воспринимаем левой рукой и правой рукой и объединяем восприятия, мы всегда помещаемся на плоскости, которая является границей борьбы Люцифера и Аримана. Как лезвие ножа, даже ещё острее, чем лезвие ножа – вот каково пространство для проявления, которое предоставлено нам в середине. Наш организм принадлежит не нам, но он воздвигнут в результате борьбы люциферических и ариманических сил, а также тех сил, которые одного рода с Люцифером и Ариманом. Но сейчас мы не должны углубляться в это.

Вот так мы как плоскостное существо заключены между чем-то таким, что к нам как к человеку вообще не относится. Наш левосторонний человек, в сущности, не имеет к нам отношения, правый тоже не имеет; к нам имеет отношение лишь тот процесс, который разыгрывается между ними обоими.

А теперь снова обратитесь к рисунку, который я использовал прежде. Не правда ли, здесь постоянно протекают процессы. В земле тоже протекают процессы. Но то, что протекает в земле, не создаёт этих следов. То, что происходит в вас в правой или левой части организма, совсем не имеет отношения к тому, что человек переживает душевно; это процессы, которые разыгрываются между Люцифером и Ариманом. Те процессы, которые протекают внизу, под поверхностью земли, всё, что там происходит, например, ползание червей, остывание или нагревание в связи с временами года – все эти процессы, не имеющие отношения к отпечатавшимся здесь следам, вы можете сравнить с тем, что происходит внутри человеческого организма. Так что надо сказать: посредством духовного наблюдения физиологических и анатомических процессов мы приходим к тому, как борются друг с другом

Люцифер и Ариман, но не следует предаваться мнению, что благодаря этим процессам между Люцифером и Ариманом возбуждается душевная жизнь. Это неправильно, ибо последняя протекает в самой душе, протекает, в сущности, на поверхности, в плоскости, а не внутри организма, пространственного организма. Здесь наблюдается градация и исследование этой градации очень интересно. По отношению к голове человека дело обстоит так, что Люцифер и Ариман справа и слева образовали почти одинаковые уплотнения. Правая и левая половина головы очень похожи; здесь силы таковы, что они лишь незначительно взаимодействуют друг в друге, так что они мало касаются поверхности, расположенной в середине. В середине находится плоскость, слева Люцифер, справа Ариман. Но поскольку правая и левая части головы так похожи друг на друга, они, Люцифер и Ариман, как бы отскакивают друг от друга, и человек может спокойно действовать в середине (см. рис.).

Его мышление испытывает мало помех от влияния Люцифера и Аримана, так как они отбрасывают друг друга. Но если спуститься ниже, то это уже не будет так. С одной стороны Люцифер выстраивает желудок, с другой Ариман выстраивает печень. И желудок является как бы орудием, с помощью которого Люцифер ведёт борьбу слева направо, а печень – это то, чем ведёт борьбу Ариман справа налево. Отношения желудка и печени рассматривают правильно, если обращают внимание на то, чего достигает Люцифер, выстраивая желудок слева как своего рода орудие борьбы, и чего достигает справа Ариман, выстраивая печень. Это находится в постоянной борьбе, и науке не мешало бы заняться изучением этой борьбы между желудком и печенью. Сердце занимает позицию, немного сдвинутую влево, и это положение является выражением того, как с одной стороны нечто хочет захватить для себя Люцифер, а с другой хочет захватить для себя нечто Ариман. В целом соотношения правого и левого являются выражением борьбы Люцифера и Аримана в человеке, причём у человека, как было уже сказано, то, что лежит по обе стороны плоскости, примерно одинаково. Но мы видим, что оно одинаково лишь вверху; и когда мы спускаемся, исследуя человека, ниже, стороны перестают быть равными.

У существа, о котором я говорил, что оно простирает как бы три пальца – Лемминкяйнен, Ильмаринен и Вяйнямёйнен, – дело обстоит так, что на одной половине воздух, а на другой

вода, то есть здесь половинки ещё различны. Однако, приходя к ясновидческому познанию, сразу обнаруживают, что человек, в сущности, также является только плоскостью между двумя половинами; отвлекаясь от физического тела и направляя взгляд на эфирное, находят, что левая половина значительно светлее, чем правая половина. Левая половина выглядит гораздо более осветлённой, пронизанной светом, сияющей, мерцающей; правая половина гораздо сильнее затемнена, помрачена. Так обстоит дело с лево- и правосторонним человеком.

Но человек имеет отношение и к другим направлениям в пространстве; это означает, выражаясь оккультно, не что иное, как быть поставленным между Люцифером и Ариманом в их борьбе. Так поставлен он между направлениями вверх-вниз и вперёд-назад.

Если вы рассматриваете человека не в направлении вправо-влево, а в направлении вперёд-назад, – мы имеем в виду человека в целом, – то и тогда человек по отношению к направлению вперёд-назад также не является пространственным существом. Точно так же, как в лево- и правостороннем случае, здесь имеет место борьба между Люцифером и Ариманом, а пространственные построения являются своего рода баррикадами, которые они нагромождают друг против друга. Так сзади по отношению к человеку и против него борьбу ведёт Ариман, а спереди Люцифер. Сзади надвигается Ариман, спереди, противодействуя Ариману, надвигается Люцифер. Человек же расположен в середине.

Здесь, во всяком случае, следует отметить, что при направлении вперёд-назад оба они не сближаются друг с другом так сильно, чтобы между ними оставалась бы только плоскость. Ариман доходит лишь до плоскости, проходящей через позвоночник, а Люцифер доходит до плоскости, которая проходит через грудину, там, где срастаются рёбра. Между плоскостями есть пространство, которое их разделяет, тут их деятельность осуществляется взаимно, друг в друге. Здесь они борются, я бы сказал, не сталкиваясь непосредственно друг с другом, а посылая через это пространство свои заряды. Ариман доходит только до позвоночника, а Люцифер – туда, где рёбра врастают в грудину. Мы находимся внутри, посреди этой борьбы Люцифера и Аримана. Таким образом, в отношении направления вперёд-назад мы действительно являемся существами, у которых есть пространство. По

отношению же к право-левостороннему направлению пространства у нас нет.

В право-левостороннем направлении борьба Люцифера и Аримана протекает преимущественно в мышлении. Справа и слева с жужжанием проносятся мысли и соприкасаются в этой плоскости. Таково космическое мышлеобразование; мысли сталкиваются друг с другом, соприкасаясь в человеческой плоскости. В направлении вперед-назад борьба Люцифера и Аримана протекает по большей мере в чувстве. И поскольку здесь силы не так близко подходят друг к другу, для нас в середине остаётся своего рода арена, на которой мы и находимся в нас самих со своими чувствами. Мы ощущаем, когда мы имеем мысли, которые борются друг с другом справа и слева, что эти мысли, в сущности, принадлежат миру. С помощью мыслей мы думаем о вещах, которые находятся вовне. Если же мы создаём свои собственные мысли, то тогда они являются фантасмагорией и, в сущности, уже больше не принадлежат миру. В наших чувствах мы принадлежим сами себе, поскольку Люцифер и Ариман не сталкиваются здесь друг с другом так тесно. Вот почему наша арена действий находится между двумя областями. Поэтому мы с нашими чувствами находимся в нас самих.

Видете ли, мы как люди сотворены благодаря действиям существ высших Иерархий. И мы являемся плоскостными существами по отношению к право-левостороннему направлению только потому, что высшие Иерархии поставили нас здесь как плоскостных существ. Здесь они не позволили Люциферу и Ариману сойтись вместе. И мы являемся существами добрых Богов постольку, поскольку эти добрые Боги в соответствии с Их творящим промыслом сказали: вот перед Нами борьба между Люцифером и Ариманом; Нам надо создать ограниченную область, недоступную для них, чтобы они не могли непосредственно подходить друг к другу. Мы, люди, поставлены в эту борьбу как творения благих Богов, и чем больше устойчивости проявляем мы в этой борьбе, тем в большей мере являемся мы творением благих Богов.

В отношении же направления вперед-назад дело обстоит так, что благие Боги допустили в нас Люцифера лишь отчасти. Здесь грудина, область срастания концов рёбер спереди стала как бы воздвигнутой Ими баррикадой. А построив ту удивительную башню, которая заключает в себе спинной и

головной мозг, благие Боги воздвигли укрепление против Аримана. Здесь он пройти не может, здесь он способен лишь посылать свои заряды чувства в сторону Люцифера. И здесь внутри действительно находимся мы для того, чтобы их обоим отделять друг от друга посредством промежуточного пространства.

Есть ещё третье направление, оно идёт сверху вниз. Нам должно быть ясно, что вещи здесь также обстоят не так, как выглядят они во внешней фантазмагии, в майе. Здесь дело обстоит так, что снизу вверх действует Ариман, а сверху вниз Люцифер. Его воздействие сверху вниз задерживается, так сказать, плоскостью. Эту плоскость вы определите, рассмотрев скелет и нижнюю часть черепа. Там, где череп сопрягается с шейным позвонком, проходит эта плоскость. Эта невидимая горизонтально расположенная плоскость находится там, где череп сочленяется с шейным позвонком, она является барьером. Человек, будучи поставлен здесь, может сдерживать идущие сверху вниз люциферические воздействия. Люцифер может лишь посылать сверху свои заряды: это заряды воли. Слева направо идут мыслительные заряды, спереди назад – заряды чувства, сверху вниз – заряды воли.

Но и здесь также есть промежуточное пространство, арена. Если вы рассмотрите низ диафрагмы, то здесь примерно вдоль диафрагмы проходит та плоскость, которая, в свою очередь, установлена, чтобы противодействовать стремящемуся снизу вверх Ариману. Таким образом, своей волей, своими мыслями, своим собственным существом Ариман способен проникать снизу вверх только до диафрагмы. То, что расположено выше, является нашей собственной ареной действий.

Вот видите, как сложно устроен человек. Возьмите какую-нибудь часть человека, к примеру, левую сторону лица. Как мыслительное существо Люцифер может полностью пронизывать эту левую сторону, но как чувственное существо он может пронизать человека лишь до известной плоскости. Как волевое существо он опять-таки может пронизать человека сверху вниз. Так в любой части человека вы можете благодаря этим данным отыскать, как Люцифер и Ариман с помощью космических импульсов мышления, чувства и воли действуют внутри пространственного человека.

Однако должно быть ясно, что в качестве мыслящего человека мы являемся плоскостным существом. В качестве чувствующего человека мы обладаем ареной действий, заключённой между направлениями вперёд-назад; как волящее существо мы также имеем некоторую арену действий между верхом и низом, находящуюся между этой проходящей через верхний позвонок плоскостью и плоскостью диафрагмы. И только исключив всё то, что совсем не принадлежит человеку, вы получите истинный образ человека. Вы можете сконструировать его.

Вы видите, что человек в действительности собран извне, извне получает он свой оттиск, и нам не понять его, просто рассматривая его внешние формы, как они выступают перед нами. Мы сможем понять его только тогда, когда узнаем, как он связан со всем духовно-космическим, как здесь справа и слева, спереди и сзади, сверху и снизу подступают к нему люциферическо-ариманические силы, как они вычеканивают его существо и делают его пространственным существом.

Вам следует таким же образом рассматривать и то, что в некотором роде воспроизводит истинные космические воздействия в мире – вам надо рассмотреть и наше здание. Если бы мы рассматривали его как некую фантазмагорию, мы бы считали, что самым существенным в этом здании является то, как его деревянные части располагаются в пространстве. Но не это самое главное: самое главное состоит в том, что незримо. Если какая-либо форма в нашем здании расположена так (см. рис), и здесь дерево, то существенное находится не там, где дерево, но там, где ничего нет, где проходит граница с воздухом.

Наше здание в его истинном смысле вы получили бы, взяв огромный кусок воска и запечатлев в нём в виде обратного слепка внутренность здания. Затем можно было бы рассматривать этот слепок. Итак, то, где вы находитесь, войдя внутрь здания, то, чего вы не видите, но должны ощущать – вот то, о чём, в сущности, идёт речь. Раньше я уже говорил: в принципе, наше здание вроде формы для выпечки кулича. Конечно, это выражение, форма для выпечки кулича, здесь не очень понятно. Но подумайте: вот здесь находится этот горшок, форма, а внутри выпекается кулич. Что тут, собственно, важно, в этой форме для выпечки куличей? Дело не в самой форме, не в этом горшке, главное – сам кулич, то, что выпекается, чтобы он имел правильную форму, правильным образом располагался внутри. Горшок нужен

только для того, чтобы поместить туда тесто и испечь, чтобы получился нормальный кулич.

В нашем здании важно не то, что находится вокруг, а то, что внутри. А внутри будут чувства и мысли тех, кто находится внутри здания. Они будут возникать потому, что человек смотрит на поверхностные границы здания, он ощущает формы, он наполняется мыслеформами. То, что внутри – это сам кулич, а то, что мы строим – это оболочка, форма. Но она должна быть такой, чтобы внутри можно было правильно мыслить, чувствовать, ощущать. В этом состоит принцип нового искусства по отношению к искусству старому. В случае старого искусства всё дело в том, что находится снаружи, в пространстве. В новом искусстве дело уже не в том, что расположено вовне, в пространстве. Снаружи находится этот горшок, но дело не в нём, а в том, что внутри. Это имеет значение не только в случае пластических форм, но и живописи. Не в том дело, что нарисовано, а в том, что ощущается, переживается при этом. Живопись – это тоже всего лишь "горшок для выпечки кулича".

Это основной пункт поступательного процесса эволюции, к которой имеем отношение и мы: мы действительно, извините за выражение, из горшка входим в кулич. Остаться в горшке – это, так сказать, материализм; перейти в кулич – это мы бы назвали спиритуализмом, это то, ради чего мы работаем. Если этого не принять во внимание, то нельзя было бы правильным образом судить обо всём, относящемся к искусству, а речь у нас идёт об этом. Если художественно оценивать наше здание по образцам древности, можно было бы сказать: "Да помилуйте ради Бога, но горшок, который ты изготовил, вовсе не так уж красив!" – При этом не знают, что дело не в "горшке", а в его содержимом, в "куличе". Тем самым мы с помощью духоведения приближаемся к цельному смыслу и значению поступательной эволюции. Человек должен благодаря успешному развитию духовной науки наработать для себя выход из "горшка", он должен вратываться в "кулич".

И он должен расстаться с верой в то, что, например, процессы, протекающие в мозгу, являются первопричиной мышления, между тем как в собственных процессах мозга задействованы космические процессы и разыгрывается борьба между Люцифером и Ариманом. Он должен увидеть, что свойственные человеку душевные процессы, мышление и ощущение, являются всего лишь следами, которые напечатлеваются в этом противоборстве и которые не имеют

ничего общего с так называемыми материальными процессами, другими словами, процессами люциферически-ариманическими.

Я мог бы использовать ещё один образ. Представьте себе, что мы идём по прекрасному саду, он прекрасен оттого, что и деревья расположены прекрасно, и цветочные клумбы красиво оформлены, и так далее: мы хотели бы составить себе мнение обо всём этом. Заглянув в какую-то ямку в земле, мы видим там кобальда. Он – предположим – говорит нам: "Я объясню, почему здесь розы, фиалки, кусты и цветы. Это я ползаю внизу, там, под поверхностью земли; потому-то здесь и растут деревья, фиалки и розы". Мы могли бы сказать в ответ: "Ты прекрасно описал нам этот процесс, то, что ты объяснял, должно происходить в физическом мире. Но чтобы растения могли расти как следует, необходим садовник, садовник должен быть обязательно. Однако в сферу его деятельности ты не заглядываешь, к этому ты не имеешь никакого отношения".

Так мы должны научиться говорить материалистам-анатомам и материалистам-физиологам: "твою деятельность можно обнаружить, заглянув в потайное окошечко в земле. Ты ползаешь там и штудируешь процессы, которые и должны там происходить, однако они не имеют ничего общего с тем, что происходит наверху в душевно-духовном. И только тогда сможешь ты правильно объяснить то, что происходит там внизу, если изволишь изучить отношения, господствующие между Люцифером и Ариманом и другими Иерархиями, которые приводят Люцифера и Аримана в состояние равновесия". – Так благодаря духоведению будет обогащено то, что до сих пор являлось действенным только в пределах "Я"-представления.

Пройдёт время, и люди будут говорить: в Библии при описании сотворения мира нам сообщается о дыхании, о выдохе Ягве, о том, что вдохнули в человека. – Люди будущего спросят: если этот выдох вдохнули, то куда? – Если вы сопоставите то, что я говорил, то вы найдёте как ближайшее, куда мог быть произведён этот выдох, то самое промежуточное пространство, где спереди и сзади, сверху и снизу Ягве сотворил человека наподобие куба и так наполнил его своим собственным существом, своим волшебным дыханием, что затем и во всех остальных частях человека

действие этого волшебного дыхания распространилось в регионы Люцифера и Аримана. Ведь здесь имеется промежуточное пространство, ограниченное справа и слева, сверху и снизу, спереди и сзади: тут в пространственного человека и вошло непосредственно дыхание Ягве. То, что я говорил, было сказано прежде всего в отношении этого физического, пространственного человека.

Как вы видите, это раскрывает перед нами широкую панораму, исходя из которой, мы рассматриваем человека как стоящего внутри всего Космоса. Я хотел бы сказать: сверх того, что видимым образом, внешнепространственно заполняет человека, имеется также и морально-душевный аспект. И в том, что действует в нас как морально-душевное, мы также имеем фантазмагорию, майю, хотя и не в такой сильной степени, как в случае пространственного человека. И во всём моральном, во всём логическом, во всём, что проявляется в нашей душевной деятельности, воздействуют друг на друга Люцифер и Ариман, а человек поставлен на границе.

Как это происходит, эту важную и значительную для нас тему мы обсудим завтра.

ШЕСТОЙ ДОКЛАД

Дорнах, 22 ноября 1914 г.

Из вчерашних сообщений вы можете сделать вывод, что сами наши телесные формы образовались как результат совместной деятельности люциферических и ариманических сил.

Именно в наше время весьма важно знать об этом взаимодействии люциферических и ариманических сил, ибо только таким образом может у человечества постепенно возникнуть понимание тех сил, которые действуют за внешней фантазмагорией бытия. Мы знаем, что не следует ненавидеть Аримана и опасаться Люцифера, поскольку эти силы являются враждебными в мире лишь до тех пор, пока они действуют в тех областях, которые им несвойственны. Об этом в прошлом году много говорилось в Мюнхене. Здесь мы тоже указывали на это.

Вчера рассматривалось, как физическое, пространственное тело человека образует свои формы вследствие противоборства люциферических и ариманических сил. Это было указанием на наиболее внешнее в человеческой жизни, где Люцифер и Ариман играют свою роль. Вы знаете, что мы в гораздо большей степени имеем дело с внутренним миром в жизни человека, если от физического тела обращаемся к эфирному телу. Эфирное тело является в некоторой степени скульптором физического тела. Оно срастается со всеобщим эфирным миром, оно как подвижный, как всегда подвижный в себе эфирный организм лежит в основе нашего физического организма. Так вот, по отношению к этому эфирному телу следует сказать, что в нём, точно так же, как мы это видели в случае физического тела, действуют люциферические и ариманические силы, так что человек и как эфирное существо - это следует подчеркнуть - также поставлен в сферу противоборства люциферических и ариманических сил.

Для того чтобы объяснить, как это происходит, нам следует обратить внимание на три основных вида деятельности человеческого существа, которые производятся человеком уже не в качестве физического существа: на волю, чувство и мышление. Этих воли, чувства и мышления мы, конечно, не видим, если рассматриваем человека только в отношении его физического тела. Лишь опосредованно, поскольку физическое тело приобретает то или иное физиогномическое выражение, благодаря жестам и тому подобному можем мы по показаниям этого физического тела заключить, каков внутренний мир человека. Но вот эфирное тело, как обладающий внутренней подвижностью организм, является уже постоянным непосредственным выражением мышления, чувства и воли человека.

В отношении мышления, чувства и воли чисто внешняя наука испытывает затруднения, и, взглянув на философские системы, мы заметим, что одни философы берут за основу волю, другие мышление. Есть и такие, которые рассматривают как самую главную силу чувство. Но поскольку мышление, чувство и воля составляют в человеке единство, эти философские системы не могут образовать об этом никаких истинных понятий. Эта несостоятельность построить сколько-нибудь верные понятия об отношениях мышления, чувства и воли в человеческой душевной жизни подобна той, которую ощущают, не будучи в состоянии образовать понятие о человеке вообще. Я не знаю в точности, - говорит философ, - имеет ли человеческая душа в большей степени волевою, чувствующую или мыслящую природу, является ли она в большей степени той или иной? - Это точно так же, как если

бы кто-нибудь сказал: я действительно не знаю точно, что такое человек; один мне предлагает показать человека и показывает маленькое существо, пятилетнего ребёнка, говоря при этом: вот человек. – Другой тоже хочет показать мне человека и показывает существо, которое гораздо больше, чем ребёнок, человека средних лет. Третий тоже заявляет, что хочет показать мне человека, и приводит мне, в свою очередь, совсем иное существо со сморщенным лицом, седыми волосами и т. д. И теперь я поистине не знаю, что же такое человек. Мне показали три разных существа! – Но ведь все эти трое, не правда ли, это люди. Только один из них юн, другой постарше, и третий совсем старый. По своему виду они очень отличаются. И только сопоставив вместе эти три возраста, можно узнать, что же такое человек.

Но также обстоит дело и с волей, чувством и мышлением. Разница между ними состоит в том, что воля является той же самой душевной деятельностью, что и мышление, но ещё совсем юной, детской. Если же воля становится старше, она превращается в чувство, а совсем старая воля представляет из себя мышление. И только разница в возрасте между волей, чувством и мышлением, только то, что они совместно изживаются в нашей душе, то есть возраст жизни этих душевных проявлений делает этот вопрос таким затруднительным. Но мы уже говорили о том, – это вы можете прочесть в моей книге "Порог духовного мира", – что как только мы выходим из физического мира, начинает действовать закон преобразования, а не статичности. Здесь всё преобразуется. Старое вдруг становится юным, юное старым и т. д. Так что в действительности три душевные деятельности могут выступать в нас одновременно: воля, которая обнаруживает себя то как молодая воля, то как повзрослевшая воля, то есть как чувство, и, наконец, как старая воля, как совсем старая воля, то есть как мышление. Здесь один возраст жизни совмещается с другим, всё это текучее. Это происходит в эфирном теле человека.

Однако это преобразование само по себе осуществиться не может. То, что было бы единой душевной деятельностью, в обычной жизни вообще не вступает в наше сознание, это мы не можем ввести в сознание. Если мы, рассматривая эфирное тело в целом как нечто подвижное, текучее, изобразили бы его символически как некий непрерывный поток, поток душевной деятельности, вообще не вступающий в сознание в обычной жизни, то в этот поток, в это непрерывное, протекающее во

времени движение эфирного тела вторгалась бы попеременно люциферическая и ариманическая деятельность.

Люциферическая деятельность делает волю молодой. Наша душевная деятельность, проникнутая люциферическим, является волей. Если в нашей душевной деятельности преобладает люциферическое, если в нашей душе только Люцифер прилагает свои силы, то это проявляется как воля. Люцифер действует на общий поток нашей душевной деятельности омолаживающе. Если же на нашу душевную деятельность оказывает своё влияние Ариман, то он очерствляет нашу душевную деятельность, она стареет; это и есть мышление. Это мышление, это обладание мыслями было бы в обычной душевной жизни совсем невозможным без того, чтобы в эфирном теле распространял свои силы Ариман. В душевной жизни, насколько она изживается в эфирном теле, нельзя обойтись без Люцифера и Аримана.

Если бы Люцифер был полностью оттеснён из нашего эфирного тела, то мы не имели бы люциферического огня, необходимого для воления. Если бы из нашей душевной жизни был совершенно изгнан Ариман, мы никогда не смогли бы развить холода мышления. В середине между ними есть регион, где они борются друг с другом. Здесь Люцифер и Ариман пронизывают друг друга, здесь их деятельность разыгрывается друг в друге. Это и есть регион чувства.

На деле же человеческое эфирное тело проявляется так, что в нём можно воспринять люциферический свет и ариманическую жёсткость. Если созерцают человеческое эфирное тело, то оно не является таким упорядоченным, как здесь (на рисунке), где оно изображено символически. В нём господствует неупорядоченность. Там есть включения, где эфирное тело непрозрачно, они подобны, я бы сказал, частицам льда. В эфирном теле проступают фигуры, похожие на ледяные узоры на стекле. Это затвердения в эфирном теле. В таких местах оно непрозрачно. Но таким образом осуществляется в эфирном теле жизнь мыслей. Эти замороженные части эфирного тела в некоторых местах подвергаются воздействию Аримана, который посредством мышления посылает туда свои силы.

В других местах эфирное тело таково, что в нём имеются подобные вакуолям совсем светлые места, они прозрачны, блестят и светятся. Туда посылает свои лучи и силы Люцифер, это волевые центры эфирного тела. А между ними, там, где осуществляется непрерывная деятельность, в эфирном теле можно увидеть, как затвердевшие места тут же захватываются и растворяются такими светлыми местами. Идёт непрерывное затверждение и, в свою очередь, растворение. И это является выражением чувственной деятельности в эфирном теле.

Итак, мы можем сказать: не только формы физического тела обусловлены взаимной, нарушающей или создающей равновесие деятельностью люциферических и ариманических сил, но и во всём эфирном теле также действуют эти люциферические и ариманические силы. Если преобладают ариманические силы, то это проявляется как мышление; если преобладают люциферические силы, то это проявляется как воля; если же они противоборствуют на равных – это проявление чувства.

Вот таким образом и совершается взаимодействие люциферических и ариманических сил в эфирном теле. Мы являемся в некотором смысле результатом действия этих сил, и по отношению к ним занимаем промежуточное положение.

Нам также следует знать, что во всём разыгрывающемся здесь наше "Я" в своей полноте задействовано не всегда. Наше земное "Я", которое мы приобрели только в ходе земной эволюции, может развивать полноценную деятельность и полное сознание только в физическом теле. В эфирном теле оно сможет полностью реализоваться только в эпоху Юпитера, так что во всём протекающем в эфирном теле собственное "Я" человека не проявляет непосредственной деятельности. Если бы в поступательной эволюции мира не принимали участия ариманические и люциферические силы, человек был бы совсем иным существом; тогда он мог бы в своём физическом теле иметь восприятия, но иметь собственные мысли он бы не мог. Мысли он имеет потому, что на его эфирное тело может влиять Ариман. А волевые импульсы он имеет потому, что на его эфирное тело могут влиять люциферические силы. Эти силы и должны действовать здесь.

Нам должно быть ясно и то, что во всей полноте нашего земного сознания мы не можем спуститься в эфирное тело. Наше полное "Я"-сознание мы можем реализовывать только в

физическом теле. Полностью опуститься в эфирное тело мы не можем. С этим эфирным телом мы погружены в мир, где мы сами во всей полноте не присутствуем. И при посредстве Аримана, который способствует образованию мыслей в нашем эфирном теле, не только наши мысли вступают в наше эфирное тело. При посредстве Люцифера, способствующего формированию воли в нашем эфирном теле, не только наши волевые импульсы вступают в наше эфирное тело. Также обстоит дело и с чувством, той областью, где противоборствуют они оба. В той степени, в какой живёт в нашем эфирном теле Ариман, мы с нашим эфирным телом погружены вниз, в сферу стихийных духов, элементарных духов природы, духов земли, воды, воздуха и огня. Мы не знаем об этом, поскольку мы со своим "Я" не можем погрузиться в наше эфирное тело. Но дело всегда обстоит так, что в этом эфирном теле как сила мысли живёт не только то, что мыслим мы сами, но туда проникает и влияние стихийных духов. И всякий раз, когда человек встречается с этими природными духами, он может рассказать о том, что пережил нечто такое, что в обычном "Я"-сознании ему не доводилось переживать. Он встречается с этими стихийными духами, находясь в отличающемся от обычного состоянии, когда его эфирное тело несколько высвобождается из физического тела.

Каким образом это может произойти? Видите ли, эфирное тело человека связано со всем окружающим эфирным миром, а также и со всей сферой стихийных духов, находящейся вокруг нас. Предположим, например, что человек идёт днём по улице. Когда он, находясь в своём обычном сознании, идёт по улице, его эфирное тело правильным образом находится внутри его физического тела, и он своим "Я"-сознанием воспринимает то, что именно в этом "Я"-сознании и можно воспринять.

А теперь допустим, что он идёт по дороге ночью. Если человек идёт по дороге ночью, когда совсем темно, то у некоторых людей возникает жуткое состояние, ужас. И вот, вследствие такого состояния ужаса, жуткого ощущения, вследствие этого своеобразного состояния, при котором человека особенным образом захватывает Люцифер, эфирное тело человека высвобождается из физического тела, и благодаря этому освобождённое эфирное тело, выделившееся из физического, может вступать теперь в отношения с окружающим эфирным миром.

Допустим, что человек проходит вблизи кладбища, где на могилах недавно умерших ещё есть эфирные тела. Тут,

находясь в состоянии, когда его эфирное тело высвобождено, он может воспринять кое-что из тех мыслей, которые ещё присутствуют в эфирных телах умерших. Допустим, что совсем недавно умер тот, кто не заплатил долги и умирал с мыслью о сделанных им долгах. Эта мысль ещё может сохранять присутствие в эфирном теле умершего. Человек, разумеется, не может воспринимать такую мысль в эфирном теле другого, если его собственное эфирное тело не высвобождено, однако, находясь в описанном мною состоянии, он может это воспринять. Он может вступить в связь с эфирным телом другого, и поэтому может воспринять мысль: "Я наделал долгов". И теперь, поскольку люциферическая сила в нём из-за всего этого окрепла, у него появляется чувство: я должен заплатить долг.

Так переживает человек в своём эфирном теле нечто такое, что он никогда не пережил бы в физическом теле в нормальной жизни. Такое переживание в обычной жизни человека не является повседневным, поэтому в сознание человека привносится нечто весьма значительное, если он это переживает. В сознание привносится то, что человек знает: сейчас ты переживаешь нечто такое, чего тебе не приходилось переживать в обычной жизни, чего ты не мог переживать в обычной жизни. Человек чувствует, что он находится где-то ещё, помимо своего тела, он это ощущает как необычное положение. Он находится где-то ещё, не в своём теле, и он чувствует стремление вернуться обратно в своё тело, он страстно желает, чтобы ему помогли вернуться в своё тело.

Такое чувство, которое он имеет здесь, чувство страстного стремления вернуться обратно в своё тело, призывает некоторых элементарных духов, стихийных духов, для которых это чувство человека является пищей, питанием. Они приходят, будучи привлечёнными этим чувством: я хотел бы вернуться в моё физическое тело. – Они при этом помогают найти дорогу назад в физическое тело. Если человек спит обычным сном, то он легко находит дорогу назад: но если он переживает нечто вышеописанное, то ему трудно найти путь назад. Но человек не воспринимает это так, как это воспринималось бы в эфирном теле; он воспринимает это имажинативно, в образах. Появляется кто-то, – это и есть стихийный дух, – он может быть в образе пасущего овец пастуха, и он даёт совет: "Иди к такому-то замку. Я доведу тебя на телеге," – или что-нибудь в этом роде.

С такими представлениями можно связать и нечто иное. Может оказаться, что оставленное тело, тело, вне которого и

имеет человек переживания, представляется замком, из которого надо кого-то спасти, войдя туда. Так выглядит имажинативно это страстное стремление к физическому телу и помощь стихийного духа. Тогда человек возвращается обратно в физическое тело, иными словами, просыпается.

Люди, реально пережившие это, рассказывают потом о таких переживаниях потому, что они чувствуют, как они вступили в отношения с мыслями умершего. Они говорят себе: это было ощущение чего-то, находящегося не только во мне; это было не только какой-то грёзой во мне, нет, было такое ощущение, что я вступил в общение с каким-то процессом, протекающим вовне в мире. – Это, конечно, выражается в образах, но за этим стоит некий процесс. Я хотел бы прочитать вам описание такой картины. Один человек рассказывает о том, что он пережил, и это похоже на то, что я описал вам. Он же описывает это примерно так: "Я был солдатом и получил отставку. Однажды на дороге я встретил трёх человек. Они хотели вырыть покойника из могилы, так как он остался им должен три марки. Мне стало его жалко, и я заплатил за него долг, чтобы покойника оставили в покое и больше не тревожили в его могиле. Я пошёл дальше. Тут встретился мне незнакомый человек с бледным лицом. Он предложил мне сесть в свинцовую повозку и упробил поехать вместе с ним в замок. В замке жила одна принцесса. Она говорила, что выйдет замуж только за того, кто приедет к ней на свинцовой повозке. Человек подошёл к кучеру и сказал: гони что есть мочи на восток. Подошёл также какой-то пастух, что пас овец и говорит: я – граф Равенбургский! И приказал он кучеру ехать ещё быстрее. Мы подъехали к воротам, слышался шум, ворота открылись. Принцесса стала спрашивать человека, откуда он, как смог он приехать со стариком, и тут я заметил, что тот, кто меня привёз, был духом. Потом мне удалось пройти в ворота, и я стал хозяином этого замка." Иными словами, он вернулся в своё тело. Здесь перед вами описание такого переживания, о котором я говорил.

Так что же это такое, когда с кем-то происходит нечто подобное, и он потом рассказывает об этом? Это сказка.

Сказки возникают только так и никак иначе. Всё другое, что говорят о возникновении сказок – пустые фантазии. Все настоящие сказки доказывают то, что имеет место переживание вне физического тела человека, причём эфирное тело каким-то образом высвобождается и человек вступает в отношения с внешним эфирным миром. В такой форме

происходит общение человека с внешним эфирным миром посредством его эфирного тела.

Однако человек вступает в отношения с внешним эфирным миром ещё и иным способом. Он вступает в отношения с ним там, где, можно сказать, имеет место деятельность полусознательная, наполовину пронизанная "Я". Так происходит при речи. Мы говорим не так осознанно, как думаем. Это неправда, что речь находится в нашей власти, принадлежит нам. В речи изживаются эфирные силы, в речи имеется изрядная доля бессознательного. "Я" не полностью опускается в речь. Когда мы говорим, мы с нашим эфирным телом вступаем в отношения с окружающим эфирным миром. Как индивидуумы, мы учимся мыслить, но не говорить. Мы учимся говорить благодаря карме, которая ставит нас в известные обстоятельства жизни. Находясь в аномальном состоянии, когда эфирное тело высвобождено, мы вступаем в отношения со стихийными духами. Если же мы не просто думаем молча, если мы говорим, то тогда мы вступаем в отношения с Духами народов. И, не вступая в наше сознание, Духи народов вживаются в наше эфирное тело. То, что в такой форме живёт в человеке, так же мало принадлежит к сознательной деятельности "Я", как и то, что человек пересказывает как сказки.

Мы описали роль, которую играют Люцифер и Ариман в эфирном теле человека. Но люциферические и ариманические силы действуют также в астральном теле. Изучая астральное тело человека, мы должны указать на самое выдающееся из того, что характерно для астрального человека на Земле. Это сознание. В физическом теле наиболее существенным являются форма и сила; в эфирном – подвижность, жизнь; в астральном теле – сознание. Но в человеческом теле мы имеем не только одно состояние сознания, мы имеем два состояния сознания: обычное бодрствующее состояние и состояние сна. Однако следовало бы обратить внимание на то, что оба эти состояния не являются, в сущности, вполне естественными. Естественным было бы для нас промежуточное между ними состояние, в котором мы никогда не живём сознательно.

Если бы мы постоянно бодрствовали, то нам едва ли удавалось бы как людям в надлежащем порядке проходить смену возрастов жизни. Только благодаря тому, что в нас всегда как бы постоянно присутствует нечто менее бодрствующее по сравнению с нашим дневным бодрствованием, мы вообще в состоянии развиваться. Спросите себя, насколько вы думаете развиваться, получая и

99

усваивая повседневный опыт жизни? Этим мы удовлетворяем по большей мере наше любопытство, жажду сенсаций. Но как мало из того, что мы испытываем в бодрственной жизни, может быть поставлено на службу развитию. Мы развиваемся только оттого, что когда мы бодрствуем, в нас всегда остаётся что-то спящее. Я не имею в виду засыпание; даже если человек бодрствует днём, нечто в нём остаётся спящим. И это спящее в нём действует так, что он не остаётся ребёнком, а развивается дальше.

То, что осознаётся нами с помощью нашего астрального тела – это и составляет наше обычное состояние бодрствования. Но это обычное состояние бодрствования таково, что в нём мы бодрствуем слишком сильно. В обычном состоянии бодрствования мы слишком сильно отдаёмся внешнему миру, целиком уходим во внешний мир. Почему это происходит? Это происходит потому, что бодрствующее сознание живёт под сильным влиянием, под преобладанием Аримана. Бодрствующее сознание = Ариман.

Иначе обстоит дело с сознанием во сне. В сонном сознании мы слишком мало бодрствуем. Здесь мы делаем всё исключительно для нашего развития, для нас самих. Здесь мы находимся в себе, настолько сильно в себе, что всё сознание гаснет. В сонном сознании преимуществом обладает Люцифер. Сознание во время сна = Люцифер.

Итак, в отношении нашего астрального тела наше положение таково, что когда мы пробуждены, Ариман преобладает над Люцифером; когда же мы спим, Люцифер преобладает над Ариманом. В равновесии они удерживаются только тогда, когда мы грезим: здесь они, противоборствуя друг другу, удерживаются в равновесии. Здесь те представления, которые вызываются Ариманом в дневном сознании, представления, которые он очерствляет и кристаллизует, растворяются и снова приобретают подвижность благодаря Люциферу. Всё предстаёт в образах, причём он не позволяет им застыть до стадии жёстких представлений, они снова раскрепощаются, становятся подвижными в себе. Так же как у весов равновесие имеет место в одной опорной точке или линии, когда весы по обе стороны одинаково нагружены, так и в человеческой жизни мы имеем дело не с покоем, а с равновесием. И две силы, действующие здесь на весы, из которых то одна, то другая перевешивает – это Люцифер и Ариман. В бодрствующем сознании перевешивает чаша Аримана, в сонном сознании чаша

Люцифера. Лишь в промежуточном состоянии, в котором мы грезим, весы покачиваются вверх и вниз; они не находятся в покое, но покачиваются вверх и вниз.

Но даже если мы поднимемся в более высокие сферы человеческой жизни, окажется, что и там Люцифер и Ариман пронизывают мир. Два понятия играют в жизни огромную роль. Первое из них – это понятие *долга*, или, если подходить с религиозной точки зрения, понятие *заповеди*. Мы в этом смысле говорим также и об обязанностях. Другое понятие, которое мы тут хотим рассмотреть – это понятие *права*. Если вы обдумаете, какую роль в человеческой жизни играют понятие долга и понятие права, права, которое человек имеет на то или иное, то вы скоро убедитесь, что долг и право являются полярными понятиями, противоположностями, и наклонности человека таковы, что он действует попеременно то больше в соответствии с долгом, то больше в соответствии с правом. Мы, во всяком случае, живём в ту эпоху, когда человек охотнее говорит о своих правах, чем о своих обязанностях. В различных областях отстаивают свои права. У нас есть права рабочих, права женщин и т. д.

Долг является по отношению к праву противоположным понятием. Наше время отличается от того будущего времени, когда под влиянием антропософского спиритуального мировоззрения к обязанностям будут относиться более серьёзно. И только в будущем, скорее всего в далёком будущем будут существовать движения, где всё меньше будут акцентироваться правовые требования, и всё больше веления долга. И тогда вопрос будут ставить таким образом: что является долгом для женщины или для мужчины на том или ином месте? Так эпоха чувства долга придёт на смену эпохе борьбы за права.

Как полярные противоположности, полярности действуют в нашей жизни права и обязанности. Можно сказать: если человек в своей душе предрасположен к долгу, то его внимание направлено от себя, вовне. – Кант выразил это грандиозным образом, уподобляя долг великой богине, на которую взирает человек: "Долг! Ты – возвышенное, великое имя, в котором нет излюбленного, вкрадчивого заискивания, ты требуешь покорности....." Человек взирает на долг как на нечто сияющее из областей духовного мира. При религиозном подходе он ощущает долг как импульс, возлагаемый высшими Иерархиями. Подчиняясь долгу, человек следует чувству долга, он выходит из себя вовне. И это "выхождение-из-себя-

вслед-за-чувством-долга" уже является чем-то таким, что выводит человека из его обычной самости.

Но такого рода выхождение из обычной самости, такое стремление к одухотворению может завести человека в положение, где он мог бы потерять почву под ногами, следуя лишь одной этой тенденции, стремиться вовне от себя. Человек стал бы терять вес, если бы он всегда стремился вовне от себя. Поэтому, подчиняясь долгу, человек должен пытаться в самом себе найти ту помощь, которая придавала бы ему вес, если он подчинён долгу. Шиллер отыскал для этого прекрасное выражение, сказав, что для человека прекраснейшим отношением к долгу было бы полюбить этот долг.

Этой мыслью сказано многое. Если человек говорит о том, что он учится любить долг, то тем самым он возвышается над собой вместе с той любовью, которой он в ином случае любил бы только себя самого. Любовь, которая жила в его теле и была эгоизмом, он переносит наружу, он любит долг. Насколько любовь самостна, настолько является она люциферической силой. Но если человек выводит эту самостную любовь за пределы самого себя и любит долг так, как в ином случае он любил бы лишь себя самого, то он спасает Люцифера, берёт его вовне в область долга и делает Люцифера правомерным существом в деяниях и импульсах долга.

Напротив, если человек не может этого, если он не может вывести любовь за пределы самого себя и направить её на долг, то он обречён любить только самого себя. Если он не в состоянии полюбить долг, тогда ему приходится подчиняться долгу, тогда он становится рабом долга, тогда он как человек долга делается сухим, чёрствым, холодным и трезвым, несмотря на свою преданность долгу. Он ариманически черствеет, хотя и следует долгу.

Вы видите, что долг как бы стоит посередине. Если мы подчиняем себя ему, то он уничтожает нашу свободу. Мы становимся рабами долга, так как с одной стороны к долгу со своими импульсами приближается Ариман. Но если мы приносим в жертву долгу нас самих, приносим в жертву силу эгоистической любви, то тем самым мы выносим навстречу

долгу тепло любви, и вследствие этого мы, благодаря равновесию между Люцифером и Ариманом, находим подобающее отношение к долгу. Так состояние равновесия между Люцифером и Ариманом мы устанавливаем в моральной области. Ариман, находясь вовне, в духовном иссушает нас долгом, которому мы обязаны подчиняться, так что долг лишает нас свободы. Но навстречу ему из нашего собственного организма мы направляем любовь, приносим навстречу ему нас самих. В результате борьбы Люцифера и Аримана мы достигаем правильного отношения к долгу. При этом мы также в некотором смысле становимся спасителями Люцифера. Если мы начинаем любить наши обязанности, то, значит, наступил момент, в который мы способствуем спасению люциферической власти. В этот момент мы выводим из нас самих на борьбу с Ариманом те люциферические силы, которые в ином случае были бы как заколдованные обречены на эгоистическую любовь, пребывая в нас. Благодаря этому мы спасаем зачарованного в эгоистической любви Люцифера, мы освобождаем его, если научились любить свой долг.

В своих письмах "Об эстетическом воспитании человека" Шиллер ставит тот же вопрос: как человек из рабского подчинения долгу возвышается до любви к нему? Он только не употребляет при этом таких выражений, как Люцифер и Ариман, поскольку эти вещи он не осмысливал с космической точки зрения. Однако это замечательное письмо Шиллера об эстетическом воспитании человека могло бы быть вполне переведено и на язык духовной науки.

В случае права дело обстоит так, что когда особенно акцентируется право, оно оказывается тотчас же связано с Люцифером. Человеку не надо учиться любить своё право; он и так его любит, и это вполне естественно, что он любит своё право. Естественная связь между Люцифером и правом проявляется в этом чувстве, чувстве права. И повсюду, где речь идёт о правах, говорит и Люцифер. Иногда даже внешне становится очевидно, как пропаганда того или иного права происходит по подсказке люциферической власти. Здесь речь идёт о том, чтобы мы нашли противовес по отношению к праву, чтобы мы привлекли сюда Аримана, для того чтобы создать противополож для связанного с правом Люцифера. И это мы можем сделать с помощью того, что является противоположностью любви. Любовь есть внутренний огонь; её противоположностью – это холодная невозмутимость, примирение с тем, что несёт нам мировая карма, понимание того, что происходит в мире, рассудительное спокойствие. Как только мы применяем это разумное спокойствие по отношению к нашим правам, мы извлекаем наружу Аримана. Только здесь

узнать его труднее. Мы спасаем его от его чисто внешнего бытия, призываем его внутрь самих себя, согреваем его любовью, которая связана с правом. В рассудительности присутствует холод Аримана. Понимая то, что происходит в мире, мы связываем тепло нашей понимающей любви с тем, что как холод предстаёт вовне, в мире. Мы спасаем Аримана тогда, когда мы с пониманием противостоям тому, что происходит, когда мы не только требуем для себя права, исходя из эгоистической любви к себе, но и понимаем, что происходит в мире.

Такова вечная борьба Люцифера и Аримана в мире. Здесь человек может, с одной стороны, проявляя консервативность, учиться понимать обстоятельства так, как они проистекают из космической, кармической необходимости. Это одна сторона. С другой стороны, человек может чувствовать в своей груди порыв к непрерывному обновлению, поток революционности. В революционном течении живёт Люцифер. В консервативном течении живёт Ариман. И человек при осуществлении своей правовой жизни живёт внутри этих противоположностей.

Таким образом, мы видим, что права и обязанности тоже составляют противоположность между Люцифером и Ариманом. И мы только тогда научимся понимать эти вещи, понимать, какое положение в жизни занимает человеческое физическое тело, эфирное тело, астральное тело, какое положение в мире занимает право и долг в правовой жизни, если мы познакомимся с обоюдным действием духовных сил, и, прежде всего, тех духовных сил, которые нуждаются в положении равновесия.

Точно так же как мы рассматривали вышеописанное, то, что находится под влиянием нуждающихся в равновесии духовных сил, можно рассматривать и то, что изживается в мире в виде полярных противоположностей в нашей моральной жизни. Вся мораль в целом, этика, нравственная жизнь, поляризованная по принципу долга или по принципу права, будут понятны только тогда, когда мы будем учитывать проникающее воздействие Аримана и Люцифера. Также и в исторической жизни людей, в истории, на смену консервативно-мирным, так сказать, ариманическим движениям, приходят военно-революционные, люциферические движения. Это тоже проявление стремления к установлению равновесия между люциферическим и ариманическим. Мы не поймём мир, если не будем рассматривать его, познавая противоположности. То, что выступает во внешнем мире, предстаёт перед нами в противоположностях, предстаёт поистине дуалистически. И в

этом отношении вполне обоснованным является манихейство, правильно понятое манихейство, которое является дуалистическим. Как это манихейство может быть обосновано в сфере спиритуального монизма, об этом мы будем говорить в будущем в самых различных аспектах.

В этих докладах я планировал показать вам, как мир является результатом уравновешенного воздействия. Подобный результат уравновешенного воздействия заявляет о себе и в жизни искусства. С этой точки зрения мы ещё будем рассматривать искусство и его развитие в мире, а также то участие, которое принимают в эволюции человеческого искусства различные духовные силы.

ОЛАФ ЭСТЕСОН

ВЫСТУПЛЕНИЕ Ганновер, 1 января 1912 г. , Новый год

Так называемая "Сновидческая песнь", речь о которой пойдёт в сегодняшнем докладе, потребует некоторых предварительных замечаний.

На эту "Сновидческую песнь" мне уже доводилось указывать в своём Рождественском обращении несколько дней тому назад. Тогда я говорил, что установление праздника Рождества ни в коей мере не является чем-то надуманным, возникшим лишь из мыслей. Напротив, установление праздника Рождества в ходе года обусловлено определёнными внутренними процессами, которые могут осуществляться в человеческой душе, если эта человеческая душа достигает ясновидения как высшего душевного плода, полученного или благодаря заложенным от природы силам, или достигнутого посредством обучения. На чём это может быть основано в человеческой душе, лучше всего можно уяснить, проведя перед своей душой следующие мысли.

Все те растения, все те пробивающиеся, прорастающие побеги, которые как бы расколдовывает солнечный свет, солнечное тепло, чтобы затем, летом, они могли достигнуть полного расцвета, – всё это впадает в зимний сон, вступает в зимнем мраке на своего рода зимнюю тропу, и это происходит в то время года, к которому по мановению исторического сознания человечества был приурочен праздник Рождества. Время, на которое приходится праздник Рождества, соответствует сонному, помрачённому состоянию природных существ. Но с человеческой душой дело обстоит как раз наоборот, нежели с внешней природой. В то время, когда существа природы погружаются во мрак, и человеческая душа

имеет с ними дело в царстве внешне сошедшего во мрак солнца, в самой человеческой душе становится, или, по крайней мере, может становиться светлее. Благодаря некоторому природному процессу, что мы чаще называем унаследованным ясновидением, или вследствие ясновидения, полученного путём обучения, душа погружается в наиболее светлый духовный мир, где ей раскрываются духовные тайны, обычно сокрытые за внешне-чувственными вещами. И подобно тому, как это нисхождение растительного мира вниз, на зимний путь, носит регулярный, закономерный характер, так и спиритуальный расцвет у людей также подчиняется закону, в соответствии с которым достижение светлой ясности происходит в период природного мрака, когда и празднуется Рождество.

Может показаться, что подобные вещи высказываются, опираясь только на современное, полученное путём обучения ясновидение, или, как сказали бы наши современники, исходя из чистой фантастики. Однако живые, убедительные свидетельства того, что внешним образом переживают люди, переживает народ, показывают, что это не так. Вот почему мне было крайне интересно, – когда я несколько лет тому назад говорил в нашем кругу об этом рождественском ясновидении, которое приводит нас к пониманию значения Существа Христа, к объяснению Существа Христа именно в тот период, когда человеческая душа становится ясновидящей в наибольшей степени, а также когда я позднее, в одном цикле докладов, снова затронул тему столь благодатной в спиритуальном отношении Норвегии, – мне было крайне интересно познакомиться с одним замечательным видением-сказанием, сохраняющимся там, в верхних широтах. И, будучи знакомым с подобного рода вещами, нельзя не отметить, сколь многое в нём созвучно с теми германскими сказаниями о ясновидческих переживаниях во время тринадцати ночей, начиная с Рождественской ночи вплоть до христианского праздника Богоявления шестого января. – Тогда человеческие души могли вглядываться в духовный мир и видеть там судьбу человеческой души в развоплощённом состоянии, как она проходит через Камалоку. Им становилось ясно, как формируется отношение высшего духовного мира к земным поступкам человека. Интересно, что человек, о котором рассказывает эта "Сновидческая песнь" и которому она в этой северной области приписывает вышеназванные видения, этот человек носит имя Олаф Эстесон. О нём говорится, что во время этих тринадцати ночей он приобрёл ясновидческий опыт, который мог получить северный человек как своего рода видение. Прежде всего, он испытал, как переформируются человеческие поступки, когда человек минует врата смерти; он испытал также, как в управление и ткань развоплощённой души вступает Существо Христа, испытал, как в северном духовном распорядке жизни души после смерти появляется в

качестве судьи Иисус Христос, Который выступает здесь на стороне древнего мирового судьи, Архангела Михаила, называемого также ликом Иеговы. Так, помимо всего прочего, что обнаруживает ясновидение Олафа Эстесона, здесь находит свой отклик проникновение христианства на север. Всё это раскрывается его ясновидению во время празднования Рождества Иисуса, в те тринадцать ночей, когда он спал не просыпаясь.

С какого же рода сознанием имеем мы тут дело? Стоит отметить, что указание на это содержится уже в имени: на севере оно с очевидностью указывало на человеческое сознание, унаследованное от праотцов, от пращуров. Олаф становился настоящим Олафом только в то время, когда на него находило древнее ясновидческое сознание пращуров. Тот, кто своё сознание, своё внутреннее существо унаследовал от предков – вот что выражалось в имени Олаф. А Эсте означало любовь, любовь, которая вращивалась в крови от поколения к поколению. Этот сын любви, Эсте-сон, и есть Олаф, и есть то сознание, которое в древние ясновидческие времена вращивалось от поколения к поколению, и есть как бы заново восставшее пращурство. Олаф, родившийся с этим ясновидческим сознанием, познаёт судьбу человеческой души и в то же время созерцает приход Того Существа, вхождение Которого в земное развитие мы празднуем в день Рождества Иисуса. Знаменательно и то, что в то время как подобные видения переживались в германских странах всё снова и снова, эта "Сновидческая песнь" была, казалось бы, совсем забыта. В 1850 г. священник Ландстад занялся собиранием народных песен в Телемарке, уединённой горной долине, где тогда жило совсем немного людей. И среди разных народных песен жила – он не знал, с каких пор и как долго – песня об Олафе Эстесоне, который тринадцать ночей созерцал и судьбу человеческой души, прошедшей через врата смерти, и вступление Христа Иисуса в мировую историю. Ландстад не знал, когда прижилась эта песнь посвящения человеческой души, песнь инициации. Она жила в устах народа, она постоянно рецитировалась в соответствующем музыкальном переложении. Она была популярна среди этих немногочисленных жителей уединённой горной долины и понравилась священнику Ландстаду тем, что она, как бы исходя от самого народного духа, рассказывала ему о тайнах, возвещавшихся при древнем посвящении. Она сохранялась в устах народа до тех пор, пока не была найдена Ландстагом. Многие люди полагают, что здесь имеется в виду Святой Олаф, который в 1030г. по Рождестве Христовом ввёл христианство; его мать звали Эста, любовь. Тем самым эта песнь приобретает характер как исторической, так и спиритуальной.

Интересно и то, что в последующем эта "Сновидческая песнь" была быстро усвоена большинством северных народов. Она живет в сердце норвежского народа. Ведь в Норвегии

существует большое движение, которое хотело бы оживить древние времена, оживить древний язык, весьма близкий к прагерманскому, хотело бы дать ожить древнему норвежскому языку вопреки позднее укоренившейся датской речи. Язык этой песни созвучен древнейшему языку, который там сохранялся, и те люди, которые хотели бы восстановить свои древности, принимают эту песнь близко к сердцу. За последние десять, пятнадцать лет она проникла не только в народное сердце, но даже в школы. Её повсюду поют, рецитируют, повсюду слышно, можно сказать, то, в чем душа обращается к древней народности – это "Сновидческая песнь" Олафа Эстесона, который, так сказать, естественным образом был в течении тринадцати ночей от Рождества до шестого января посвящен в священные тайны человечества. Вот по этой причине мы и хотим сегодня исполнить вам эту "Сновидческую Песнь" Олафа Эстесона. Фройляйн фон Сиверс будет её рецитировать. После того как фрау Линдхольм перевела её на немецкий с того первоначального языка, на котором песня жила и теперь оживает всё больше и больше, становясь своего рода народной песней, я попытался пока подготовить всё это так, чтобы можно было рецитировать по-немецки. Сейчас мы услышим её в той временной обработке, которую мне удалось сделать за несколько дней.

СНОВИДЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

I.

Послушай песнь мою!
Тебе хочу я спеть
О храбрце одном,
*Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.*

II.

Прилёт он раз под Рождество
И вдруг уснул так крепко,
Не мог проснуться он, пока
Через тринадцать долгих дней
Народ пошёл ко храму.
*Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.*
Прилёт он раз под Рождество
И вдруг заснул так крепко,
Не мог проснуться он, пока
Через тринадцать долгих дней
Не вострепнулись птицы.
Он звался Олаф Эстесон,

*Который долго спал,
О нём тебе пою я.*
Не мог проснуться он, пока
Через тринадцать долгих дней
В горах сверкнуло солнце,
Тогда вскочил он на коня
И поскакал ко храму.

*Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.*
Служил священник в алтаре,
Когда подъехал Олаф
И в воротах церковных он
Свои виденья рассказал,
Что в долгих снах предстали.

*Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.*
И тот, кто стар, и тот, кто млад
Словам его внимали
Про этот долгий сон.
*Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.*

III.

Прилёг я раз под Рождество
И вдруг уснул так крепко,
Не мог проснуться я, пока
Через тринадцать долгих дней
Народ пошёл ко храму.
*Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...*
Я был взнесён под облака,
Я был на дне морском,
Но кто последует за мной,
Навек невесел станет.

*Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...*
Я был взнесён под облака,
Упал я в грязь болота,
Весь ужас ада я познал,
Познал и свет небесный.

*Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...*
И вглубь земли спускался я,
Где плещут Божьи реки,
И, хоть я видеть их не мог,
Но слышал страшный плеск.

Луна сияла,

И был мой путь далёк и долог...
Мой вороной в пути не ржал.
Не лаял там мой пёс,
Не пели птицы по утрам,
Всё было очень странно.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Я шёл в духовную страну
По полю из шипов,
Я изорвал свой красный плащ
И ногти на ногах.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Вступил я на Гьялларский мост,
На высоту ветров,
Окован он золотой бронёй
Из игл и из шипов.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Там бил меня духовный змей
И рвал духовный пёс,
Там бык поднялся на дыбы,
Три твари, яростны и злы
Загородили мост.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Кусает пёс и ранит змей,
Бодает мощный бык,
Не перейти тот мост тому,
Кто истину не чтит.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Прошёл я этот узкий мост,
Где голову кружит,
В трясинах заблудился я,
Но одолел и их.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
В бездонных топях я тонул,
Пробившись на мосту,
И вкус земли, как труп в гробу
Я ощущал во рту.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
И вот я к водам подошёл,
Сверкал там синий лёд,
Но умудрил меня Господь,
И я прошёл вперёд.

Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...

Так я вступил на млечный путь,
На правый путь я встал,
И тут увидел чудный свет:
Там рай вдали сиял.

*Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...*

Но Божья Мать в вышине
Велела мне тогда
Идти не медля в Броксвалин,
Где души ждут суда.

*Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...*

IV.

И долго, ночь за ночью
Блуждал я в иных мирах.
И знает только сам Господь,
Как много горя я видел...

*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*

Там юношу увидел я –
Он мальчика убил:
В трясине вечно он тонул,
А труп держал на руках.

*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*

Там старика увидел я –
Был лихоимцем он:
За это здесь он был одет
В одежды из свинца.

*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*

Мужчин я видел, что несли
По раскалённой глыбе:
Нечестно камень межевой
Они передвигали.

*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*

Детей я видел, что стоят
На углях раскалённых:
За зло родителям своим
Их души так страдали.

*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*

Ещё я видел страшный дом
И близко подходил:
Там ведьмы трудятся в крови,
Что портили они.

*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*

Злых духов дикая толпа
Там с севера скакала,
Князь ада впереди.
*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*
Скакали с севера все те,
Что были злее всех,
Скакал князь ада впереди
На вороном коне.
*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*
Но с юга двигались полки
В спокойствии священном,
Их вёл Архангел Михаил
За Господа Христа.
*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*
И души грешников в слезах
Дрожали, полны страха,
И по следам их злобных дел
Текла река из слёз.
*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*
Стоял в высотах Михаил
С весами для грехов:
Он души взвешивал у всех,
И, стоя рядом, их судил
Судья – Иисус Христос.
*В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.*

V.

О, как блажен, кто на земле
Дал обувь бедняку!
Не побредёт он босиком
По полю из шипов.
*Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.*
О, как блажен, кто на земле
Дал хлеба бедняку!
Когда придёт он на тот свет
Псы грызть его не станут.
*Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.*
О, как блажен, кто на земле
Дал бедняку зерна!
Гьялларский мост минует он,
Но бык его не тронет.

*Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.
О, как блажен, кто на земле
Дал платье бедняку!
Он не замёрзнет никогда
Во льдах на Броксвалине.
Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.*

VI.

И тот, кто стар, и тот, кто млад
Словам его внимали
Про этот долгий сон.
Проспал ты слишком долго...
Олаф Эстесон, восстань!

(Перевод: А. Демидов)

ВЫСТУПЛЕНИЕ Берлин, 7 января 1913г. **Введение к докладу для членов Общества.**

Время от Рождественской ночи до сегодняшнего дня действительно является очень важным, исполненным значения также и в оккультном отношении. Его называют временем тринадцати дней. Примечательно, что важность этого времени, этих тринадцати дней ощущали именно те души, чьи душевные задатки хранили в себе ещё нечто от древней связи человеческой души с духовным миром, связи, о которой мы часто говорили. Мы знаем, что по сравнению с современным городским жителем у простых людей сохранилось гораздо больше имевшей место в древности связи с духовным миром, у людей, живущих в деревне, или среди населения, ещё не очень заражённого нашей городской культурой. Там мы находим в народной поэзии то, что связано с переживаниями души, переживаниями души в период от Рождественской ночи до праздника Поклонения волхвов шестого января.

Это время следует за самым мрачным периодом года на Земле, непосредственно после зимнего солнцеворота, когда солнце начинает свой победный бег, сопровождающийся глубочайшим омовением, освобождением и избавлением природы. И душа человека тоже может иметь тогда совершенно особые переживания, если только она ещё сохранила особую связь с духовным миром. Те люди, которые уже не обладают больше древним ясновидением, но в душе

своей ещё связаны с духовным миром, ощущают эту разницу благодаря необычным снам, появляющимся в это время года. Душа может иметь значительные переживания, если она сохранила восприимчивость, поскольку именно тогда можно сильнее всего вживаться в духовный мир. Для вполне современного человека год в своём кругообороте таков, что этот человек не различает скрытых особенностей во временах года; ведь в то время как на улице метёт снег, темнеет в четыре часа вечера, а светает поздно, городской человек ощущает то же самое, что и в летние месяцы, когда солнце в полной силе. Такой человек вырван из древней связи с Космосом, которую он имел, когда его окружала природа. Но для тех, кто сохранил связь с природой, совсем не всё равно, происходит ли что-нибудь во время Рождества или в другое время, например, в середине лета. В середине лета душа сильнее всего эмансипируется от связей с духовным миром. Но в то время, когда природа сильнее всего отмирает, душа связана с духовным миром сильнее всего. Раньше она переживала в это время нечто особенное.

Существует прекрасная народная поэма на древненорвежском языке, поэма, которая была недавно обнаружена и благодаря своеобразному менталитету норвежцев вскоре снова стала популярной. Она повествует об одном человеке, который ещё имел связь с духовным миром, об Олафе Эстесоне. В этой поэме прекрасно изображены переживания Олафа Эстесона в период между Рождественской ночью и днём Поклонения волхвов.

Наконец-то под Новый 1912 год в Ганновере я попытался перевести эту народную поэму об Олафе Эстесоне на немецкий язык, так что мы можем понять её. Сегодня вечером должна прозвучать песня об Олафе Эстесоне, которая описывает его переживания в течение тринадцати ночей.

[следует рецитация Марии фон Сиверс]

Сама поэма древняя. Однако, как уже говорилось, она в последнее время как бы сама собой воскресла среди норвежцев и очень быстро распространилась. Факт её распространения наряду со многими другими господствующими в современности фактами доказывает, что здесь идёт речь о проникновении к пониманию тех тайн, которые могут быть постигнуты нами сегодня с помощью антропософии. Ведь то, что в какой-нибудь душе происходило нечто подобное описанному здесь, или, по крайней мере,

могло происходить сравнительно недавно – это не просто "поэма". Эта поэма – вовсе не фантазия, это реальность, действительность. Образ Олафа Эстесона указывает на тех людей Севера, которые ещё в Средние века, примерно в середине Средневековья имели возможность, я бы сказал, буквально переживать нечто такое, что описано здесь.

Когда наши норвежские друзья во время моего предпоследнего визита в Христианию дали мне эту поэму и хотели услышать моё мнение о ней – это было прежде всего интересным в духовнонаучном смысле фактом, который показывал, как продвинулись души. Но что привело к тому, что мы вообще захотели ввести эту поэму в нашу так называемую духовнонаучную программу, это то, что таким образом люди могут глубже вникать в детали. Действительно, благодаря антропософскому пониманию можно всё глубже и глубже вникать в содержание поэмы. Так, например, мне показалось очень значительным уже то, что Олаф – а это старинное норвежское имя – имеет сопутствующее имя, Эстесон, Эстесын. Чей же он сын? Эсты. Я попытался исследовать, что за мать была у этого сына. Конечно, можно по поводу значения слова "Эст" предполагать разные вещи, это вопрос спорный. Сегодня невозможно сообщить всё, что к этому вопросу относится. Однако если учесть всё, относящееся к данному вопросу, то Олаф Эстесон означает примерно следующее: это сын души, преходящей из поколения в поколение, души, связанной со струящейся от поколения к поколению кровью. Это имя возвращает нас к вопросу, который мы часто обсуждали в антропософском кругу; в древности древнее ясновидение было связано с кровным родством, с кровью, струящейся через поколения. Олаф Эстесон можно перевести примерно так: Олаф, рождённый многими поколениями, несущий в душе то, что было характерно для многих поколений.

Теперь рассмотрим сами переживания. Крайне интересно то, что Олаф Эстесон, заснувший в Рождественскую ночь и проспавший тринадцать дней подряд, находится в своеобразном психическом состоянии. Рассмотрим отдельные строфы; они по-простонародному весьма доступны и вызывают в душе некоторые переживания, напоминающие описание первых ступеней посвящения, где говорится о прохождении врат смерти. В поэме повсеместно указывается, что Олаф Эстесон приходит к вратам смерти. С особой очевидностью это следует из того, что он чувствует себя как труп, даже землю чувствует он на своих зубах. Если вспомнить, что при посвящении эфирное тело перерастает границы кожи, и человек становится всё больше и больше, вживаясь в дали

мирового пространства, то мы в этой поэме обратим внимание на то, как человек погружается вглубь, вживается в глубины земли и возносится вверх в облака. Олаф Эстесон совершает то же самое, что после смерти должен был проделать человек, например, в сфере Луны. В поэтической форме показано, как ярко сияет луна и как далека ведущая туда дорога. Затем описывается пропасть, которую необходимо перейти в том мире, которая находится между миром человеческим и миром, выводящим в космические дали. Небесный мост связывает то, что является человеческим, с тем, что является космическим. Теперь обратим внимание на тех существ, которые манифестируют себя посредством созвездий: бык, змей. Для того, кто смотрит на мир с духовной точки зрения, созвездия представляют собой лишь выражение того, что духовно существует в даях пространства. Затем как Броксвалин изображается мир Камалоки. Показано своего рода возмещение, которое совершается там людьми ради установления равновесия; возмещение того, что было упущено на земле. Нельзя, конечно, объяснить все подробности данной поэмы, да это и не нужно. Однако необходимо почувствовать, что поэма проистекает из настроения, тесно связанного с тем, какое именно у этого народа существовало гораздо дольше, чем у народов, живших в глубине континента, или тех, которые соприкоснулись с культурой больших городов. У норвежского народа, у которого даже в народном языке имеется много такого, что вплотную приближается к границе оккультных тайн, дольше сохранялась возможность быть душевно связанным с тем, что живёт и действует за внешними материальными явлениями.

Вспомните, как я сопоставлял времена года с рядом протекающих параллельно духовных фактов. Как весной, когда из Земли прорастают растения, когда всё оживает и дни становятся светлее, мы обнаруживаем своего рода засыпание элементарных и более высоких духов, связанных с Землёй. Весной, когда Земля внешне пробуждается, мы, рассматривая духовное, имеем дело со своего рода засыпанием Земли. Когда же внешняя природа снова отмирает, мы имеем дело с пробуждением духовной природы Земли. И если во время Рождества внешняя природа повсюду погружена в сон, то в то же самое время духовность Земли – элементарные, менее значительные существа, а также великие, могущественные существа, связанные с Землёй – находятся в состоянии наибольшей подвижности. При чисто внешнем рассмотрении дело выглядит так, что весной Земля пробуждается, а зимой засыпает. Однако при оккультном рассмотрении это выглядит наоборот. Дух Земли, который, впрочем, состоит из многих духов, бодрствует в зимнее время и спит летом. С Землёй дело обстоит подобно человеческому организму, в котором

органические и вегетативные процессы наиболее активны во время сна, когда действие сил распространяется вплоть до мозга, в то время как при бодрствовании чисто органическая деятельность притупляется. Когда Земля является наиболее активной, когда всё прорастает, когда Солнце к Иоаннову дню достигает своей высочайшей точки, тогда Дух Земли спит. И установление праздника бодрствования Духа, праздника Рождества именно в зимнее время произошло не без связи с этими оккультными истинами. Обычай, принесённый из древности, находится в полном соответствии с этими оккультными воззрениями.

Тот, кто не забывает о духах Земли, празднует, например, Иоаннов день летом. Хотя празднование Иоаннова дня летом – это всё же в своём роде материалистический праздник. Празднуют то, на что указывают внешние материальные явления. Однако тот, кто связан с Духом Земли, с тем, что духовно живёт в Земле, тот сильнее всего пробуждён внутренне во время Рождества, в течение тринадцати дней, тогда как по отношению к своему внешнему он, подобно Олафу Эстесону, спит. Это оккультный факт, который в сфере оккультизма играет точно такую же роль, какую для внешней материалистической науки играет, например, внешнее положение Солнца. Конечно, материалистическая наука довольствуется тем чисто внешним описанием высоты Солнца летом или зимой, которое предлагает астрономия. Она считает глупостью то, что является оккультным фактом, что положение духовного Солнца наиболее интенсивно в зимнее время, которое поэтому наиболее благоприятно для душевного углубления, для установления связи с Духом Земли и со всем духовным. Для того, кто ищет углубления своей души, можно было бы подчеркнуть, что наиболее интенсивные переживания могут быть достигнуты именно в тринадцать Рождественских дней, что тогда из глубины души всплывают остающиеся незамеченными переживания, хотя вообще современный человек эмансипирован от каких-либо внешних процессов и оккультные переживания могут у него возникать в любое время. Однако если принимать во внимание внешние влияния, то время между Рождеством и Новым годом является наиважнейшим.

Эти стихи самым естественным образом будут напоминать нам о том, как многое из описанного нами при обсуждении времени между смертью и ближайшим рождением ещё является само собой разумеющимся в некоторых областях Земли, где оно ещё является объектом непосредственного опыта.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Дорнах, 31 декабря 1914 г.,
Праздник, посвященный концу года

Празднование, посвященное окончанию года, мы начём с того, что фрау д-р Штайнер исполнит нам прекрасную норвежскую легенду об Олафе Эстесоне, о том Олафе Эстесоне, который во время Рождества заснул на тринадцать дней: те священные тринадцать дней, с которыми мы познакомились в ходе наших рассматриваний. Во время этого сна он имел важные переживания, о которых он сумел рассказать потом, когда проснулся.

Рассматривая различные темы, мы могли заметить, как древние сокровища познания благодаря духовно-научному мировоззрению вновь становятся достоянием человеческого познания, хотя и на ином уровне; те сокровища, которые в прежние времена люди рассматривали как принадлежность духовных миров. Всё снова и снова мы будем сталкиваться с этим древнейшим знанием о духовных мирах; следует помнить, что эти доисторические познания опирались на возможности человеческой организации того времени, благодаря которой человек был так связан с мировым целым и его проявлениями, что, если говорить на принятом у нас языке, человеческий микрокосм погружался в закономерности и проявления Макрокосма. При этом погружении в Макрокосм человек мог иметь переживания, касающиеся тех вещей, которые хотя и имели внутреннее отношение к его душевной жизни, однако должны были оставаться сокрытыми от него, покуда он как микрокосм странствовал на физическом плане и имел доступ только к тем переживаниям, которые предоставлялись ему его внешними органами чувств и связанным с ними рассудком.

Как мы знаем, только материалистическое мировоззрение может верить в то, что во всём миропорядке лишь человек наделён способностями познания, чувствования и воления; в то же время с позиции спиритуального мировоззрения следует признать, что как ниже, так и выше человеческой ступени имеются существа мышления, чувства и воления. Человек может вживаться в эти существа, будучи как микрокосм погружён в Макрокосм. Однако тогда нам следовало бы говорить об этом Макрокосме не только как о пространственном Макрокосме, но как о таком Макрокосме, в жизни которого имело бы значение и время в его течении. Как человек должен отстраниться от всех впечатлений, действующих на его чувства из внешнего мира, подобно тому, как он, замкнувшись от внешне-чувственных восприятий,

должен создать вокруг себя своего рода темноту для того, чтобы внутри себя возжечь свет духа, погрузиться в глубины своей души, так и тот дух, которого мы считаем Духом Земли, должен замкнуться от влияний всего остального Космоса. Влияния внешнего Космоса должны стать минимальными, для того чтобы Дух Земли смог внутренне сконцентрироваться, смог внутренне сосредоточить свои способности. Тогда открываются те тайны, которые человек сопереживает с этим Духом Земли, поскольку Земля как таковая изолируется от Космоса.

Во время летнего солнцеворота, во время Иоаннова дня влияния внешнего Космоса на Землю максимальны. Об этом нам напоминают дошедшие из древности сообщения, связанные с праздничными церемониями, праздниками, происходившими в середине лета, когда души, выделяя своё "Я" и погружаясь в жизнь Макрокосма, самозабвенно впитывали макрокосмические впечатления.

Совсем о другом напоминают нам легенды и иные сообщения, повествующие о том, что в древности переживалось в ту пору, когда влияния Макрокосма на Землю становились минимальными, и Дух Земли, концентрируясь, переживал тайны душевной жизни Земли в бесконечной Вселенной; если при этом человеку удавалось проникнуть в это переживание, приходящееся на то время, когда свет и тепло в наименьшей степени поступали на Землю из Макрокосма, то он мог сопережить наиболее священные тайны. Дни во время Рождества считались священными потому, что человек, организм которого ещё обладал способностью сопережить жизнь Земли в период её максимальной концентрации, мог сопребывать с Духом Земли.

Олаф Эстесон, сын Земли Олаф, в эти тринадцать наиболее коротких дней, удаляясь в Макрокосм, переживает некоторые вселенские тайны. Заново извлечённая на свет северная легенда повествует нам о переживаниях Олафа Эстесона начиная с Рождества и Нового года вплоть до шестого января. Это, мои дорогие друзья, даёт нам повод чаще вспоминать об этом виде переживания микрокосма в Макрокосме; именно на такие вещи и может опираться наше исследование. Однако прежде всего нам хотелось бы услышать легенду о сыне Земли Олафе, который в то же самое время года, что и сейчас у нас, переживал тайны мирового бытия благодаря тому, что он сопереживал совместно с Духом Земли. Итак, давайте послушаем, что это за переживание.

[следует рецитация]

Мы слышали, мои дорогие друзья, что приснилось Олафу Эстесону во сне, который должен был стать для него откровением тайны миров, недоступных чувственной жизни, обычной жизни на физическом плане. Легенда сохранила для нас сведения о тех древних познаниях, о тех древних прозрениях в духовные миры, которые могли бы возобновиться благодаря духовнонаучному мировоззрению.

Нередко приводится следующее высказывание, содержащееся во всех публикациях, касающихся вступления человеческой души в духовный мир; оно гласит, что человек может видеть духовный мир только в том случае, если он в своих переживаниях подошёл к вратам смерти и затем погрузился в элементы. Элементы земного бытия окружают его иначе, нежели в обычной жизни, где они окружают его как земля, вода, воздух и огонь; он возносится над этой внешней стороной, над этой чувственно-воспринимаемой видимостью элементов. Он погружается в то, чем являются эти элементы, будучи познаваемы в их истинной природе, именно в соответствии с их истинной природой, когда в них присутствуют существа, имеющие связь с переживаниями человеческой души.

То, что Олаф переживал погружение в элементы, можно почувствовать из того места, где говорится, как он вступил на Гьялларский мост, как, пройдя мост, он оказался на пути в духовный мир, и этот путь был далёк и долог. Весьма наглядно описывается погружение в элемент земли, описывается, как он погрузился в этот земной элемент. Это наглядно выявлено там, где говорится, как он, подобно мертвецам в гробах, ощутил во рту землю. Ясно показано, как он переживает водный элемент и всё то, что переживается в связи с водным элементом, если этот водный элемент человек сопереживает совместно со своим моральным содержанием. Затем показано, как человек встречается с элементом огня и с элементом воздуха.

Это удивительное, наглядное описание позволяет ознакомиться с переживанием сопребывания человека с тайнами духовного мира. Легенда была обнаружена позднее; это произошло там, где она ещё жила в устах народа. Многие в этой легенде сегодня выглядят не так, как это было первоначально. Вначале, конечно, шло наглядное описание

переживания в земной области, затем в водной области. Потом описывалось переживание в воздушной и огненной областях, причём гораздо подробнее, чем в этом слабом отзвуке, найденном спустя столетия, в том, как это выглядит для нас теперь.

Конец также, без сомнения, был более величественным и менее сентиментальным. В отличие от того, как он выглядит сегодня, он напоминал о первобытном, грандиозном языке, о чём-то сверхчеловеческом, охватываемом в таких народных легендах, в то время как конец в том виде, как он выглядит сегодня, хотя и захватывает, но захватывает лишь по-человечески. Он волнует нас, поскольку связан и с глубочайшими тайнами Макрокосмоса, и с человеческим переживанием.

Время, в которое мы сейчас живём, это время года, если мы правильно понимаем его, побуждает нас вспомнить тот факт, что человечество в древности – имея, впрочем, отличное от нынешнего, более смутное, сумеречное сознание – было проникнуто знанием, которое было утеряно и которое должно быть пробуждено вновь. И здесь перед нашей душой может возникнуть вопрос: поскольку сегодня нам уже известно, что для исцеления человечества это знание должно возвратиться, то не должны ли мы сделать всё для того, чтобы это знание могло быть вновь привлечено, чтобы оно могло пронизать современную культуру человечества, не должны ли мы считать это нашей главной задачей?

Многое будет необходимо для того, чтобы правильным образом мог наступить вышеозначенный перелом человеческого миропонимания и мироощущения. И прежде всего будет необходимо одно; я говорю одно, хотя это одно из многих; но человек всегда может взяться лишь за одно. Необходимо, чтобы в потоке нашего мировоззрения, на его почве человеческие души усвоили благоговение и почитание того, что как великие тайны бытия было по-своему осознано в древнейшие времена. Надо ощутить, сколь мало в материалистическое время развивается в душе это благоговение и почитание.

Надо ощутить, как сухо, как скучно это материалистическое время, насколько высокомерно относится рассудочное познание человечества в первые века пятого послеатлантического культурного периода к тем религиозным и научным преданиям древности, которые поистине позволяют

почувствовать, – если приблизиться к ним с должным благоговением, – сколь глубокая мудрость содержится в них. Как мало благоговения проявляем мы сегодня по отношению к Библии! Я даже не желаю говорить о той форме отвратительных современных исследований, которые треплют и мельчат Библию. Я хотел бы говорить только о том сухом рассудочном способе рассмотрения, с которым сегодня подступают к Библии, будучи вооружёнными лишь чувственным познанием и обыденными силами рассудка, о том, что мы уже не можем больше ощутить всего величия человеческих прозрений, которые в отдельных её местах выступают нам навстречу. Я бы хотел указать на одно место из второй книги Моисеевой, 33, 18:

"Моисей сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал [Господь Моисею]: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале;

когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду;

и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Моё не будет видимо [тебе]."

Если мы рассмотрим это место, принимая во внимание всё то, что за истекшие годы нашей духовнонаучной деятельности могло влиться в наши души и в наши сердца, то сможем почувствовать, сколь бесконечная мудрость говорит из этого места, и сколь туги на ухо стали люди материалистической эпохи, что даже не могут услышать бесконечно глубокую мудрость, гласящую из этого места. Я бы хотел в связи с этим познакомить вас с одной книжечкой, появившейся под названием: "Слова Моисея" в издательстве Брунс в Миндене, Вестфалия, причём именно потому, что в этой книжечке кое-

что из Пятикнижия Моисеева переведено лучше, чем в других изданиях. Издатель книги "Слова Моисея", доктор Гуго Бергман потратил немало усилий для этой интерпретации.

Мы неоднократно подчёркивали, что человек, желающий окунуться в духовный мир, должен усвоить совершенно иной род собственного отношения к миру, отличный от отношения к чувственному миру. Чувственный мир человек имеет вокруг себя. Он глядит на этот чувственный мир, он видит его в красках и формах, слышит его звуки. Чувственный мир находится здесь; мы противостояим ему; он воздействует на нас; мы контактируем с ним благодаря восприятию, мы размышляем о нём. Таково наше отношение к чувственному миру. Мы пассивны; он сам вработывается в нашу душу. Мы размышляем о чувственном мире, мы создаём представление о нём.

Наше отношение становится совершенно иным, если мы вживаемся в духовный мир. Человек, вступающий в духовный мир, испытывает трудности при составлении правильного представления о том, что он переживает. Некоторые из этих трудностей я попытался характеризовать в работе "Порог духовного мира". Мы представляем чувственный мир, мы думаем о чувственном мире. Если мы предпринимаем всё то, что должен предпринять желающий идти путём инициации, наступает нечто такое, что может быть охарактеризовано следующим образом: как окружающие нас вещи относятся к нам, так относимся мы сами к существам высших Иерархий: они представляют нас, они мыслят нас. Мы мыслим о предметах, находящихся вне нас, о минералах, растениях, животных: они становятся нашими мыслями. Мы, в свою очередь, являемся представлениями, мыслями и восприятиями духов высших Иерархий. Мы становимся мыслями Ангелов, Архангелов, Архаев и т. д. Мы воспринимаем себя ими, как сами мы воспринимаем растения, животных и людей. И мы чувствуем себя в безопасности, когда можем сказать себе: нас мыслят существа высших Иерархий, они представляют нас. Эти существа высших Иерархий охватывают нас своей душой. Да, мы могли бы представить себе, что когда этот Олаф Эстесон засыпает перед церковными воротами, он становится представлением духов высших Иерархий, и в то время, когда он спал, существа высших Иерархий переживали то, что переживают существа Духа Земли, являющегося для нас как множественность. Когда же Олаф Эстесон снова просыпается в физическом мире, он вспоминает всё то, что пережили в нём духи высших Иерархий.

Только представьте себе: мы вступаем на путь посвящения! Как сможем мы повести себя по отношению к духовному миру, в который, как в совокупность духовных существ, мы хотели бы вступить? Как мы можем вести себя по отношению к ним? – Мы можем вступить в общение с ними, мы можем сказать им: как нам достичь вас, как вы открываете себя нам? И если нам стал понятен тот, иной вид отношения человеческой души к духовному миру, то из духовного мира мы можем получить своего рода отклик: так, как ты воспринимаешь чувственный мир, который появляется перед твоим взором, выступает перед твоими чувствами, так воспринимать духовный мир ты не можешь. Мы должны представлять тебя, а ты должен почувствовать себя в нас. Ты должен ощутить себя так, как ощутила бы себя та мысль, которую ты мыслишь в чувственном мире, как если бы она могла пережить себя в тебе. Ты должен отдать себя духовному миру, и тогда в тебя будет вступать всё то, что могут открыть тебе существа высших Иерархий. Тогда это будет вливаться в твою душу, и, исполненное милости, жить в твоей душе подобно тому, как ты живешь в твоих мыслях, когда ты думаешь о чувственном мире. Если духовный мир захочет помиловать тебя, то он пронизет тебя своей любовью! Если он пожелает сжалиться над тобой и пронизать тебя своей любовью.

Ибо тебе не следует полагать, что ты сможешь противопоставить себе духовных существ так же, как чувственный мир. Как Моисей должен был идти в расселину, так должен и ты в расселине приобщить себя духовному миру. Ты должен поставить себя там. Как мысль живёт в тебе, так должен ты вживить себя в духовных существ. Ты должен сам как мировая мысль жить внутри Макрокосма. Переживая естественным образом, ты не можешь испытать этого в течение твоей жизни между рождением и смертью; ты сможешь это лишь после смерти, когда умрёшь. Никто не может пережить духовный мир так, пока не умер, но духовный мир может пройти мимо тебя, милуя тебя, пронизывая тебя своей любовью. И затем, если ты после или во время своего нахождения в этом духовном мире подключишь своё земное сознание, тогда в твоё земное сознание проникнет сияние того, чем является духовный мир.

Как предмет находится вовне и человек противостоит предмету, как предмет вступает в его сознание и затем находится внутри, так человек со своей душой находится в расселине духовного мира (рис.).

Духовный мир проникает сквозь него. Здесь человек находится перед вещами. Если же человек входит в духовный мир, то существа высших Иерархий находятся позади него. Здесь он не может увидеть их лица, так же как мысли не могут увидеть нашего лица, если они находятся в нас. Лицо находится впереди; мысли находятся позади, они не могут видеть лица. Вся тайна посвящения кроется в словах, которые говорит Моисею Яхве.

"Моисей сказал: Покажи мне славу Твою. [досл.: Моисей сказал Богу: покажи мне образ Твоего откровения.]

И сказал Господь: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою; и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею, [досл.: На это Иегова говорит: Я хочу позволить всему Моему благу пройти мимо твоего лица, и Я хочу провозгласить имя Иеговы пред тобою, и хочу быть милостивым с тем, кого Мне можно помиловать, и хочу пожалеть того, кого Мне можно пожалеть.]

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых, [досл.: Затем опять говорит Иегова: ты не можешь увидеть Моего лица, ибо ни один человек не может увидеть Меня и остаться в живых.]"

К вратам смерти подходят именно через посвящение.

"И сказал Господь: вот место у Меня: стань на этой скале;

Когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду.

И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо, [досл.: И сказал Яхве:Здесь место у Меня, стань на скалу, и когда Моё величие пойдёт мимо Я хочу поставить тебя в расселину скалы и положить поверх тебя

Мою руку, пока Я не пройду. Когда же Я сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, но Моего лица нельзя будет увидеть.]

Это и есть форма, противоположная той, в которой человек воспринимает чувственный мир. Надо было бы задействовать многое из усвоенного нами за годы духовнонаучной деятельности для того, чтобы правильным образом, в благоговении и с почитанием предстать перед таким откровением. Но тогда это чувство благоговения по отношению к таким откровениям будет постепенно всё больше и больше охватывать человеческую душу; благоговение, почитание – это и есть то, в чём мы, помимо всего прочего, нуждаемся для того, чтобы в духовной культуре человечества смог осуществиться вышеозначенный перелом.

Время, когда макрокосмические влияния на Землю минимальны, время Рождества, Нового года, примерно до шестого января благоприятно для того, чтобы вспоминать не только о предметах духопознания, но и об ощущениях, которые мы должны развивать в себе благодаря усвоению духовной науки. Поистине мы снова вживаемся в Дух Земли, вместе с которым мы образуем единое целое, и благодаря Которому жило древнее ясновидческое познание, как это отражено в легенде об Олафе Эстесоне. Человечество материалистической эпохи разучилось относиться к духовной жизни с благоговением и почитанием. Необходимо прежде всего позаботиться о том, чтобы это благоговение и это почитание вернулись снова, потому что только так мы сможем развить настроение, которое обеспечит нам правильный подход к новому духоведению. Пока это настроение всё ещё таково, что к духоведению подходят как и к другой, обычной науке. Однако в этом отношении должно произойти существенное изменение.

Из-за того, что человечество потеряло прозрение в духовный мир, оказалось утерянным правильное отношение человека к человеческой сущности в целом, к человечеству. Материалистическое мировоззрение породило хаотические ощущения по отношению к мировому бытию. Эти хаотические ощущения мирового и человеческого бытия должны были вторгнуться в эпоху материализма. Ведь в такую эпоху – а это наша эпоха; это первые столетия пятого послеатлантического культурного периода – не имеют больше никакого понятия о том, что человеческое существо является троичным, что это телесное, душевное и духовное существо. Это поистине так. То, что для нас должно было бы принадлежать к первейшим элементам духовнонаучного познания, троичность человека

как тела, души и духа, об этом в первые четыре столетия пятого послеатлантического культурного периода вплоть до нашего времени отсутствовало какое-либо понятие. Человек, мол, и есть человек, а всякие речи о членении человека на тело, душу и дух, как это имеет место у нас, расценивались как глупая, фантастическая болтовня.

Можно было бы подумать, что эти вещи имеют значение только для познания. Но это не так. Они имеют значение не только для познания, они имеют определяющее значение для положения человека в жизни в целом. В третьем столетии эволюции нового времени, или, используя нашу терминологию, в эволюции пятого послеатлантического культурного периода вошли в употребление три могущественных слова, с помощью которых это время понимало или, по крайней мере, пыталось понять суть человеческого воления в земном бытии. Три слова, которые, несмотря на их значительность, обладали той особенностью, что человечество стало употреблять их в то время, когда о трёхчленности человеческой природы ещё никто не знал. Человечество услышало о свободе, равенстве и братстве.

Было крайне необходимо, чтобы эти слова зазвучали на определённом этапе культуры нового времени. Действительно понять эти слова можно только в том случае, если понимают троичное членение человеческой природы. Только тогда узнают о том, какое значение эти слова в их истинном смысле могли иметь по отношению к человеческой природе. Пока эти слова осуществляют с теми хаотическими ощущениями, которые исходят из идеи, что человек есть человек, а троичность человека – это глупая иллюзия, до тех пор человек не сможет ориентироваться во внутреннем аспекте основной направленности этих трёх слов. Сталкиваясь с этими словами, мы не можем непосредственно применять их по отношению к человеческим переживаниям одного и того же уровня. Это невозможно. Простой довод, который из-за своей простоты может показаться вам менее весомым, чем это было бы при рассмотрении душевным взором, может пояснить вам, как в одной и той же плоскости жизни то, что заключено в этих трёх словах, может привести к серьёзному жизненному конфликту.

Давайте возьмём ту область, где братство выступает для нас самым естественным на свете образом. Возьмём человеческие кровнородственные отношения, семью, где нам нет необходимости насаждать братство, где люди имеют его естественным образом от рождения, подумаем, какие ощущения возникают у нас, если мы видим, как в какой-нибудь

семье царят настоящие, поистине братские отношения, где все относятся друг к другу по-братски. А теперь, ни в коем случае не омрачая того чудесного чувства, которое вызвало у нас это братство, давайте посмотрим, что может возникнуть в семье именно из-за этих братских отношений. Один из членов семьи может чувствовать себя неудовлетворённым именно вследствие этих правомерных братских отношений внутри семьи, стремится вырваться из братства семьи, так как он чувствует, что для свободного развития души он должен оставить семью, где можно жить по-братски. Мы видим: свобода, свободное развитие душевной жизни может вступить в конфликт с наилучшим из всех возможных: братством.

Конечно, поверхностный человек может сказать, что это было неправильное братство, оно не смогло ужиться со свободой одной души внутри братства. Но ведь сказать можно всё, что придёт в голову. Без сомнения, могут сказать и то, что все друг с другом уживаются. Недавно мне в руки попала одна диссертация. Среди защищаемых там тезисов был и такой: треугольник является четырёхугольником. Конечно, можно защищать и такое, можно было бы даже строго доказать, что треугольник есть четырёхугольник! Также можно было бы провести полное доказательство того, что братство и свобода совместимы. Но речь не об этом, речь о том, как кто-то ради свободы должен будет покинуть сферу братства и тоже будет покинут. Можно было бы привести и другие примеры.

Если бы кто-нибудь захотел перечислить дисгармонические отношения между братством и равенством, ему пришлось бы очень долго говорить об этом. Само собой разумеется, кто-нибудь снова мог бы в абстрактной форме представить себе: все могут быть равны, и можно показать, что братство и равенство совместимы. Но здесь речь идёт не об абстракциях, а о том, что наблюдается в действительности, если мы относимся к жизни серьёзно и честно. В тот момент, когда мы узнаём, что человеческое существо состоит из телесного, которое изживается на физическом плане, из душевного, которое изживается в душевном мире, и из духовного, которое изживается в духовном мире, в этот момент перед нами раскрывается истинная перспектива, раскрывающая связь трёх могущественных слов, приведённых нами. Братство является важнейшим идеалом для физического мира. Свобода – для душевного мира, и, насколько человек находится внутри душевного мира, следует говорить о свободе души, то есть о таком социальном состоянии, которое полностью гарантирует свободу души. Теперь подумайте, как, начиная от индивидуальной для каждого из нас исходной точки, каждый из нас должен стремиться к духопознанию, к развитию нашего

духа, чтобы с этим духом пребывать в стране духов. Тогда перед вашими духовными очами весьма скоро обнаружится, куда завело бы нас наше представление о духе, если бы каждый стал искать лишь на своём собственном пути, если бы каждый обретал совершенно отличное от других духовное содержимое.

Мы вообще как люди лишь тогда можем находить общий язык в жизни, если мы, каждый сам для себя, ведём духовные поиски и, в конечном счете, приходим к равному духовному содержанию. Можно говорить о равенстве в духовной жизни. О братстве – на физическом плане и в отношении со всем, что связано с законами физического плана и изживается в человеческой душе, исходя из физического плана. Свобода – в отношении всего, что как законы душевного мира изживается в человеческой душе; равенство – в отношении всего, что изживается в человеческой душе в соответствии с законами страны духов.

Вы видите, должен наступить мировой Новый год, когда будет возрастать согревающая, сияющая сила Солнца: того Солнца, которое должно дать сияющее тепло всему, что жило в тёмное время, но не было понято. Особенность нашего времени состоит в том, что некоторые устремления, некоторые высказывания остаются непонятыми.

Но и это может привести нас к благоговению и почтению по отношению к духовному миру. Представьте себе, как многие в третьем столетии пятого послеатлантического периода высказывали эти слова, братство, свобода и равенство, и стремились к их реализации, в сущности их не понимая, тогда как мы уже имеем возможность понять и найти ответ на вопрос, откуда эти слова появились. Божественно-духовный миропорядок заранее внушил их ещё неспособной их понять человеческой душе для того, чтобы такими руководящими словами подвигнуть её к истинному миропониманию. Даже в таких фактах мы можем усмотреть в мировой эволюции исполненное мудрости водительство. В более или в менее удалённые от нас времена мы можем обнаруживать такое водительство; обнаруживать, как нередко мы лишь задним числом признаём, что сделанное нами прежде было проникнуто мудростью большей, чем мы могли тогда располагать. На это я обращал внимание в начале книги "Духовное водительство человека и человечества".

Если вы примите тот факт, что в мировую эволюцию, в эволюцию человека вошли в качестве направляющих слова, которые могли быть поняты только постепенно, тогда вам будет импонировать и некий образ, с помощью которого можно было бы охарактеризовать истекший период пятой послеатлантической культурной эпохи. Действительно, этот период можно было бы сравнить с Адвентом, когда долгота дня становится всё короче и короче. И вот в наше время, когда мы снова можем узнать об откровениях духовного мира, эволюция вступает в фазу, где светлое время, как нам представляется, становится всё длиннее и длиннее. Мы можем говорить о том, что этот период времени представляется нам аналогичным тем самым тринадцати дням, аналогичным возобновлению жизни во вновь возрастающих днях.

Но дело обстоит ещё глубже. Было бы неверно, целиком и полностью неправильно только ругать материалистическую эпоху, последние четыре столетия. Это было время великих открытий и изобретений, которые в материалистическую эпоху были названы именно "великими", время кругосветных путешествий, открытия ранее неизвестных стран, начала колонизации Земли. Это было начало материальной культуры. Постепенно подступало время, когда человек оказывался почти задушенным в этой материальной культуре. Наступало время, когда все духовные силы человека использовались для постижения и овладения материальной жизнью. Как мы видели, всё больше и больше приходило в забвение то, что ещё сохранялось из древнего познания как созерцание, прозрение в духовный мир.

Но было бы неправильно только ругать материалистическую эпоху. Гораздо правильнее было бы другое; правильным было бы считать, что человеческая душа в своей бодрствующей части думает, мыслит материалистически, она основывает материалистическую науку и культуру, однако эта человеческая душа является целостной. Можно сказать: одна часть человеческой души основывает материалистическую культуру. Прежде эта часть была бездеятельной, люди ничего не знали о внешней науке, ничего не знали о внешней материальной жизни; тогда больше бодрствовала спиритуальная часть. (Это изображено на рисунке). В течение последних четырёх столетий бодрствовала именно та часть, которая основывала материалистическую культуру; но другая часть спала, она спала, эта другая часть человеческой души. Действительно, предрасположение к тому, что мы сейчас усиленно развиваем в человечестве, чтобы снова возвыситься до спиритуальности, заложено в эпоху материалистической культуры в тех членах души, которые спали внизу.

"Человечество" по отношению к духовознанию действительно было в это время Олафом Эстесоном. Действительно было. Только оно ещё не проснулось, это человечество! Духовная наука должна разбудить его.

Должно прийти время, когда и юные, и старые люди услышат слова, которые прозвучат из той части человеческой души, которая спала в тёмное время. Эта человеческая душа спала слишком долго, но мировые духи подступят к этой человеческой душе и воззовут к ней: о, Олаф Эстесон, проснись! – Но только мы должны как следует подготовиться, чтобы когда раздастся призыв: Олаф Эстесон, проснись! – мы не оказались без ушей, чтобы слышать. Для того-то мы и занимаемся духовной наукой, чтобы иметь уши, когда в эволюции человечества зазвучит призыв к спиритуальному бодрствованию.

Это хорошо, если человек иногда вспоминает, что он микрокосм, и что он сможет кое-что пережить, если поднимется в Макрокосм. Мы видели, что время, то время года, в которое мы живём сейчас, благоприятно. Так попытаемся сделать эту новогоднюю ночь символом той необходимой для земной эволюции человечества Новогодней ночи, в которую наступит новая эпоха, в которую пробудится и будет всё более пробуждаться свет, душевный свет, созерцание, познание того, что живёт в спиритуальном, что из спиритуального может волнами втекать в человеческую душу и пронизывать её. Так давайте свяжем в эту новогоднюю ночь микрокосм наших переживаний с Макрокосмом надземных переживаний человечества; тогда мы сможем пережить то, что мы должны ощущать и переживать, тогда мы будем предчувствовать начало нового великого мирового дня пятого послееатлантического периода, дня, в начале которого мы находимся. Это время полуночи мы хотим пережить с достоинством.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

перед прочтением "Сновидческой песни Олафа Эстесона"

Темой доклада будет одна замечательная народная песня. Речь идёт о молодом Олафе Эстесоне, персонаже норвежской народной легенды. В чисто народной поэтической форме повествуется о видении этого Олафа Эстесона. В народе считали, что это видение явилось ему во время долгого сна в течение тринадцати дней и ночей, тринадцати ночей и дней, находящихся между Рождественской ночью и Днём трёх королей шестого января. Эти тринадцать дней играют роль во

многих народных преданиях. Желая понять то, что выражалось в таких преданиях, надо представить себе, как в ещё относительно недалёкое время народ, проживающий в деревне в горной местности, обладал внутренним сопереживанием процесса, протекающего в природе. Переживания были иными в зависимости оттого, прорастали ли растения из земли весной, или, обнажённые, склонялись к земле осенью; светило ли жаркое солнце на небе во время Иоаннова дня, или снеговые тучи скрывали все солнечные лучи в декабре. Летом душа жила вместе с природой; зимой она втягивалась обратно, в себя, жила в себе. Это втягивание души в себя становилось наиболее внутренним в период Рождества, когда ночи были самые длинные. Душа тогда удалялась от внешнего мира, подобно тому, как при засыпании глаза перестают видеть, а уши больше не слышат. Наступала заторможенная задумчивость души, остающейся наедине с самой собой, что при особой предрасположенности человека приводило к видению. Тогда некоторые души особенно наглядно переживали своё погружение в духовный мир. Перед ними выступало всё, что они чувствовали как вину и греховность, жизненную надежду и душевную озабоченность. И как сновидения принимают особенную форму, если они приходят ранним утром и первые лучи солнца падают на спящее лицо сновидца, так заторможенное раздумье и видения души принимают особенную форму, когда с Рождества солнце начинает вставать раньше, когда чувствуется приближение нового утра природы. Кому когда-либо приходилось жить среди крестьян или горцев, тот знаком с имеющимися здесь в виду сновидческими переживаниями, которые вводят народную душу в иные миры. Во всяком случае, в современности таких переживаний встречается не так уж много. Они действительно исчезают, если в ландшафт вторгаются локомотивы и фабричные трубы. Во многих местностях дело обстоит так, что даже предания об этом древнем мире сновидений пришли в забвение. В местностях, которые ещё не слишком поглощены новейшей индустриально-транспортной культурой, например, в некоторых областях Норвегии ещё сохранилась прекрасная частица этого мира сказаний, как наша песня об Олафе Эстесоне. Она имеет древнее происхождение, но недавно она вновь ожила среди норвежского народа, и распространяется так быстро, что сегодня после долгого забвения её знают многие люди.

Она рассказывает о долгом сновидении, приснившемся Олафу Эстесону, в котором он переживает судьбу души после смерти. В основе его лежит представление о том, что душа после смерти странствует в звёздных мирах, что она, например, приходит в регионы, находящиеся вблизи созвездия

Тельца, Змеи, Пса, а также проходит в духовной близости с Луной. В эти миры душа проникает, перейдя через Гьялларский мост, который соединяет земной мир с духовным миром. Во многих народных сказаниях в виде этого моста представляют радугу. Часть этого духовного мира составляет Броксвалин, где взвешиваются жизненные деяния души и за них назначается воздаяние. Сама форма, в которой песня отображает переживание, указывает на время, в которое она возникла в народной поэзии. Представления о жизни после смерти ещё не вполне христианские; частично они остались такими, какими были сформированы в древние языческие времена. И всё же время, в которое Олаф переживал своё видение, уже было христианским. На это указывает не только то, что о своём видении он рассказывает у церковных ворот, но также и то, что вместе с языческими представлениями о Гьялларском мосте и Броксвалине присутствуют христианские представления о Михаиле и о Христе. Так приход Христа с юга может символизировать непосредственное проникновение христианства в Норвегию с юга. Возраст этой народной поэмы составляет восемь или девять веков, так давно проникло христианство в Норвегию.

Рассказом об этой народной поэме нам хотелось обратить ваш духовный взор к жизни народной души, которая созданием таких легенд, как легенда об Олафе Эстесоне, показывает, что она осознавала свою связь с духовным миром, что она благодаря этой связи внутренне переживала образы, дающие ей уверенность в бытии духовного мира. И если бы кто-нибудь подошёл к Олафу Эстесону и сказал: естественная наука доказала, что так не бывает, – то Олаф Эстесон посмотрел бы на него с сочувствием и с участливой улыбкой произнёс: бывает больше на земле и в небе, чем можешь ты себе вообразить со своею школьной мудростью.

ОБРАЩЕНИЕ к русским слушателям цикла докладов " Духовные сущности в небесных телах и царствах природы"
Гельсингфорс, 11 апреля 1912 г.

Мы постепенно пытаемся вникать в антропософскую жизнь и антропософские познания, и в процессе этого вникания, по-видимому, часто в нашем сердце возникает потребность спросить: почему в духовной жизни современности мы желаем и ищем антропософии? – Когда всплывает такой вопрос, без каких-то особых усилий со стороны нашего существа, нашего сердца в нашей душе возникает проясняющее – и для нашего чувства даже больше, чем проясняющее – слово *ответственность*. *Ответственность!* Это слово должно нам дать

нечто, что с самого начала исключит из нашей души, из нашего сердца стремление заниматься духовной наукой лишь для удовлетворения личного томления, личной потребности. Если мы проследим, что охватывает нас – даже если мы и не осознаем это достаточно отчетливо – при слове *ответственность* по отношению к той духовной жизни, которую мы обозначаем как антропософскую, то мы все больше и больше будем приходить к тому, что заниматься духовной наукой нас призывает чувство долга перед современным человечеством и перед тем лучшим в нас самих, что может служить этому современному человечеству. Мы не вправе заниматься антропософией только для нашего удовольствия, только для удовлетворения того или иного нашего личного томления, но мы должны чувствовать, что антропософия есть нечто, в чем нуждается современное человечество, если вообще процесс его развития должен следовать вперед. Нам достаточно лишь принять в соображение, что без антропософии – как бы ее ни называли, – без этой спиритуальной жизни, о которой у нас идет речь, человечество на Земле должно было бы ожидать безотрадное будущее, поистине безотрадное будущее. Причина проста: все духовные импульсы прошлого, все, что могло быть из прошедшего дано людям в этих духовных импульсах, исчерпано, постепенно изживается и не в состоянии дать новых всходов в развитии человечества. Если бы продолжали действовать только старые импульсы, нас неизбежно ждало бы – сегодня еще, может быть, и не чаемое – не просто подавляющее людей (подавляющее своим внешним проявлением), но оглушающее и переходящее все границы преобладание, доминирование исключительно внешней техники, а также гибель всего религиозного, научного, философского, художественного и в высшем смысле этического интереса, поскольку они уходят из человеческой души. Люди стали бы своего рода живыми автоматами, если бы не появились новые духовные импульсы. Так должны мы ощущать себя, когда думаем о духовном знании – теми, кого карма подвела к определенному осознанию того, что человечество нуждается в новых импульсах.

Здесь мы вправе задать себе вопрос: что можем мы сделать каждый в отдельности, сообразно нашим особым качествам, нашим особым свойствам, по отношению к этому общему чувству ответственности? – Для ответа на этот вопрос чувства и сердца поучителен – и для вас, мои дорогие друзья, быть может, как раз особенно – сам характер появления в мире в последнее время антропософии и то, как она развивалась в течение последних веков вплоть до наших дней. Мы никогда не должны забывать, что в самом характере появления в мире в наше новое время слова "антропософия" лежит своего рода

духовное чудо культуры. Это духовное чудо культуры связано с лицом, которое, мои дорогие друзья, близко вам как человек, потому что в определенном смысле оно приняло свои духовные корни из вашей народности. Я имею в виду Елену Петровну Блаватскую. И для западного европейца во всех отношениях неопровержимо, что тело, в котором обитала индивидуальность, носившая в этой инкарнации имя Елены Петровны Блаватской, могло возникнуть только из среды Восточной Европы, в России; потому что она обладала всеми русскими свойствами. Но Елена Петровна Блаватская была отнята от вас, отнята по обстоятельствам совсем особого характера; в силу особых кармических соотношений современности она была уведена на Запад. Остановимся несколько на этом примечательном явлении культуры.

Рассмотрим личность Елены Петровны Блаватской. Она была человеком, который, в сущности, в течение всей своей жизни во многих, многих отношениях остался ребенком, настоящим ребенком; человеком, который за всю свою жизнь не научился действительно логически мыслить; человеком, не научившимся за всю свою жизнь хотя бы мало-мальски обуздывать свои страсти, влечения и вожеления, в любой момент могущий впасть в крайность; человеком, который, в сущности, обладал очень незначительным научным образованием. И через это лицо миру открывается – хотелось бы сказать: как это и не могло быть иначе, – через медиум такого лица хаотически, вперемешку, пестро открывается совокупность величайшей извечной мудрости человечества. Сведущий в этой области находит в трудах Елены Петровны Блаватской такие сокровища мудрости, истины и познаний человечества, о которых ни интеллект, ни сама душа Елены Петровны Блаватской вовсе не имели никакого, даже отдаленного понятия.

Когда непредвзято вникаешь во все относящиеся сюда факты, становится совершенно ясно, что для всего содержания трудов Елены Петровны Блаватской внешнее проявление ее собственной души, ее собственного интеллекта являлись лишь окольным путем, лишь средством, при помощи которых человечеству смогли открыться значительные, мощные спиритуальные силы. И разве не ясно, что ни на кого в Западной Европе тот род и способ, как этому надлежало свершиться тогда, в начале последней трети 19 столетия, не произвел бы такого впечатления. Чтобы предоставить свершиться по воле высших духовных сил тому, что свершилось, для этого была необходима совсем особенная, с одной стороны бескорыстная, почти безличная, с другой же, наоборот, слишком личная, эгоистическая натура Елены

Петровны Блаватской; бескорыстная натура по той причине, что душевный строй всякого западного европейца ввел бы то, что было явлено как откровение, в собственные формы мышления, в собственный интеллект; и, с другой стороны, был необходим личный, эгоистический склад характера, потому что грубо-материальный жизненный уклад Западной Европы того времени не оставлял иной возможности, кроме как создать для нежных рук, которым надлежало лелеять оккультизм нового времени и заботиться о нем, железные, я бы сказал, рукавицы такого радикального душевного строя. Это очень примечательное явление. Но Елена Петровна Блаватская, мои дорогие друзья, ушла на Запад, ушла в те места культуры, которые по всему их характеру, по всей их структуре и конфигурации являются самым материалистическим из всех – не считая Америки – регионом культуры нашей современности, тем культурным регионом, который в своем языке, в своем мышлении идет по абсолютно материалистическому пути и живет в материалистических чувствах. Углубление вопроса, какая сила увела Елену Петровну Блаватскую именно в Англию, завело бы слишком далеко. Но мы видим, что совокупность оккультных знаний, которая изживается культурно-чудесным образом через медиум (я говорю это не в спиритическом смысле) – что эта сумма оккультных знаний сначала устремляется на европейский Запад.

На этом европейском Западе судьба этого оккультизма в определенном отношении была решена; потому что это и не могло быть иначе: с основанием на этом материалистическом европейском Западе теософского движения исполнялась значительная карма. И эта карма исполнилась. Этот европейский Запад несет на себе сильную кармическую вину; он не может проникнуть к тайнам бытия без того, чтобы эта вина дала о себе знать. Где дело так или иначе касается оккультизма, там сразу же углубляется карма, сразу же всплывают на поверхность силы, которые в иных обстоятельствах остаются скрытыми. И то, что должно быть сказано, будет сказано не для того, чтобы что-то критиковать, а чтобы характеризовать. Исполняя то, что в историческом смысле являлось необходимостью, европейский Запад совершил бесчисленные несправедливости по отношению к носителю древней спиритуальной культуры, носителю древних оккультных тайн, спиритуальная жизнь которого для современности хотя и застыла, хотя и не существует больше, но все еще жива в глубине души. – Потому что так в действительности обстоит дело с Индией, с южной Азией. В тот момент, когда оккультные импульсы достигли запада Европы, сразу же дала о себе знать реакция противоборствующих, деятельных в глубинах индийства спиритуальных сил, и стало невозможно – невозможно стало

уже во времена Елены Петровны Блаватской - стало невозможно удержать то, что действительно являлось намерением определенных духовных властей, дать нашей современности необходимое ей спиритуальное движение; удержать это стало невозможно. Намерением же было дать человечеству совокупность оккультных знаний, которые могли бы быть приняты всеми людьми, приняты всем сердцем; знаний, которые каждому, каждому могли бы стать доступны. Но так как силой определенной необходимости этот импульс был переведен на запад Европы, то в результате проявилась эгоистическая реакция, выразившаяся в отстранении тех спиритуальных сил, которые хотели дать миру новый импульс без какой-либо дифференциации человечества; и подавленная некогда в своем оккультизме Индия кармически отмстилась тем, что при первом же выступлении оккультизма на Западе она пропитала этот оккультизм своим собственным национальным эгоистическим оккультизмом. И это произошло уже во времена самой Елены Петровны Блаватской; это совершилось уже в то время, когда она работала над великими истинами и сокровищами мудрости своей "Тайной доктрины". Ее первый труд, "Разоблаченная Изиды", показывает еще только ее исполненное хаотизма, нелогичности, страстности и путаницы существо, но он повсюду показывает также, что за ней стоят бодрствующие силы, стремящиеся направить ее в сторону общечеловеческого. Уже в "Тайной доктрине", наряду с бесспорно великим, повсюду вершит узко человеческий интерес, такой интерес, который исходит из определенных оккультных центров, имеющих в наше время не общечеловеческие интересы, а лишь специальный частный интерес. Тибетское, индийское, а также и египетское посвящение в наши дни повсюду имеют в виду лишь специально-частный интерес, хотят лишь отмстить западному миру за подавленный восточный оккультизм, хотят отмстить тот факт, что западный мир победил мир восточный материалистическими факторами. Он победил Восток материалистическими факторами; но победил постольку, поскольку в собственную поступательную культуру развития человечества, в прогрессирующую жизнь человеческого развития было принято христианство. Христианство не пошло на восток Азии, не пошло и на юг Азии; оно направилось на Запад.

Теперь, мои дорогие друзья, вы, может быть, скажете: ну, хорошо, христианство было принято Западом, а так как христианство есть дальнейший этап в продвижении человечества, то отсюда само собой разумеется, что Запад одержал победу над Востоком. - Если бы это было так! Все было бы само собой разумеющимся, если бы это было так. Но это не так. Христианство, мои дорогие друзья, которое пришло

в мир и распространяется в нем в течение веков и через тысячелетия, оно еще нигде не победило на Земле. И тот, кто думал бы в наши дни, что уже в настоящее время он мог бы быть в подлинном, истинном смысле представителем Христова начала и Христова импульса, тот пал бы жертвой неопишуемой гордыни. Ибо что же вообще произошло до сих пор? Не что иное, как то, что западные народы приняли определенные, самые поверхностные внешние проявления христианства, завладели Христовым именем и облачили христианскими именами свои старые, еще до христианства осевшие в Европе культуры, свои воинствующие, лишь перешедшие теперь в современный индустриализм культуры. Царит ли Христос в христианизированной Европе? Никто из принадлежащих оккультному движению не согласится, что в христианской Европе господствует Христос; но он скажет: вы говорите "Христос", в виду же вы имеете по-прежнему лишь то, что имели в виду и старые среднеевропейские народности, когда они говорили о своем боге Саксноте. – Хотя символ Распятия и поднят над европейскими народами, но господствуют главным образом традиции бога Сакснота, символом которого является короткий саксонский меч, существовавший прежде всего для распространения материальных интересов; потому что это распространение и было призванием европейских народностей. Такое призвание и вызвало поэтому к жизни благороднейший цвет материалистической культуры, явление, которое действительно благородно в области материальной культуры: рыцарство. Где и в какой культуре существует нечто, подобное рыцарству западной культуры? Подобного нигде не существует. Никому не придет на ум сравнивать героев Троянской войны со средневековыми рыцарями. Христос еще мало живет среди людей; люди лишь говорят о Христе. Когда народы Запада говорят о Христе, тогда народы Востока чувствуют, что они, эти народы Востока, в отношении спиритуального постижения мира, в отношении того, что они знают о тайнах бытия, далеко, очень далеко опередили Запад. Восточные народы знают это.

Совсем простой пример может пояснить вам, что эти восточные народы в известном смысле умеют ценить свои преимущества в духовном отношении. Как ведут себя народы Запада еще и сегодня в своей массе, в своем большинстве, когда открываются тайны бытия? Вот мы сидим довольно маленькой группой, когда говорим, как, например, вчера вечером, о деятельности спиритуальных существ и об окружающих нас повсюду тайнах. Для обычного западного европейца все это глупость или безумие, потому что он до сих пор еще не может понять слов апостола Павла: "Что есть мудрость перед Богом, перед людьми это часто безумие; и что является безумием перед людьми, это есть мудрость перед

Богом". – И на Востоке лишь тот, кто заражен западными европейцами, отважится превратно высказываться о глубоких истинах относительно спиритуальных тайн Космоса, как мы пытаемся снова их открывать, когда он их слышит; потому что вещи, подобные, например, тем, о которых говорилось вчера, для живущих в восточной спиритуальной жизни являются само собой разумеющимися. Не будем же удивляться тому, что эти восточные народы, когда на них напали европейцы, часто испытывали нечто подобное переживанию людей, защищающихся от стада диких зверей, которых они и не осуждают, рассматривая их как нечто низшее. По указанным причинам и по традиции Востока – справедливо это в наше время или нет, мы это пока опускаем – мы, люди Запада, для всякого, например, брахманиста оказываемся, само собой разумеется, людьми низшего порядка.

А если мы от брахманизма обратимся, например, к культурам Центральной Азии, к тибетской или китайской культуре, – которые в ближайшие времена получат такое значение для мира, как это еще и не снится людям сегодня, хотя от этого факта нас отделяет лишь короткое время, – если мы посмотрим на все это и примем во внимание, что много душ учеников Заратустры еще воплощены в этих культурах, тогда мы почувствуем необходимость отнестись к этим вещам очень серьезно. Тогда мы поймем также, что в ту субстанцию, которую сумела дать Елена Петровна Блаватская, индийский, тибетский, египетский оккультист мог пытаться ввести из собственной души собственное наследие мудрости, но то собственное, которое в процессе становления человечества принадлежит прошлому. И мы должны познать характер прошедшего времени в этом наследии восточной мудрости, которое таится в учениях Блаватской. Не следует отрицать значение того факта, не следует недооценивать, что когда разбившийся, я бы так выразился, свои окопы Китай хлынет на западные области, тем самым будет принесена спиритуальность такого рода, которая является действительным наследием, во многих отношениях еще не померкшим наследием древней Атлантиды. Она подействует, как если бы прорвалось нечто, что сдерживалось в себе и что способно распространиться на весь мир; она изольется так, как в меньшем масштабе и при первом представившемся случае уже излилось древнее индийство.

Поэтому и стало возможным, мои дорогие друзья по антропософии, то, что проявилось с этого времени, что во всяком оккультизме однозначно характеризуется – что, в сущности, с тех пор теософское движение перестало быть пригодным средством для дальнейшего продвижения

культуры Европы. Всякий оккультист хорошо знает следующий постулат: в ведущих силах оккультизма, как и вообще во всех, кто деятелен в оккультной области, какой бы то ни было специальный интерес никогда не должен перевешивать общего интереса всего человечества. – Невозможна никакая положительная оккультно-духовная деятельность, если специальный интерес преобладает над интересом общечеловеческим. В то же мгновение, когда в оккультизм на место общечеловеческого проникает такой частный интерес, возникает возможность реальных заблуждений. Здесь причины того, что с указанного времени теософское движение стало доступно всякого рода заблуждениям. Самим характером кармической взаимосвязи Англии с Индией в мире была создана возможность фальсификации, подмены тех возвышенных сил, которые стоят за возникновением теософского движения. Потому что это обычное явление в оккультизме – что силы, стремящиеся к осуществлению своих частных интересов, принимают облик тех, что дали основной первичный импульс. Таким образом, мои дорогие друзья, начиная с определенного момента времени существования теософского движения стало уже невозможным безоговорочно принимать все то, что заключено в этом теософском движении, и карма распорядилась так, что эта возможность стала совсем сходиться на нет. И поэтому в тот момент, когда к нам был направлен призыв соединиться с этим теософским движением, и не могло быть сделано ничего другого, как вновь вернуться к первоисточникам, к тем источникам, которые в противоположность специально-частным мы можем назвать общечеловеческими. И в Центральной Европе – вы, может быть, заметили – мы стремимся таким образом подходить к оккультным источникам, что во всем том, что выступает из них вам навстречу, вы не встретите ничего, что было бы связано с каким-либо частным интересом. Попробуйте сравнить все, что как частные интересы может быть обнаружено в Центральной Европе, с тем, что известно вам как антропософия, развиваемая у нас: они действительно несочетаемы. – Рассмотрите эту антропософию – и кроме того, что писать все-таки необходимо на каком-то языке, кроме того, что мои книги написаны мной на немецком языке, вы наверно не найдете в ней ничего немецкого, ничего, что как-то было бы связано с внешними традициями Центральной Европы. Там же, где пробивается тенденция связать духопознание с каким-либо частным интересом, оно как таковое становится невозможно.

Это и было особой задачей Центральной Европы: освободить теософию от специфических свойств, которые она приобрела на европейском Западе. Это было нашей миссией – в полной, полной чистоте извлечь ее из всех частных интересов. И чем больше вы будете углубляться в эти вещи, вы найдете, что в

некотором отношении я и сам был в положении, позволяющем высвободить из всякого частного интереса все то, что было мне дано высказать по духовным вопросам. Мои дорогие антропософские друзья, это лишь символическое указание, но, говоря символически, мне было достаточно лишь следовать за тем, что существовало как непосредственный импульс в современной инкарнации; поймите меня правильно, это просто передается определенный факт: внешние представители, например, крови, из которой я происхожу, они были родом из немецких областей Австрии; но там я не мог родиться; я родился в славянской области; в области, которая была совершенно чужда всей той среде, всем тем особенностям, из которых исходили мои предки. Таким образом— я хочу это привести лишь в качестве символа - в начале моей современной инкарнации мою душу именно символически-образно само собой осеняло сознание, что в Центральной Европе нашим призванием является освобождение теософии от всякого частного интереса, так что в Центральной Европе она действительно предстает нам как божество, как нечто совсем, совершенно освобожденное от всего человеческого божественное, которое так же относится к человеку, живущему здесь, как и к живущему там, - и так должно быть всегда.

Наш идеал, мои дорогие друзья, как бы легко он ни произносился, всегда должен быть перед нами, потому что его труднее воплотить, чем произнести; как наш идеал перед нами должны пребывать истина и искренность, неприкрашенная Божественная истина. И может быть, мои дорогие друзья, если мы укрепимся в таком стремлении, мы как раз найдем путь - не для нас, а для того, что по отношению ко всей миссии Европы было вне-лично в Центральной Европе - найдем путь для этой Божественной антропософии на Восток. И здесь, описывая, я бы сказал, дальнейший путь, на котором антропософия укрепилась на Западе, идет через Европу и должна достичь Востока, - здесь я опять хотел бы четко, отчетливо вставить слова: "чувство ответственности". Культуры развиваются в мире так, что словно в духовной оболочке одна культура развивается в другой. Одна культура связывает себя с другой. Тем, что в Центральной Европе антропософия должна была стать такой внеличной, она приобрела совершенно определенный характер духовности; характер духовности, освобожденный от всяких интересов. И от этого, мои дорогие антропософские друзья, эта антропософия обладает чем-то суховатым, что бывает свойственно всему, что не причастно обособленным интересам; поэтому она не придется по душе тем, кто не в состоянии открыть свое сердце чему-то, что не служит частным интересам.

Духовное же, которое живет в ней, может быть найдено лишь душой, которая испытывает жажду по этому духовному, которая томится по нему. И здесь, мои дорогие друзья, будет уместно сказать, что я встретил в самом духовном мире Душу, в очень сильной степени томящуюся по тому духу, который выражает себя в антропософии. Я встретил эту душу в чисто духовном мире. Когда мы поднимаемся в ряду Иерархий к духам отдельных народов и говорим меж духов отдельных народов о народных душах, то среди народных душ, которые в наше время, так сказать, еще молоды и подлежат, как и всякое существо, дальнейшему развитию, мы подходим к Русской народной душе. От этой Русской народной души я знаю о ее томлении по тому духу, который открывает себя в антропософии. Всем своим существом, всеми своими развивающимися силами она стремится к нему. Я говорю о чувстве ответственности, потому что вы, мои дорогие теософские друзья, являетесь детьми этой Русской народной души. Она вершит и действует в вас и вы *ответственны* перед ней. *Ответственны!* – учитесь это понимать. Отнеситесь к моим словам непредвзято. Не обижайтесь; много, много и часто говорила ко мне эта Русская народная душа. Особенно трагично выступили предо мной ее сообщения в 1900-х годах; особенно трагично тогда по той причине, что в них, мои дорогие друзья, проступало нечто, что я сам смог правильно уяснить себе лишь много позже; в них проступало, как мало, в сущности, еще и в наши дни эта Русская народная душа встречает понимания. В Западной Европе мы познакомились со многим, многим, идущим из России; и многое, многое из России произвело на нас большое, сильное впечатление. Мы узнали великие импульсы Толстого, узнали так глубоко захватившую Западную Европу психологию Достоевского и, наконец, мы познакомились с таким духом, как Соловьев, о котором повсюду в его трудах получаешь впечатление: он и сам таков, как он пишет. И весь род и образ его творчества получает верное освещение лишь тогда, когда чувствуешь за ним присутствие Русской народной души. Эта Русская народная душа, она в состоянии сказать много, много больше, чем это мог сделать сам Соловьев, потому что в нем наше сердце чувствует еще слишком много воспринятого от Западной Европы.

Думайте, мои дорогие друзья, об упомянутом чувстве ответственности, подумайте о том, что на вас возложено задание достойно предстать перед Русской народной душой и что вы должны понять ее томление по свободной от всего личного антропософии. Если вы постигнете антропософию в том, к чему она стремится в самом своем внутреннем

импульсе, тогда, мои дорогие друзья, вы сможете задать много вопросов, которые могут возникнуть только из русской души: душевных вопросов к духовным вопросам антропософии. Я встретил, мои дорогие друзья, много благородных, возвышенных, прекрасных чувств, идущих со стороны Востока Европы, так много настоящей, истинной человеческой любви, сердечности и сострадания к ближнему, безграничную преисполненность чувством тонкого, интимного наблюдения того, что существует в мире, интенсивной личной связи с силами бытия. И из этих мягких, благородных и прекрасных чувств русскими людьми мне задавались вопросы, задавалось много вопросов, – вопросов, которые должны быть однажды заданы, потому что это вопросы, без ответа на которые человечество не сможет жить в будущем. Вопросы, которые могут идти только от Востока Европы – до сих пор их задавала мне только Русская народная душа на высших планах. Я должен был часто думать о том, что детям этой Народной души предстоит еще немалый путь, чтобы понять свою Народную душу, чтобы понять то, о чем томится эта Народная душа, и то многое, что их – этих детей Народной души – еще отделяет от самой этой Народной души. Не бойтесь поэтому искать путь к вашей Народной душе, путь, который, если вы захотите, вы можете найти. Из своей Народной души вы отыщете те вопросы, без ответа на которые не может существовать человечество будущего. Но при этом не бойтесь выйти за пределы личного интереса, помня о большом чувстве ответственности, которое вы должны иметь по отношению к Русской народной душе, помня об этом чувстве, потому что для будущего, для достижения своих целей народные души нуждаются в своих детях: людях. Но не забудьте при этом одного: то, что в состоянии наиболее высоко поднять человека, что может привести его к прекрасным, исполненным света мировым высотам, – это особенно подвержено опасности подпасть заблуждениям. – Вы должны, дорогие теософские друзья, одушевить духовное. Вы должны найти душу для духа. Вы можете сделать это, потому что Русская народная душа обладает неизмеримыми глубинами и возможностями грядущего. Но необходимо, чтобы вы осознавали, что душевное, которое может подняться к духу, которое должно исполнить собой дух, ставит вас перед большой опасностью потерять самих себя и увязнуть в личном, в индивидуально-личном, потерять себя в личном как таковом. Потому что личное становится как раз особенно сильным, когда оно идет из душевного элемента.

На вашем пути не возникнет тех препятствий, которые так часто возникают в Западной и Центральной Европе. Вы не рождены для скептицизма; скептицизм может прийти к вам лишь как прививка со стороны Запада. В области оккультизма,

где шарлатанство часто вплотную примыкает к истине, вы сможете силой определенного ощущения отличить истину от неистины и нечестности. Не скептицизм и не цинизм будут вашей опасностью; ваша опасность таится в мощи личного душевного элемента, который способен окутать вас астральными облаками, через которые вы тогда не сможете проникнуть к объективно-духовному. Ваша пылкость, ваш жар могут окутать вас аурическим облаком, не пропускающим духовное; мня себя в воодушевлении для духовного, вы можете этим воодушевлением помешать духу найти путь к вам. Попробуйте осознать, что вам дано большое преимущество – в идеальном, спиритуальном смысле – вам дозволено иметь частный интерес, потому что вы, то есть ваша Народная душа, как никакой другой народ предназначены принять антропософию как частный интерес русской народности, как нечто, что вы можете лелеять и о чем вы можете заботиться как о чем-то совершенно вашем собственном, – так принять ту антропософию, которую в Центральной Европе должны были принять как еще совершенно возвышающуюся над всем человеческим Божественную силу. Ибо своим предназначением вы призваны вдохнуть душу в дух. Это часто говорилось в наших рядах; но от вас зависит привести сказанное, и как можно скорее, к осуществлению, не упустить этого, развивать не только чувство и волю, но прежде всего развить энергию и выдержку; меньше – если уж касаться практической стороны вопроса – меньше говорить о том, как должна развиваться антропософия на Западе и какова она должна быть в России, что хорошо для одного или для другого и т. д., но сначала вобрать в себя эту антропософию, вобрать, соединить с душой, с сердцем. Остальное приложится, непременно приложится.

Вот, мои дорогие друзья, то, что я хотел вам высказать; высказать потому, что повсюду, где я должен обращаться непосредственно к человеку, взору должно представлять как раз чувство ответственности, которое мы, люди современности, имеем перед антропософией. На Западе люди должны иметь чувство, что они грешат против человечества, если они, имея возможность получить нечто от антропософии, не хотят этого принять, отклоняют это; это грех против человечества! Это иногда очень трудно постичь; потому что, мои дорогие друзья, надо обладать почти трансцендентным чувством долга, чтобы быть в состоянии нести такое обязательство, такое чувство ответственности по отношению к человечеству. Вам же говорит ваша Народная душа, так что она, сама эта Душа народа, обязывает вас. Что же касается ваших обязательств по отношению к человечеству, их уже приняла на себя сама эта Народная душа. Вам надлежит лишь найти ее, эту Душу народа. Вам осталось лишь предоставить

ей говорить через ваши мысли, ощущения и волевые импульсы, и, ощущая ответственность своей Народной душой, вы одновременно исполняете долг и перед человечеством. Поэтому и внешнепространственно вы поставлены между европейским Западом, который должен иметь антропософию, но для которого она не может стать до такой степени личным обстоятельством, как для вас, и азиатским Востоком, обладающим с древнейших времен оккультизмом и спиритуальной культурой. Вы расположены между. В этом географически, я бы сказал, трудном положении вы, может быть, никогда не смогли бы выполнить своей задачи по отношению к спиритуальной культуре человечества, если бы вам пришлось думать только об обязательствах перед человечеством. Ибо искушения станут чудовищно велики, когда пойдут влияния не только европейского Запада с одной стороны, который уже многих детей вашей Народной души привел, в сущности, к неверности самим себе. В отношении большей части того, что пишется русскими и доходит до Запада, у нас возникает чувство, что это не имеет ничего общего с Русской народной душой, являясь лишь отражением самых различных западных явлений. Второе искушение будет с Востока, когда придет власть спиритуальной культуры. Тогда долгом станет знание того, что при всем величии этой спиритуальной культуры Востока человек современности должен будет сказать себе: не прошедшее должны мы нести в будущее, а новые импульсы. Дело будет не в простом принятии какого-нибудь спиритуального импульса Востока, а во возвращении того, что из самих спиритуальных источников может извлечь Запад. – Тогда придет время, когда Европа начнет – если вы исполните свои обязательства по отношению к вашей Народной душе – начнет понемногу понимать, чем, собственно, является импульс Христа в духовном развитии человечества. Собирайте, мои дорогие друзья, все, что я хотел выразить и дать в этих словах, и ищите в этих словах прежде всего то, что в вас самих может стать импульсом; старайтесь не только чувствовать, не только ощущать, что духовное знание является чем-то значительным и великим, но прежде всего старайтесь ввести его в свое поведение и в волевые импульсы вашей души, старайтесь направлять его силой вашу жизнь, ваши поступки.

ОБРАЩЕНИЕ к русским слушателям цикла докладов " Оккультные основы Бхагавадгиты " Гельсингфорс, 5 июня 1913 г.

Когда в прошлом году мы собирались здесь, в сердцах тех, кто уже был тогда вместе с нашими русскими друзьями, как бы набухали почки того, что до некоторой степени уже

раскрылось к этому году – сознание, которое все больше и больше должно пронизывать ваши сердца, сознание того, что антропософия или антропософия, как мы её теперь называем, не есть нечто, что принимается как какое-нибудь другое знание или какое-то вероисповедание, но она в определенном отношении должна охватить всю душу каждого единичного человека, охватить собой душу всего человечества нашего цикла времени. Это сознание должно постепенно развиваться, и не надо думать, не следует предаваться иллюзии, что полное значение и полная сила такого сознания легко достижимы. Потому что лишь мало-помалу, медленно и постепенно способны мы добиться в нашем переживании осознания теософического импульса.

Внешне такое утверждение кажется тривиальным, но здесь как раз тот случай, когда к кажущемуся внешне-тривиальным мы должны отнестись с самой глубокой серьезностью. Возьмите из полноты того, что относится к такому осознанию, одно: возьмите тот факт, что почти две тысячи лет тому назад из высших миров в земную жизнь низошел импульс Христа, что Евангелие принадлежит к самым распространенным книгам мира, что в течение столетий и столетий миллионы людских душ верили в свою истинную связь с Христом; и поставьте рядом истину того факта, что честная человеческая душа, которая не дерзает приписывать себе понимание, которым она не обладает, в наше время оказывается перед вопросом: чем же, собственно, является импульс Христа? – И что эта душа может лишь надеяться получить понимание Христова импульса из сил нового откровения духовного мира! Возьмите другой факт: в прошлом году я посетил с несколькими друзьями Пасхальную службу в русской церкви. Непосредственно после этого я высказал некоторые мысли, которые, полагаю, вы обдумывали. Служба исходила из сознания лишь умершего Христа. Но для спасения человечества в наше и грядущее время должна звучать весть о непрерывно живом Христе. Фоном этой службы, от которой сначала нужно внутренне отстранить все то, что при этом совершали незрелые для этого культа лица, передо мной возникал также и другой образ. Фоном возникала картина древнейших священных мистерий, пусть и развившихся до того, что живет во внешних формах этого культа, что хотя и ощущается многими сердцами, но что меньше всего понимаемо теми, кто должен бы быть наиболее сведущим интерпретатором этого или кто в настоящее время считает себя таковым.

Попытайтесь возникающую из высказанных сейчас указаний мысль, – что антропософия лучится из каждого единичного

сердца, что силой духовного знания или антропософии в развитие человечества должно влиться нечто совершенно новое – попытайтесь эту мысль глубоко, глубоко запечатлеть в своей душе; попытайтесь запечатлеть в своем сердце ту истину, что сейчас знамение времени таково, что по крайней мере в глубинах нашей души, в самих наших сердцах, как бы тихо и интимно это ни происходило, мы никогда не должны заключать компромисса с тем, что совершается вокруг нас. Из растения не может сразу возникнуть новое растение; новое растение может возникнуть из старого лишь со смертью последнего, зарождаясь в одном единственном средоточии – в семени. Такова в действительности и антропософия, мои дорогие друзья, которая должна развиваться в наших душах, в наших сердцах, как совершенно новое семя, которое из всего, чем обладало старое растение человечества, должно сохранить лишь одно: сохранить то, что является универсальным, единственно то, что мы воспринимаем, обращая наш взор к Мистерии Голгофы. Листья, ствол древнейшей культуры человечества – должны будут отпасть; цвет, Мистерия Голгофы, должен будет остаться как воспоминание о том семени, которому надлежит развиваться в антропософии. И это семя, мои дорогие друзья, должно быть осознано в своей силе ко все более и более полному и постоянно новому развитию этого цвета. Тогда в эволюции человечества в многообразных формах будет жить импульс Христа, оставаясь, тем не менее, все тем же, неся – подобно тому, как несет в себе и каждый новый цветок – силу и красоту старого. Но одновременно он будет тем, чем он хочет быть по своему внутреннему существу: все вновь и вновь возникающим, все вновь и вновь пробивающимся пониманием того, что было дано подобно новому началу развития человечества, когда из ран Того, Кто принял облик человека, чтобы претерпеть смерть среди людей, сочилась Его Кровь.

Мои дорогие друзья! Все миры, через которые мы можем пройти, начиная от нашего физического мира и все дальше и дальше через высшие миры, все они имеют нечто общее. И хотя действительно, достигая более высокого мира, мы всегда находим новое и новое, но, тем не менее, это всегда и нечто общее с предшествующим миром. Но знакомясь с высшими мирами, мы не встречаем в них одного, что, будучи физическим явлением, может существовать только как физическое явление. Божества высших миров богаты переживаниями; но одного они никогда не могут испытать: смерти. Потому что смерти не существует в сверхчувственных мирах. В сверхчувственных мирах существа проходят через превращения, из одной формы они переходят в другую; умереть же в сверхчувственном мире невозможно. Смерть как физическое явление есть то, что может существовать именно

только как физическое явление. И среди всех богов и духов существовал лишь Единственный, Кто низошел, дабы сочетаться с людьми, в мир человечества, – Христос, не только Своей жизнью, но и Своей смертью связавший себя с человечеством. Но Он обрел эту связь такой смертью, из которой истекли новые жизненные силы. Обращать свой взор к Смерти на Голгофе – это должно стать для человечества источником все новых и новых жизненных сил, потому что эта Смерть есть такое средоточие эволюции всего человечества, в котором сконцентрировано то, что только Бог в Своей беспредельной жертве мог пожелать и совершить для человечества. Надо лишь продумать эту мысль, попытаться поднять ее до живой медитации, и тогда заметишь, что эта мысль способна излить в каждую человеческую душу сильнейшие жизненные силы. Нет более возвышенного образа, чем воздвигнутый на Голгофе Крест.

Мои дорогие друзья! В такой для всего человечества явленной имагинации, как Крест на Голгофе, – в такой имагинации дано нечто беспредельное. Почти две тысячи лет тому назад был явлен этот символ, который в то же время был и реальной действительностью, и мы все еще должны учиться понимать его все больше и больше в ходе эволюции человечества теперь и в будущем. Это простые, примитивные мысли, но они даны не для того, чтобы принять в нас метафизический характер, но чтобы стать ощущениями, которые делают нас способными правильным образом вступить во все развитие человечества.

Вы знаете, мои дорогие друзья, что развитие человечества шло различными путями; оно происходило в отдельных нациях, отдельных народах. Каждый народ обладает совершенно особым основным характером, поскольку у каждого народа есть свой вождь, один из тех духов, которых мы причисляем к иерархии архангелов. Архангелы это как бы высшие предстатели отдельных народов. В будущем душа человека, как единичная душа, должна будет все больше и больше находить связь с ведущей народной душой из иерархии архангелов, – это истина, которую мы должны усвоить из спиритуального воззрения на мир; и мы лишь тогда способны верным образом привносить наше сотрудничество в спиритуальное развитие человечества, когда мы несем понимание навстречу тому, чего желает эта народная душа для нас самих в ее волеии для будущего. В этом отношении мы должны отметить большое различие между западноевропейскими народными душами и восточноевропейской, Русской народной душой.

Я говорю сейчас не о внешней русской культуре, не о том, что существует на внешнем физическом плане как русская народная культура. Я говорю о действительно существующей в духовном мире вашей Народной душе, ожидающей своей грядущей задачи, полной этого ожидания, полной надежды, полной уверенности. Сравнивая эту народную душу с западноевропейскими народными душами, получаешь с одной стороны впечатление юного, восходящего, и с другой – древнего, старческого. Культура Центральной Европы поставлена между Западом и Востоком Европы в роли культуры-посредницы, которую, в сущности, не понимают, если ее приравнивают к другим культурам. Совершенно своеобразна задача этой культуры, подобно герольду в роли провозвестника из истекших времен в грядущие. Подумайте, мои дорогие друзья, о том, каким образом возникла вся европейская культура западного мира. Продвинутыми постами восточных народов вплоть до древней Индии развивалась великая проникновенная культура, выступающая нам навстречу из этой древней Индии времен Бхагавадгиты. Эти народы были приведены на юг Азии. В то время как у них учили такие мудрые учителя, как риши, позже Заратустра, по всей области Европы, также и на вашей земле, по мудрости мировой эволюции народы отставали в примитивных состояниях развития. В то время как в Азии процветала широта мышления философии санкьи и веданты, эти европейские народы обладали простыми, примитивными культурами. Почему? Потому что культуры должны развиваться таким образом, чтобы их грядущий импульс принимался сначала примитивными людьми. Поднявшиеся до определенной высоты интеллектуальности народы Востока никогда не смогли бы понять, например, Христова импульса, у них не было возможности понять импульс Христа.

Народы западных культур еще не были настолько продвинуты, чтобы головой принять духовное; сила, живущая между сердцем и головой, у них еще не достигала головы. В Индии все являлось головной культурой; в европейских областях в примитивных ощущениях и с первобытной силой все еще было сконцентрировано в сердце. Только такие народы, и именно тем, что они еще не вышли из душевности сердца, были способны постепенно вобрать в свое ощущение мистериальность Голгофы. Таким образом, благодаря своей отсталости и тем самым с первобытной свежей силой – первобытная, свежая сила более близка к Божественному – европейская культура была открыта для принятия импульса Христа. Таким образом, в западном мире шли два течения, четко различимые для того, кто обладает для этого

определенным чутьем. Кто не отличит своеобразный основной тон Фихте, философа Центральной Европы, от своеобразного основного тона Спинозы, который ведь тоже был европейским философом. Но в эволюции человечества дело обстоит так, что то, что принадлежит всеобщей культуре, может быть несомненно одной и той же индивидуальностью. Ибо Спиноза и Фихте, как это, может быть, уже известно некоторым нашим друзьям, это одна и та же индивидуальность. Но Фихте, как отдельная личность восемнадцатого-девятнадцатого столетия, является духом, который смог проникнуться всей силой Христова импульса; Спиноза же, то есть та же самая индивидуальность, ничего не имеет в себе от этого импульса, он включен в другое течение.

Европейской культуре еще не хватает многого, что должно будет вступить в нее. И то, что по-своему устарело, должно действовать сообща с тем, что еще молодо и исполнено свежестью надежды. Русская народная душа, существо из ряда архангелов, молода и полна этой свежестью надежды, ее задача еще впереди. И русским антропософам предстоит перебросить мост от единичной души к Душе народа и учиться понимать то, что ожидает от них эта Душа народа. Вы убедитесь, мои дорогие друзья, что при определенных предпосылках как раз вашим душам – силой того, что в них живет – будет легко оживить в ваших сердцах импульс Христа. С другой стороны, вам придется убедиться, что именно в силу того, что вам легче оживить импульс Христа – для вас, с другой стороны, возникают большие трудности. Вам предстоит убедиться, что как раз для вас в высокой степени справедлива глубокая истина того, что вы должны быть предоставлены вашей собственной душе и должны оживить в ней антропософию. Ибо антропософия, мои дорогие друзья, как провозвестие настоящего времени, не идет ни на какой компромисс с другими мировоззрениями. Она обращается к другим воззрениям со строгими словами; с теми словами, которые уже были произнесены в ходе эволюции. Тот, кто надеется найти антропософское знание в существующих до сих пор внешних материальных культурах – а такими являются или по крайней мере приближаются к этому все культуры современности, – тот, кто будет искать компромисса, навстречу им со всей строгостью будут звучать слова, которые некогда произнес Христос: "Предоставьте мертвым хоронить своих мертвых! Вы же следуйте за мной!". Мертвые – это отдельные культуры, склоняющиеся к материализму; в них самих уже заложена способность свести себя в могилу. "Предоставьте мертвым хоронить мертвых", души же должны следовать за тем, что является пониманием спиритуального импульса, который вершит в мире как импульс Христа. Поэтому, мои дорогие друзья, обращаясь к старым традициям,

обращаясь к тому, что может вам дать старое наследие, вы не найдете ничего, что подвело бы вас к антропософии. Хорошо отыскивать это старое наследие, эти старые традиции, чтобы показать, насколько в них проявляется Божественное; но к антропософии человек подходит как раз тогда, когда он несет в себе душу, в которой вершит не нечто древнее, старческое, но душу, какой ее несете вы: свежие, непосредственные души, которые вы независимо от влияния каких-либо традиций несете навстречу антропософии. От ваших душ импульс духопознания требует жизненной, а не просто познавательной силы.

Мои дорогие друзья! Многие из вас, может быть большинство, быть может, даже все, чувствуют - хотя и объясняют это себе, возможно, иначе - боль, страдание от разлуки с Душой народа, от временной разлуки с вашей Народной душой. Многие из вас чувствуют, хотя и думают об этом иначе, быть может, большинство, быть может, все - ощущают нужду в новом поощрении своей воли и силы. Начните, мои дорогие друзья, ощущение этого страдания от частого недостатка воли, частого недостатка сил, начните, решитесь однажды взглянуть на это как на девственность вашей воли, решитесь отнестись к этому как к такой воле, которая еще осталась незатронутой и которая ожидает активного поощрения импульсом духопознания. Дайте антропософскому импульсу духопознания стать вашей волей. Попытайтесь претворить страдание в силу, слабую волю - в воление в вашем собственном существе духовного знания, этим вы сможете действительно вступить в саму жизнь этого духовного знания! Попытайтесь объяснить себе иначе то, что в вас еще слабо, что еще не завершено в себе. Тем самым вы сможете стать лучшими носителями антропософии. Подумайте над тем, что души, которые находятся теперь в ваших телах, не предназначены к тому, чтобы в следующей инкарнации опять воплотиться только на Востоке Европы! В следующей инкарнации они предназначены к распределению по всей Земле. И между смертью и новым рождением, перед вступлением в новую инкарнацию некто предстанет вам и скажет; одному он скажет: "Ты исполнил свое задание; то, что ты принял в свое существо на Земле, что может быть принято только на Востоке Европы, ты это можешь нести дальше в мир"; другому же он скажет: "Ты этого не можешь"!

Мои дорогие друзья! Рассмотрите то, что вы чувствуете теперь по отношению к духовной науке, как инстинктивное выражение только что сказанного, как живущее в вас неопределенное ощущение этой вашей задачи. Рассмотрите это так, чтобы это из "Я" пронизало вас силой - в мышление,

чувство и волю, оттуда в жизнь, оттуда в кровь, и тогда вы правильно объясните себе этот инстинкт, силой которого вы стремитесь теперь к антропософскому знанию.

Вы собрались теперь внешним образом. Несмотря на большие трудности, существующие в вашей стране, вы нашли возможность внешне беспрепятственно собраться вместе. Используйте эту возможность, чтобы возможно сильнее собраться внутренне, чтобы перебросить мост, каждый из вас, ввысь к Народной душе. В мою задачу не может входить, мои дорогие друзья, говорить о частностях той работы, которая должна быть выполнена по отношению к этой Народной душе. Но я могу сказать вам нечто другое; и, будучи высказано в словах, да претворится это в вас в определенное чувство. Вы, мои дорогие друзья, находитесь в особом положении. Вы находитесь как бы в противоположном положении, чем тот народ, который заселяет Землю также восходящим образом в некотором отношении для недолгого блеска. Ваше положение противоположно положению североамериканского народа. Подумайте, мои дорогие друзья, что когда в Европе началась эпоха материализма, то, усиливая его еще больше, с этого времени постепенно этот полярно противоположный вам североамериканский народ начал надвигаться с Запада на Восток. Подумайте, что в корнях американизма вершит материализм. Подумайте о том, что люди, культивировавшие Америку, делали это с представлениями культурных европейцев тех столетий, которые так недалеки от нас во времени. Что же сделали эти люди? Эти люди – с материалистическими представлениями новейших парламентов, с представлениями новейших естественных наук, новейшего общественного порядка – они сделали то, что в ином случае делают лишь необразованные люди, когда они уничтожают девственные леса, завоевывая и культивируя кусок за куском пахотную землю. Все это возникло из материализма. И когда смотришь сегодня на признанного за значительного писателя Вудро Вильсона, которого ведь американцы избрали своим руководителем, который для современных соотношений действительно является значительнейшим писателем, который в социальных воззрениях на писательском поприще достиг блестящих успехов, – когда смотришь на него, на его понятия и идеи, на все то, что он проявляет как представитель американского народа, – чем является все это? – Карточным домиком! Это карточный домик, готовый рассыпаться в прах от одного-единственного дуновения спиритуальных миров, если бы оно пришло. Тогда пала бы вся эта культура. Происхождение всего, что идет из американской культуры, вплоть до мелочей, можно доказать по доступным учебникам истории и вывести из

истории культуры предшествовавших столетий. Здесь все открыто, все является делом рук человеческих.

Спросите, откуда идет ваша народность, откуда происходит ваша духовность, спросите, откуда идет то лучшее, что вы можете лелеять в вашей душе. Вы этого не найдете на Земле! Таким путем вы этого не найдете, это коренится в самом духовном мире. Это организм, живое существо, это не карточный домик! Эти вещи никогда не должны быть для нас поводом к гордыне, но лишь поводом к нашему смирению, нашей скромности, потому что мы должны извлечь отсюда не удальство самосознания, а чувство ответственности.

Мои дорогие друзья! Вчера я говорил о свободе. Много воды должно будет утечь в реках Европы, пока какое-то число людей полностью поймет, что следует понимать под этой свободой, что подразумевается под этой свободой. Что есть свобода? – Пойдем с Запада на Восток! Чем является свобода для американца? Тем, что наиболее удобно устраивает ему жизнь; он называет свободой то, что должно быть внесено в социальный порядок, чтобы каждый единичный человек мог наилучшим образом преуспевать во внешнем мире. "Свободу мы понимаем иначе, – говорит Вудро Вильсон, – чем европейцы, мы знаем свободу, потому что она является для нас практичной." – Так говорит сам американец. Ножом мы пользуемся для резания, вилок для еды, потому что они практичны для этого. Американец обращается к свободе, потому что она практична для его нужд, потому что благодаря ей он лучше может установить удобный для него порядок. Для американца свобода – это полезный продукт, она приносит выгоду. Мои дорогие друзья! Для западного европейца свободой было нечто другое, свобода была высоким идеалом, чем-то, к чему он взирал вверх. К этой свободе можно почти применить слова поэта, что для европейца она "высокая, прекрасная богиня"; для американца же она полезная дойная корова, снабжающая его молоком и маслом. Это говорю не я, а тот, кто на ближайшие годы является ответственным лицом в руководстве Соединенных Штатов Америки, это он так сказал. Моей задачей вообще не является излагать свое мнение, но я выступаю лишь интерпретатором того, что живет в духовном мире. В выдающемся американце американская свобода охарактеризовала самое себя. И если вы возьмете все то, что создали в Европе герои духа для описания этой божественной свободы как возвышенной, прекрасной богини, то из большей части всего этого вытекает, что весь наш энтузиазм, все наше воодушевление, все наши ощущения, мысли, чувства – они обращены к тому, что реет перед европейцами как высочайший идеал свободы.

Поймите, мои дорогие друзья, для последователей спиритуального мировоззрения свобода должна стать еще чем-то совсем иным. Вы все будете воспринимать неверно, если не осознаете, что все должно формироваться по-новому. От нас требуется, чтобы свобода стала чем-то совсем иным, чем то, что как высший идеал чувствовалось и понималось да сих пор даже лучшими из людей. Ибо мы знаем, что в ближайшем будущем нам, людям, дано будет проникнуть к божественному источнику, нам дано будет испить духовной воды, и эта духовная вода будет живой в наших душах; ею мы должны будем одушевить свободу, как нашим телом мы воплощаем душу. Одному свобода является практичной для внешней жизни, для другого она высокий, духовный величественный идеал, третьему свобода должна быть тем, что ему надлежит одушевить, что выше, чем душа, насколько душа выше, чем тело. Мы должны учиться одушевлять свободу; мы должны многому учиться, учиться также одушевлять свободу; тогда мы продвигаемся вперед таким образом, как желают этого для эволюции человечества извечные духовные могущества, излучающие для этого в ваши души духовное знание.

Итак, мои дорогие друзья, внимайте этим простым словам, обращенным не к вашей рассудочности, а к вашим сердцам, примите их в этот час, когда вы нашли возможность также и внешним образом в пределах вашей страны оформить свое стремление к антропософии; пусть это будет нам поводом, чтобы осознать в данное мгновение ту высокую задачу, которая предстоит нам благодаря спиритуальному постижению мира. Мои дорогие друзья! Это сознание, если мы живем в нем, создаст возможность излучения из тихой работы в антропософских группах того, что станет благом для всей страны, потому что лишь тот начинает действительно понимать спиритуальную жизнь, кто знает, что действительно распространению духовной науки служит не только то, что мы можем сделать для этого внешним образом, – нет, и тогда, когда мы работаем вместе и по мере сил стремимся проникнуть в нее нашим пониманием, и тогда невидимо излучается действие нашего духовного стремления. И как мы знаем, что город, в котором антропософски работает группа людей, через тридцать лет представляет из себя нечто совсем другое – даже если в нем лишь немногие исполняли духовную работу – чем город, в котором нет такой группы, так и ваша страна станет совсем иной, если вы с внутренним пониманием ощущаете то, что вам может дать антропософия. Я обращаюсь к вам не как западный европеец, не как принадлежащий той или иной нации; я знаю, что это не так. И,

может быть, как раз поэтому мне позволено сказать вам: целебная мощь на благо России существует, целебное средство есть, но это благо не должно быть искомо на ложном пути. И я это говорю не потому, что я люблю антропософию, а потому, что все развитие человечества учит нас этой истине. Благо России существует, и имя этого спасительного блага – антропософия. Для других областей Земли это духовное познание является чем-то прекрасным, чем-то, что продвигает людей вперед, для России же духопознание станет единственным спасением, тем, что должно будет существовать, чтобы русская народность нашла контакт со своей Народной душой, чтобы эта Народная душа не оказалась отозванной к другим задачам в мире, нежели те, которые ей предназначены.

Этими словами я хотел бы освятить ваши новообразовавшиеся группы, потому что я знаю, как восходит в ваших сердцах святое значение этих слов. Тогда в ваших душах сможет стать деятельной та связь, которая необходима во спасение вашей страны, связь мистерии Голгофы с человеческим пониманием этой Мистерии; тогда в ваших сердцах будет вершить тот дух, который приведет к возрождению вашу страну; тогда из ваших собраний будет излучаться то, в чем нуждается ваша часть Земли. Исходя из этого сознания и взирая к ведущим могуществам эволюции человечества, в почитании и благоговении я произношу, что хотел бы призвать на вашу работу все благословение, хотел бы призвать его в мощь ваших сердец, хотел бы призвать благословение тех сил, которые вливают в наши дни в сердца людей тайну Голгофы, чтобы это благословение действовало бы из ваших душ далее, в излучении от вашей работы распространяясь над вашей страной. И я знаю, что это благословение всегда с нами, когда мы его достойны. И да реет перед нами, когда мы стоим теперь в начале вашей работы, – да реет перед нами образ нашего сознания как новый импульс, спиритуальный импульс, который должен излиться в развитие человечества, в его реянии осененный духовными вождями этого импульса, помогающими вашей работе, которую мы стремимся выполнить во всей искренности нашего сердца. Тогда из этого образа исходит сознание, что мы совершаем для ограниченной области то, что должно быть совершено, а этим самым и для всей широкой области развития всего человечества; тогда из этого образа мы воспринимаем наш долг. Да будет в этом смысле благословлена мудрыми водителями людской и мировой эволюции ваша работа, да взойдет в полной силе это благословение в ваших душах, претворяясь в свет ваш душ; тогда этот свет сможет излучиться вовне и вы сможете

совершить многое, совершить много значительного на благо, на продвижение вперед, к истинному развитию человечества.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ответы на вопросы Гельсингфорс, 7 апреля 1912

Вопрос: В Финляндии появились люди, сомневающиеся в будущем Финляндии. И есть те, кто очень воодушевлен относительно будущей финской культуры. Вы полагаете, ангел-хранитель Финляндии еще может проявлять себя в мире?

Рудольф Штайнер: Возможно, хорошо, что как раз относительно подобных вопросов в оккультизме существует правило давать не слишком распространенные ответы. Понятно, что для объективного, непредвзятого восприятия ответа, который дает нам оккультное исследование, многим в высшей степени необходима беспристрастность, которой мы в действительности – извините, что подчеркиваю это – не всегда обладаем в практической жизни. И это требует, чтобы я также и здесь на этом месте в отношении ответа на этот вопрос не шел дальше, нежели вообще мог бы идти практический оккультист, отвечая на вопрос, который касается социальной жизни современности и проявляющихся в ней сил. Что вообще возможно сказать по этому вопросу, это должно быть сначала обозначено несколькими словами, которые я уже произносил, когда в свое время говорил о духах народов в Христиании. Тогда я ясно выразил, что духи народов известных территорий малых национальностей имеют для будущего человечества, для последующего развития культуры гораздо большее значение, нежели обычно полагает эзотерический мир. Народности, которые в известном отношении менее продолжительно, чем другие участвовали в "большом концерте" европейского или иного сегодняшнего мирового развития, призваны как раз к тому, чтобы, обособившись от большого культурного процесса, сохранять известные значительные ценности человечества. Насколько я мог позволить себе заняться духовной жизнью культуры Финляндии, я могу подтвердить в отношении Финляндии истинность того, что должен был тогда сказать в Христиании. Я прошу не рассматривать это так, что я как немец, которому выпало говорить среди финнов, имел бы намерение сказать кому-то нечто приятное. Не бывает, чтобы я высказывал нечто по причине, дабы это понравилось какому-либо человеку или группе людей, я высказываю только потому, что это является моим убеждением, результатом моих исследований, что это истина.

Если человек, не будучи финном, наблюдает развитие финской культуры, – насколько это возможно для практического оккультиста – то он должен причислить финскую духовную жизнь в ее духовной эволюции к тем культурам, которые как раз очень проявят себя в будущем культурном развитии Европы. Это я хотел бы сказать как нечто совершенно объективное. Я говорю это независимо от того, к какой национальности принадлежу я сам или каким национальностям я это говорю. Ясно, что самые разные духи народов будут соучаствовать в формировании будущего Земли; но все то, что мы можем познать как характерное, как существенное в духовной жизни финнов, все это имеет нечто, что не может отсутствовать в будущей мировой культуре, если эта мировая культура должна идти теми путями, которые мы предполагаем, исходя из наших оккультных знаний. Ход мирового развития как раз таков, что всегда, если эволюция делает шаг, позднее должно в обновленном виде проявиться нечто, должно быть перенесено нечто, что имело место там, в более ранних культурных периодах. Например, в нашем современном пятом послеатлантическом культурном периоде проявились многие вещи из египетского периода, только в обновленном виде; в шестом культурном периоде будут повторены многие вещи из праперсидского времени, в седьмом – из праиндийской культуры.

Эта праиндийская культура, которая одновременно продолжает жить под поверхностью, будет переживать большое мощное воскресение. Святая мудрость святых Риши получит в седьмом культурном периоде большое мощное воскресение.

Что имеет место в большом, в отношении этих повторений, то живым образом находит свое проявление у народностей, которые являются живыми хранителями известных духовных сил протекающей эволюции. И таким образом я пришел к убеждению, что в финской культуре заложены скрытые силы, которые сегодня при обновлении древнего эпоса древней культуры Финляндии ощущаются современным финским населением, и, как я полагаю – я подчеркиваю: как я полагаю, – во всем этом заключено нечто очень значительное, что во многих отношениях даже еще скрыто, но выйдет наружу во всем своем значении – еще больше, чем это сегодня имеет место, и что образует нечто ударное в будущей культуре человечества. Я полагаю, что оправдается и второе утверждение, которое соединяет с будущим Финляндии, финской культуры чрезвычайное значение и свет. Я хотел бы

еще раз отчетливо подчеркнуть, что то, что я сейчас сказал, исходит из моего убеждения, и, как я полагаю, из моих оккультных познаний, а не чтобы кому-то что-то приятное сказать. Я сказал бы вам и нечто неприятное, если бы это соответствовало истине.

Вопрос: "Калевала" показывает, что обоснованно говорить о прошлой, по меньшей мере духовной культуре Финляндии. Культура предполагает влияние свыше. Поэтому, наверное, возможно говорить о древних финских мистериях. Знаете ли Вы, какого рода это были мистерии? Хотите ли Вы об этом что-то рассказать?

Рудольф Штайнер: Легко понять, что тот, кто знает "Калевалу" только в переводе, не замечает определенные детали, которые чрезвычайно важны для действия такого произведения. Но этот эпос, национальный эпос Финляндии, предстает тому, кто его рассматривает оккультным взором, как нечто настолько значительное, настолько сильно проистекающее из оккультных основ, что это неизбежно констатируется, и оккультные основы также признаются, даже если невозможно приблизиться непосредственно к величественной красоте, которая, естественно, может быть дана только на том языке, на котором эпос возник изначально.

Но своеобразие "Калевалы" в том, что мы сразу же открываем оккультные основы. Меня чрезвычайно поразило – я говорю это здесь, несмотря на то, что послезавтра в открытом докладе мне придется повторить некоторые мысли, – когда в великом финском национальном эпосе я встретил три очень хорошо известных вам героя, Вяйнямёйнена, Ильмаринена, Лемминкяйнена. – Извините, если я иногда допускаю ошибки, произнося эти имена. Понятно, что такой трудный язык, каким является финский для нас, нельзя произнести безошибочно. – Оккультист, говоря о ком-нибудь из этих трех героев, не может говорить о них как об обычных героях, как это слово или понятие часто применяется в других народных эпосах. Меня поразило, когда я обнаружил за этими тремя главными героями три совершенно определенные вещи. Вы знаете, что в моей "Теософии" дано полное описание душевной жизни человека согласно тому, как его давали древнейшие европейские мистерии в полной гармонии и согласии с розенкрейцеровскими мистериями нового времени, в трех основных сущностях человеческой души, в том, что я называю душой ощущающей, душой рассудка или характера и душой сознательной. Мы должны развитие всего человечества мыслить таким образом, что в течение развития человечества

друг за другом были развиты эти душевные члены. Сначала в эволюцию человечества вошло развитие души ощущающей в трех оболочках: физическом теле, эфирном теле и астральном теле. Позже на этом построено развитие души рассудка или характера. И наивысший продукт развития, это душа сознательная. Мы должны себе представить, что позади всего, что происходит в физическом мире, то есть также позади соучастия человека в этих силах, стоят духовные существа. Так позади физического мира, в котором мы люди живем, мы должны видеть духовных подателей и носителей сил нашей души ощущающей, сил нашей души рассудка или характера, и сил нашей души сознательной. Я не могу сейчас входить в эти детали; но мне совершенно ясно, что в Вяйнямёйнене мы должны познать подателя и дарителя души ощущающей, так что все то, что мы в теософии Европы сегодня называем как силы души ощущающей, должно проявиться как дар спиритуального существа, которое в "Калевале" обозначено Вяйнямёйненом. Эти вещи указывают не только на историческое, но в историческом проявляется то, что стоит за ним как оккультная сила. Этим не говорится, что позади личностей не стоят также исторические герои; но то, что содержится в этом герое, и есть то, что нам необходимо познать. Податель души сознательной это Лемминкяйнен. Лемминкяйнен, как раз потому, что он является подателем души сознательной, находится, хочется сказать, в дионисийском положении: если знать мистерию "расчленения и разбрасывания по миру", поражает выступающее в "Калевале" растерзание Лемминкяйнена. Таким образом, вникая в "Калевалу", мы везде находим высказанным в мощных образах - которые усиливаются и разрастаются как раз потому, что они дают дочеловеческое, сверхчеловеческое - то, что мы сегодня как раз вынуждены снова высказывать в отношении душевного развития в теософии и что происходит из древнейших мистерий Европы, из северных мистерий, согласуясь также с мистериями розенкрейцеров и Грааля. Так что уже эта, я хотел бы сказать, внешняя причина показывает нам, что скрывается позади эпоса: что в этом эпосе великим, мощным образом отражены прадревние святые мистериальные истины, которые проистекают из глубочайших мистерий европейского Севера. Таким образом, - в подробности я сейчас не могу вдаваться - в том, что выступает нам навстречу из этого эпоса, мы должны признать нечто, что пробивается наружу из глубочайших мистерий европейского Севера. Это доступно, например, даже внешнему рассмотрению, уже тем, как в первой руне описывается творение предшествующего человеку мира. Это во всем соответствует тому, что в европейских мистериях говорится о возникновении мира, только в грандиозных образах. Это результаты мистериальных истин, таким образом схваченных более ранним сознанием. К этому присоединяется то, что из оккультной истории, из

Акаша-хроники можно указать на непосредственную связь этих финских представлений – я говорю здесь осторожным образом: представлений, лежащих в основании "Калевалы", – можно указать на согласие этих образов "Калевалы" тому, что дано в древних европейских мистериях относительно брака Неба и Земли. Таким образом, нам навстречу выступает в первой руне то, что мы можем обозначить как совместное деяние верхнего и нижнего в мистериальном смысле.

ПРИМЕЧАНИЯ

В предлагаемый том включены доклады Рудольфа Штайнера, посвященные двум великим произведениям северного народного творчества, "Калевале" и "Сновидческой песне Олафа Эстесона", а также непосредственно примкнувшие к докладам о Калевале, состоявшиеся в Дорнахе доклады "Мир как результат уравновешенных действий", а также две лекции для русских антропософов.

Доклад от 9 апреля 1912 г. "Сущность национального эпоса (с особым вниманием к Калевале)" – это один из двух открытых докладов, которые Рудольф Штайнер прочитал во время первого Гельсингфорского цикла "Духовные сущности в небесных телах и царствах природы" (GA 136). Эта тема была вновь поднята Рудольфом Штайнером в ноябре 1914 г. в Дорнахе в докладах "Связь человека с элементарным миром. Финляндия и Калевала". Непосредственно к этим трём докладам примыкали доклады "Мир как результат уравновешенных действий". В данный том включены также выдержки из ответов на вопросы после доклада от 7 апреля 1912 г. (GA 136) в Гельсингфорсе, касавшиеся Калевалы и Финляндии. – Другую часть этого тома образуют выступления и доклады, посвященные норвежской "Песне сновидений Олафа Эстесона". Речь идет о вступлении к докладу в Берлине от 7 января 1913 г. (из GA 141 "Жизнь между смертью и новым рождением в отношении к космическим фактам"), о докладе от 31 декабря 1914 г., четвертом докладе цикла "Искусство в свете мистериальной мудрости", GA 275.— В последней части тома приведены два обращения Рудольфа Штайнера к многочисленным русским участникам обоих гельсингфорских циклов, "Духовные сущности в небесных телах и природных царствах" в апреле 1912 (GA 136) и "Оккультные основы Бхагавадгиты" в июне 1913 (GA 146). Последний первоначально предполагался в Санкт-Петербурге, но Священный Синод Русской православной церкви не дал согласия на въезд. Поэтому была предложена Финляндия, которая в то время также входила в Российскую

империю, но на ее территории действовали менее строгие, чем в остальной России, законы.

Источники текста: Гельсингфорский доклад от 9 апреля 1912 г. и обращение к русским слушателям от 11 апреля 1912 г. опираются на записи Георга Кленка, на их машинописном варианте от 11 апреля видна корректура Рудольфа Штайнера. К докладу от 9 апреля 1912 г. в записной книге сохранились пометки Рудольфа Штайнера, их факсимиле публикуется. – Доклады от 9 ноября 1914 г. в Дорнахе, от 1 января 1912 в Ганновере и от 5 июня 1913 в Гельсингфорсе записаны неизвестными лицами. – Для докладов от 14, 15, 20, 21, 22 ноября 1914 г., а также от 31 декабря 1914 г. сохранились оригинальные стенограммы Франца Сайлера, в записях от 31 декабря имеется корректура Рудольфа Штайнера. Текст доклада от 7 января 1913 в Берлине опирается на записи Вальтера Вегелана, имеется также стенограмма Франца Сайлера. Недатированное выступление перед исполнением "Песни сновидений" написано Рудольфом Штайнером. Ответы на вопросы от 7 апреля 1912 г. записаны Георгом Кленком.

О норвежской "Сновидческой песне Олафа Эстесона" Рудольф Штайнер говорил 1 января 1912 г., 7 января 1913 г. и 31 декабря 1914 г.; его сообщения сопровождалась рецитацией "Сновидческой песни", которую исполняла Мария Штайнер-фон Сиверс. Тем, что эта необыкновенная народная поэма получила в кругах Антропософского движения столь значительное место, мы обязаны прежде всего инициативе норвежской поэтессы Ингеборг Мёллер-Линдхольм, которая обратила внимание Рудольфа Штайнера на эту древнюю легенду. Благодаря любезности госпожи Мёллер, за которую мы её сердечно благодарим, мы получили возможность присоединить к этому изданию её конспект разговора с Рудольфом Штайнером. В качестве указаний мы получили и отметили некоторые сведения, сообщенные в докладе Ингеборг Мёллер о "Сновидческой песне Олафа Эстесона", перевод которого она любезно предоставила в наше распоряжение.

Заметки Ингеборг Мёллер о "Сновидческой песне"

В июне 1910 г. доктор Штайнер читал в Осло цикл докладов: "Миссия отдельных народных душ в связи с мифологией германского Севера". При этом я пригласила к чаю примерно четырнадцать приехавших антропософских друзей; я тогда жила в Осло и в моём распоряжении была большая комната.

Д-р Штайнер и г-жа Мария Штайнер тоже собирались прийти. За день до этого я спрашивала у доктора Штайнера, не может ли он что-нибудь рассказать о необыкновенной норвежской народной песне, "Сновидческой песне Олафа Эстесона". Рудольф Штайнер дружески улыбнулся и сказал, что ему надо было бы сначала прочитать или услышать эту песню. Мне это было понятно. Тогда он сам предложил прийти на следующий день за час до остальных гостей, для того чтобы я могла прочитать песню и бегло перевести её для него. Так и произошло.

Во время чтения д-р Штайнер сидел с закрытыми глазами и интенсивно слушал. Он был действительно захвачен своеобразным содержанием песни. После чая один из членов Общества прочёл "Сновидческую песню" на норвежском языке. После этого доктор Штайнер прочёл короткую, но захватывающую лекцию о песне. Он особенно акцентировал тот факт, что действие разыгрывается во время двенадцати священных ночей, когда духовные (внеземные) влияния становятся наиболее сильными. Кроме того, он особо коснулся имени Олафа Эстесона. Олаф или Олейфр = "отставший", "оставленный" после ухода предков. Он тот, кто несёт в себе кровь отцов поколений. Эст означает любовь: итак, он "Сын Любви".

Д-р Штайнер просил меня перевести песню на немецкий язык. Сам он не знал норвежского языка, не говоря уже о древнем, трудном также и для современных норвежцев диалекте, на котором была записана песня. Прежде всего, я должна была извиниться за то, что владею немецким языком недостаточно хорошо, чтобы передать прекрасный, музыкальный ритм. Д-р Штайнер сказал, что это ничего – я должна перевести песню сухо, слово за словом, для того чтобы он мог получить точное представление об её содержании.

Я сделала это осенью и послала ему весьма прозаический и во многих отношениях неудовлетворительный перевод. Затем Рудольф Штайнер придал песне собственный ритм и прочитал о ней несколько докладов. Позже она использовалась для эвритмических представлений, особенно рождественских.

В 1913г. Рудольф Штайнер сказал мне, что я не должна считать, будто святой Олаф и есть первоначальный Олаф Эстесон. (Св.Олаф, норвежский король, пал в битве при Штиклестаде в 1035г. как борец за христианство.) Было много

"Олафов Эстесонов", сказал Рудольф Штайнер. Это был своего рода мистериальный титул.

После первой мировой войны в 1921 и 1923 гг. д-р Штайнер снова побывал в Норвегии. Он жил тогда у инженера Ингерье. Госпожа Рагнхильд Ингерье, умершая несколько лет назад, рассказывала мне, что доктор Штайнер говорил с ней о "Сновидческой песне". Он временами занимался песней и открывал новое, например то, что песня гораздо древнее, чем это обычно предполагают. Она датируется примерно 400 г. по Р. Х. Тогда здесь в стране жил один великий христианский посвященный. Он основал на юге Норвегии мистериальную школу; место не называлось. Его мистериальное имя было Олаф Эстесон, и песня описывает его посвящение. Первоначально, как рассказывал Рудольф Штайнер, песня была намного длиннее и имела двенадцать частей, для каждого знака Зодиака. Песня описывает странствие Олафа Эстесона через весь Зодиак, что он там видел и переживал. Сегодня мы имеем лишь остаток той первоначальной песни. Указанная мистериальная школа существовала вплоть до раннего средневековья. Руководителя всегда звали Олаф Эстесон.

Д-р Штайнер говорил, что он со временем обнаружит эти факты, а также и многое другие важные вещи, связанные с этой песней. Однако он не хотел этого делать, не имея достаточно определённого внешнего повода для своего сообщения. Он полагал, что такой повод найдётся. Но пожар Гётеанума, чрезмерная работа, и, наконец, болезнь и смерть помешали осуществить это намерение. Теперь мы имеем только эти указания.

Открыватель песни – священник Ландстад: М. Б. Ландстад, известный норвежский исследователь псалмов и издатель книги псалмов. Он был священником в Телемарке, в то время заброшенной долине, где с отдалённых времён почти без изменений сохранялись старинные обычаи, обряды, древние традиции и язык. Сильное влияние на Ландстада оказал фон Грундтвиг (датский поэт и народный просветитель, 1783-1872); как и многие последователи Грундтвикса Ландтстад хорошо разбирался в истории и народном искусстве. Он объездил всю страну, записывая древние

легенды и народные мелодии. Их ему рассказывали и пели старые люди. В поездках Ландстада часто сопровождала дочь священника Олеа Крёгер, она была очень музыкальна. Кроме того, у неё была способность, поистине необычная способность вживаться в старые напевы и песни древнего музыкального строя и записывать их, что было подчас нелёгким делом. Олеа Крёгер родилась в Телемарке и лучше других знала язык и обычаи страны. То, что ей удавалось собрать, она скромно передавала Ландстаду или другим "учёным". Её работа известна лишь узкому кругу исследователей, однако её вклад трудно переоценить.

Личные замечания

Я много размышляла над этими сообщениями Рудольфа Штайнера и пришла в результате к тому, что эту мистериальную школу надо, может быть, искать в "Скрингсзале". Это место находится, или, может быть, находилось в Вестфольде; это местность в юго-восточной Норвегии. В древних легендах это место всегда считалось священным. Викинги, умершие за границей, желали быть похороненными в Скирингсзале. Там был также "каупанг" (ярмарка). Сейчас там ведут раскопки археологи, они считают, что это остатки той торговой площади. Но до сих пор нельзя с уверенностью указать, где находится Скрингсзаль. Когда-то он находился на побережье, теперь глинистые отложения привели к тому, что он глубоко "вдвинулся" в сушу. Скирингсзал означает: зал очищения. Скирн значит крещение или очищение (на древненордическом).

Откуда появился первый Олаф Эстесон? Из истории известно, что ирландские и шотландские монахи жили в стране задолго до официального введения христианства. По легенде Иосиф Аримафейский прибыл на Британские острова ещё в первом веке христианской эры и начал там миссионерскую деятельность. В Ирландии уже с самых древних времён были священные мистериальные центры. Вокруг, на других островах народные племена оставались языческими. Деятельность христианских миссионеров сливалась с древней мудростью друидов и привела к возникновению ирландско-шотландской церкви, которая называлась также Гулдеерская церковь. Она распространялась во многих местах между 300 и 400 гг. христианской эры. Существовали храмы, школы и монастыри, несмотря на то, что атаки сильных соседних языческих племён постоянно наносили им вред. Многие священники и монахи принимали

164

мученическую смерть. Эта Гулдеерская церковь в большей степени опиралась на Евангелие от Иоанна, на благовестие Апостола Иоанна. Она была похожа на первую христианскую общину и была в сильной оппозиции к церкви св. Петра, то есть к римско-католической церкви. Но последняя победила. Гулдеерская церковь была уничтожена и распущена в 664 г. христианской эры. До и после этого внешнего уничтожения она направляла многочисленных миссионеров в различные европейские страны. Эта церковь носила эзотерический характер. Многие говорят за то, что первый Олаф Эстесон был представителем этого духовного течения.